

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 23. — Севастополь : СевГУ, 2021. — 72 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические науки

Баранов А. В.

Политическая экспертиза международных отношений в Черноморском регионе: опыт стран Запада и России 5

Воробьев С. В.

Политический и военно-стратегический аспекты в эволюции статуса Черноморского региона в XIX-XXI вв. 10

Каширина Т. В.

Реализация Конвенции Монтрё 1936 года в контексте современных вызовов и угроз в Черноморском регионе 15

Штоль В. В.

Черноморский регион в контексте геополитики (история и современность) 18

Курылев К. П.

Черноморский регион в концептуальных документах, определяющих военно-стратегические интересы России 23

Чигрин В. А.

Отношение молодежи Крыма к экстремизму и терроризму в контексте проблем безопасности в регионе 27

Абрамов С. В.

28 союзных программ российско-белорусской интеграции: предпосылки и возможные последствия 32

Арестова А. Ю.

Регионостроительство Севастополя в условиях внутренней миграции семей с материковой России (на примере детского дополнительного образования) 38

Шпаковская М. А., Гаврила Андреа А.

Основные направления участия Румынии в сотрудничестве на Черном море 46

Философские науки

Жиртуева Н. С., Козлов М. Н.

Сущность страданий и методы их преодоления в мистических учениях 51

Русакова А. Б.

Проблема личности в контексте светской этики буддизма 56

Исторические науки

Лобков А. Е.

Пророссийское интервью американского хирурга Колумбуса Давеги для «Нью-Йорк геральд»: история одного информационного скандала периода Крымской войны 61

CONTENTS

Political Studies

Baranov A. V.

Political Expertise of International Relations in the Black Sea Region: Experience of Western Countries and Russia 5

Vorobiev S. V.

Political and Military-Strategic Aspects in the Evolution of the Status of the Black Sea Region in the 19th-21st Centuries 10

Kashirina T. V.

Implementation of the 1936 Montreux Convention in the Context of Contemporary Challenges and Threats in the Black Sea Region 15

Shtol V. V.

Black Sea Region in the Context of Geopolitics (History and Modern Times) 18

Kurylev K. P.

The Black Sea Region in the Conceptual Documents Defining the Military-Strategic Interests of Russia 23

Chigrin V. A.

Attitude of Youth of Crimea to Extremism and Terrorism in the Context of Security Problems in the Region 27

Abramov S. V.

28 Union Programs of Russian-Belarusian Integration: Background and Possible Consequences 32

Arestova A. Yu.

Region-Building of Sevastopol in the Context of Internal Migration of Families from Mainland Russia (on the Example of Supplementary Education for Children)..... 38

Shpakovskaya M. A., Gavrilu Andrea A.

The Main Trends of Romania's Participation in Cooperation on the Black Sea 46

Philosophical Studies

Zhirtueva N. S., Kozlov M. N.

The Essence of Suffering and Methods of Suffering Overcoming in Mystical Teachings 51

Rusakova A. B.

The Problem of Personality in the Context of the Secular Ethics of Buddhism 56

Historical Studies

Lobkov A. E.

A Pro-Russian Interview of the American Surgeon Columbus Davega for the New York Herald: the History of one Information Scandal during the Crimean War 61

УДК 303:372(4/5:262.5)

В статье дано определение особенностей политико-экспертного знания. Автор характеризует основные публикации по научной проблеме. Определено состояние и тенденции развития российской и зарубежной политической экспертизы по актуальным вопросам международных отношений в Черноморском регионе. Тенденции развития внешнеполитической экспертизы международных отношений в Черноморском регионе – это качественная активизация исследований, комплексность анализа экономических, внутри- и внешнеполитических, социокультурных и информационных аспектов темы.

Ключевые слова: политическая экспертиза, страны Запада, Россия, международные отношения, Черноморский регион.

А. В. Баранов, профессор, д-р полит. наук, д-р ист. наук

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: baranovandrew@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: ОПЫТ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ

В условиях воссоединения Крыма с Россией, усилившего геополитические позиции нашего государства в Черноморском регионе, возрастает необходимость научной обоснованной оценки международных отношений в Причерноморье, их прогнозирования. Политологи, международники, военные эксперты ведут соответствующую работу, реализуя различающиеся интересы своих стран. Следовательно, международные отношения в Черноморском регионе превращаются в объект «войны смыслов», продвижения и навязывания конкурирующих дискурсов оценки событий общественному мнению.

Цель статьи – раскрыть состояние и тенденции развития российской и зарубежной политической экспертизы по тематике международных отношений в Черноморском регионе. Хронологические рамки выбраны с февраля 2014 г. по настоящее время. Территориальные рамки определены применительно к Черноморскому региону в узком смысле слова: совокупности государств, имеющих прямой выход к Чёрному морю. Выборка экспертных структур, в которых работают зарубежные эксперты, включает в себя США, Европейский союз, Великобританию, Германию, Италию.

Данная тема отчасти освещена в российских международных исследованиях. Обобщающие работы о международных отношениях в Причерноморье опубликовали С. С. Жильцов [8], Г. В. Горелова и В. Н. Рябцев [6], Э. Э. Ислямова [15]. Специализированные статьи о внешнеполитической экспертизе современных процессов в регионе выполнили В. Н. Конышев [16] и А. В. Ващенко [4]. Но внимание уделяется в основном организационным формам экспертизы, а слабо изучена смысловая направленность и способы аргументации экспертных текстов.

Политико-экспертное знание качественно отличается от академического научного. Политическая экспертиза может быть определена как деятельность индивидов или организаций, обладающих профессиональными знаниями высокого уровня, с целью выработки практико-ориентированных знаний и рекомендаций для заказчиков в сфере принятия политических решений [19, с. 35-40]. Соответственно, внешнеполитическая экспертиза выступает отраслевым видом политической экспертизы, выполняющим её задачи применительно к сфере внешней и военной политики,

геополитики, сфере международных отношений в целом. Не все виды и процедуры прикладного внешнеполитического анализа относятся к экспертизе. Эксперт обладает практическим опытом деятельности в изучаемой сфере и «включён» в процесс разработки, принятия и реализации властно-политических решений. Эксперт работает по заказу, процедуры и методы его деятельности более регламентированы, чем аналитика в научном учреждении. Тематика его «продуктов» увязана с потребностями заказчика по управлению внешнеполитическими процессами. «Цикл жизни» экспертного доклада или аналитической записки значительно короче, чем монографии или научной статьи.

Российская модель внешнеполитической экспертизы сохранила многие признаки, сформировавшиеся в советский период, – преобладание государственных (относящихся к структуре МИД РФ или аффилированных с ним) экспертных организаций (Дипломатическая академия МИД, МГИМО-Университет), а также экспертных структур в составе институтов Российской академии наук – Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (в его составе работают Центр постсоветских исследований и Лаборатория «Центр ближневосточных исследований» [11]), Института Европы РАН (отдел Средиземноморья и Черноморья, а в его составе – центр по изучению балканских стран и стран Южного Кавказа [13]), Института востоковедения РАН (в его составе – центр крымских исследований, центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья [12]). Данные учреждения сконцентрированы в Москве, как правило, проводя в регионах только разовые мероприятия (научные конференции, «круглые столы», семинары и т.д.) в рамках грантового финансирования.

Другой вид экспертных структур – подразделения при региональных вузах (значительно реже – при научно-исследовательских центрах). Применительно к Черноморскому региону такие структуры созданы при Южном федеральном, Севастопольском, Пятигорском, Кубанском государственном университетах, в составе Южного научного центра РАН. Но их деятельность испытывает дефицит финансовых, информационных и организационных ресурсов, фактически ведётся в дополнение к основной педагогической активности сотрудников. В итоге эффективность экспертных подразделений при региональных вузах значительно зависит от персонального фактора. Зачастую их деятельность в различных регионах дублируется, поскольку ведётся без координации.

В-третьих, ведётся экспертная деятельность неправительственных организаций (Института стран СНГ (Института диаспоры и интеграции), Институт Ближнего Востока и др.), но её масштабы в сравнении с государственными учреждениями значительно меньше.

Экспертные функции выполняет определённая часть научных публикаций российских международныхников. Полезные прикладные работы выполнили Н. В. Ивкина, Т. С. Павлова и М. А. Никулин (о нарушениях конвенции Монтрё со стороны ВМС НАТО) [10], А. А. Ирхин и Л. П. Нелина (о современных российско-турецких отношениях) [14], А. В. Болдырев (о проекте канала «Стамбул») [3]. Основное внимание уделяется геополитической конкуренции Российской Федерации и НАТО в Черноморском регионе (А. А. Язькова [21], Н. С. Белякова [2], С. А. Забелин [9]). Роль Украины в геополитических процессах оценивается российскими экспертами как подчинённая (В. И. МIRONENKO) [17]. Характеризуется значение балканских стран, государств Закавказья. Военный аспект позиционирования акторов геополитики в Чёрном море раскрывают С. П. Горбачёв [5], И. Деланоз, Д. Пуминов, М. Гурова и др. [7]. Недостаточное внимание уделяется новейшим стратегиям участников геополитического соперничества в регионе. Среди немногих исследований аспекта отметим статью В.В. Скоробогатова и А. О. Кривцова [18]. Значение энергетической дипломатии России и её конкурентов для баланса сил в Причерноморье раскрывает А. Д. Хайтун [20]. Осознаётся необходимость широкомасштабных политико-географических и геополитических исследований, но в открытых изданиях их примеры остаются редкими [1].

Среди западных экспертно-аналитических центров уделяют значительное внимание Черноморскому региону РЭНД-Корпорейшн, Парламентская ассамблея НАТО, Стокгольмский институт исследования проблем мира, Geopoliticalmonitor Intelligence Co., Институт Ближнего Востока, Центр стратегических и международных исследований и др. В числе публикаций

зарубежных авторов упомянем экспертные доклады С. Майстера [26], С. Дж. Флэнегана и И. А. Чиндеа [25], П.-Э. Томанна [27], М. Чоссудовски [24].

Представляет особый интерес экспертный доклад, выполненный Аусрине Армонайте (Литва) под эгидой комитета по экономике и безопасности Парламентской ассамблеи НАТО (опубликован на сайте ПА НАТО 20 ноября 2020 г.) [22]. Доклад выражает официальную позицию данной институции. Текст состоит из 7 разделов, в том числе, освещает вопросы: фрагментированности и сотрудничества в Черноморском регионе; политики Российской Федерации в контексте нерешенных конфликтов и милитаризации; взаимосвязи энергетики, транспорта и безопасности в регионе; экономической интеграции и сотрудничества в регионе; роли международного сообщества; вызовов пандемии COVID-19. В выводах данного доклада подчёркивается единство позиции НАТО и Евросоюза в отношении непризнания российского статуса Крыма на основе принципов «независимости, суверенитета и территориальной целостности», Конвенции ООН о морском праве и свободе мореплавания. По мнению автора, НАТО должна увеличить своё военное присутствие в регионе для защиты прибрежных государств. Украина и Грузия названы «ключевыми партнёрами» НАТО [22, р. 19-20].

Автор доклада подчёркивает необходимость завершения создания Черноморско-Каспийского транспортного и энергетического коридора Евросоюза, связывающего ЕС со странами Центральной Азии. Данная задача отчётливо увязывается с устранением возможности какой-либо страны использовать вопросы поставок и транспортировки энергоносителей в политических целях (намёк на Россию). Вопросы усиления и консолидации демократии в причерноморских странах увязываются автором доклада с «противостоянием российской кампании дезинформации» в информационном пространстве региона, а также с развитием неправительственных организаций при поддержке НАТО и ЕС.

А. Биннендийк в экспертном докладе для РЭНД-Корпорейшн (2020 г.) рассматривает укрепление российского военного и промышленного потенциала в Черноморском регионе [23]. Автор доклада излагает результаты ситуационных анализов и имитационного моделирования военной конфронтации НАТО и РФ в регионе, проведённых специалистами РЭНД Корпорейшн. На данной основе автор отмечает предпочтительность для РФ инструментов «мягкой силы» по расколу членов НАТО в сравнении с прямой военной конфронтацией. А. Биннендийк предлагает для отражения «российской угрозы» разместить ракеты НАТО с радиусом действия 200 км на протяжении всего черноморского побережья Турции, осознавая, вместе с тем, препятствия для такого шага при правлении нынешнего режима в Турции [23, р. 79]. На фоне других изученных публикаций позиция аналитиков РЭНД-Корпорейшн представляется умеренной.

Таким образом, состояние внешнеполитической экспертизы международных отношений в Черноморском регионе, что касается стран Запада, можно расценить как достигшее высокой степени институционализации и координации усилий индивидуальных аналитиков и исследовательских структур. Тенденции развития внешнеполитической экспертизы международных отношений в Черноморском регионе – качественная активизация исследований, комплексность анализа экономических, внутри- и внешнеполитических, социокультурных и информационных аспектов темы. Определённую автономную позицию занимают турецкие и арабские экспертные организации, что выходит за рамки данной статьи и нуждается в специальном исследовании.

Российская внешнеполитическая экспертиза обладает более односторонней организационной структурой, централизованной и огосударствлённой. В этом есть преимущества, но есть и недостатки. Международная ситуация в Причерноморье меняется столь быстро, что необходим постоянный мониторинг вызовов, рисков и угроз национальной безопасности России в Черноморском регионе. Недостаточным остаётся анализ пересечений международных и внутривнутриполитических процессов, аспектов «мягкой силы» в Черноморском регионе, конкуренции Запада и России на пространстве малых и второстепенных стран данного региона. На наш взгляд, нельзя подходить к организации и финансированию структур внешнеполитической экспертизы с критериями коммерциализации и интернационализации. Российское государство призвано поддерживать экспертные сообщества и специалистов, ориентированных на защиту национальных интересов, интегрировать и координировать усилия столичных и региональных экспертов.

Список литературы

1. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 5: Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития: специальный выпуск / Г. Г. Матишов, Л. В. Батиев, И. В. Пашенко, И. В. Романов ; отв. ред. Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 159 с.
2. Белякова, Н. С. Новые реалии архитектуры Черноморского региона / Н. С. Белякова // Инновационный центр развития образования и науки: сайт. – URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-sovremennykh-obshchestvennykh-nauk-sbomik-nauchnykh-tmdov-po-itogam-mezhdunarodn-sektsiya-11-politicheskie-problemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy-globalnogo-i-regionalnogo-razvitiya-sp/novye-realii-arkhitektury-chemomorskogo-regiona/> (дата обращения: 30.09.2021).
3. Болдырев, А. В. К вопросу о географии Стамбульского канала / А. В. Болдырев // Восточная аналитика. – 2018. – № 3. – С. 120–133.
4. Ващенко, А. В. Политическая экспертиза проблем региональной безопасности (Черноморско-Каспийский регион): этапы, институты, технологии / А. В. Ващенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – Астрахань, 2020. – № 1 (62). – С. 76–84.
5. Горбачёв, С. П. Чёрное море: рифы и фарватеры военной безопасности / С. П. Горбачёв // Фонд стратегической культуры : сайт. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2016/05/22/chernoe-more-rify-i-farvaterv-voennoi-bezopasnosti-40380.html> (дата обращения: 30.09.2021).
6. Горелова, Г. В. Моделирование архитектуры и динамики геополитических регионов современного мира: когнитивный подход (зона Черноморье – Кавказ – Каспий) / Г. В. Горелова, В. Н. Рябцев. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2014. – 374 с.
7. Деланоз, И. Ридер РМСД. Соотношение вооружённых сил в Черноморском регионе / И. Деланоз, Д. Пуминов, М. Гурова и др. // Российский совет по международным делам : сайт. – URL: <http://russiancouncil.ru/blackseamilitary/> (дата обращения: 30.09.2021).
8. Жильцов, С. С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы / С. С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 149–164.
9. Забелин, С. А. Политика ЕС в отношении постсоветских стран Причерноморья / С. А. Забелин // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М. : Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 44–53.
10. Ивкина, Н. В. Нарушение конвенции Монрё как угроза безопасности России / Н. В. Ивкина, Т. С. Павлова, М. А. Никулин // Морской сборник. – 2020. – Т. 2074, № 1. – С. 49–57.
11. ИМЭМО РАН. Подразделения // ИМЭМО РАН имени Е. М. Примакова : сайт. – URL: <https://www.imemo.ru/about/structure> (дата обращения: 30.09.2021).
12. Институт востоковедения РАН. Подразделения // Институт востоковедения РАН : сайт. – URL: <https://ivran.ru/scientific-centers> (дата обращения: 30.09.2021).
13. Институт Европы РАН. Отдел Средиземноморья и Черноморья // Институт Европы РАН : сайт. – URL: <https://www.instituteofeurope.ru/ie-ras/struktura/otdel-chemomorsko-sredizemnomorskikh-issledovaniy/> (дата обращения: 30.09.2021).
14. Ирхин, А. А. Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренции региональных держав после 2014 года / А. А. Ирхин, Л. П. Нелина // Причерноморье. История, политика, культура. Сер. В: Международные отношения. – Севастополь, 2020. – № XXIX (IX). – С. 22–29.
15. Ислямова, Э. Э. Геополитическое значение Черноморского региона: теоретико-концептуальное измерение / Э. Э. Ислямова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Симферополь, 2017. – Т. 3 (69), № 4. – С. 124–133.
16. Конышев, В. Н. Безопасность в Черноморском регионе в оценках «мозговых центров» США / В. Н. Конышев // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. – С. 32–35.

17. Мироненко, В. И. Северное Причерноморье - Россия, Украина, Молдова / В. И. Мироненко // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М. : Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 19–25.
18. Скоробогатов, В. В. Значение Причерноморского региона в современных геополитических процессах / В. В. Скоробогатов, А. О. Кривцов // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Сб. науч. статей. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2016. – С. 247–252.
19. Сунгуров, А. Ю. Экспертные сообщества и власть / А. Ю. Сунгуров. – М. : Политическая экспертиза, 2020. – 231 с.
20. Хайтун, А. Д. Энергетические проблемы Большого Причерноморья / А. Д. Хайтун // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М. : Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 87–95.
21. Язькова, А. А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития / А. А. Язькова // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России (Доклады Института Европы. № 324). – М. : Ин-т Европы РАН, 2016. – С. 7–18.
22. Armonaite, A. The Black Sea Region: Economic and Geo-Political Tensions: Report of NATO Parliamentary Assembly. Economics and Security Committee (ESC); Sub-Committee on Transition and Development (ESCTD) / A. Armonaite // NATO Parliamentary Assembly : site. – URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2020-12/035%20ESCTD%2020%20E%20rev%202%20fin%20-%20THE%20BLACK%20SEA%20REGION%20ECONOMIC%20AND%20GEQ%20POLITICAL%20TENSIONS.pdf> (date of access: 30.09.2021).
23. Binnendijk, A. Understanding Russian Black Sea Power Dynamics Through National Security Gaming / A. Binnendijk // RAND Corporation : site. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3094.html (date of access: 30.09.2021).
24. Chossudovsky, M. Crisis in Ukraine: Russia Extends its Control over the Black Sea and Strategic Waterways / M. Chossudovsky // GlobalResearch : site. – URL: <https://www.globalresearch.ca/russia-extends-its-control-over-the-black-sea-and-strategic-waterways/5374021> (date of access: 30.09.2021).
25. Flanagan, S. J. Russia, NATO, and Black Sea Security Strategy Regional Perspectives from a 2019 Workshop / S. J. Flanagan, I. A. Chindea // RAND Corporation : site. – URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF405.html (date of access: 30.09.2021).
26. Meister, S. Strategic Sovereignty in the EU's Southeastern Neighborhood: The Black Sea as Part of a Larger Geopolitical Region / S. Meister // Heinrich-Boll-Stiftung : site. – URL: <https://ge.boell.org/en/2021/01/28/strategic-sovereignty-eus-southeastern-neighborhood-black-sea-part-larger-geopolitical> (date of access: 30.09.2021).
27. Thomann, P.-E. The Geopolitical Significance of Black Sea Region in the Greater Power Rivalry Context and Its Importance in a Potential New European Security Architecture / P.-E. Thomann // Eurocontinent. Enjeux Geopolitiques Europeens et Mondiaux : site. – URL: <http://www.eurocontinent.eu/2020/02/the-geopolitical-significance-of-black-sea-region-in-the-greater-power-rivalry-context-and-its-importance-in-a-potential-new-european-security-architecture/> (date of access: 30.09.2021).

Статья поступила в редакцию 22.10.2021

Baranov, A. V. *Political Expertise of International Relations in the Black Sea Region: Experience of Western Countries and Russia*

The article provides a definition of the features of political expert knowledge. The author characterizes main publications on a scientific problem. The state and development trends of Russian and foreign political expertise on topical issues of international relations in the Black Sea region have been determined. Trends in the development of foreign policy expertise of international relations in the Black Sea region are a qualitative intensification of research, a comprehensive analysis of the economic, domestic, foreign policy, sociocultural, and information aspects of the topic.

Keywords: political expertise, Western countries, Russia, international relations, the Black Sea region.

УДК 327(4/5:262.5):321.013(470+571)(091)

Представлены исторический и современный аспекты эволюции статуса Черноморского региона в достижении национальных интересов России в XIX–XXI веках.

Ключевые слова: Черноморский регион, Крым, референдум, Черноморский флот.

С. В. Воробьев, профессор, д-р ист. наук

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: 352147@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ В ЭВОЛЮЦИИ СТАТУСА ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В XIX–XXI ВВ.

Представлять эволюцию статуса Черноморского региона в политическом и военно-стратегическом аспекте было бы неверно, не дав предварительной краткой оценки сегодняшних международных отношений. А они сродни нашим общечеловеческим отношениям: мы знакомимся, влюбляемся, создаем семейные союзы, рожаем детей, учим их ходить, воспитываем их, ссоримся, вновь миримся, переживаем различные жизненные трудности жилищного, бытового характера, заботимся друг о друге или расходимся. Опираясь на социетальный подход в исследовании международных отношений, тоже самое, только в достаточно увеличенных масштабах, мы видим сегодня и в международной среде. Участники международных отношений устанавливают дипломатические отношения, создают союзы, формируют программы развития, преодолевают совместные кризисы, подобные сегодняшней пандемии covid-19, помогают друг другу или меняют свои приоритеты взаимодействия.

Именно в таком подобии и происходит развитие человеческой цивилизации, когда существуют некоторые регионы, вызывающие повышенный интерес значительного количества участников международных отношений. Одним из таких регионов в течение, практически, около трехсот лет является Черноморский регион. Как правило, Черноморский регион воспринимается в так называемом расширительном понимании. Основу такому восприятию региона заложила еще Екатерина II благодаря идее так называемого «Греческого проекта». Фактически, с конца 18 века, он являлся центром соперничества и противостояния Австрии (Австро-Венгрии), Пруссии (Германии), Великобритании, Италии, Франции, России за раздел турецких владений. Век 20 обозначил его важность, как зоны влияния сначала Германии и ее союзников, а затем как полигона противостояния в биполярной системе международных отношений между СССР и США.

Черноморский регион имел и имеет важнейшее значение для Европы: через него пролегают основные пути, соединяющие запад и восток, север и юг. По мнению многочисленных отечественных и зарубежных экспертов, тот, кто контролирует Черное море или господствует на нем, может без труда спроецировать свою политическую и военно-стратегическую мощь на европейский континент, прежде всего, на Балканы и в Центральную Европу, в восточный район Средиземноморья, Южный Кавказ и на север Ближнего Востока.

Оценивая эволюционное развитие политического статуса Черноморского региона, можно констатировать, что оно происходило на фоне формирования образа врага и национального унижения России, что не раз подтверждалось историческими событиями. Таковыми в XIX веке были результаты окончания трех русско-турецких войн (1806–1812, 1828–1829, 1877–1878 гг.), Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.) и последующих международных конференций.

Первая половина XX века в формировании политического статуса Черноморского региона ознаменована, в основном, ходом и результатами гражданской войны в России, 1-й и 2-й Мировых войн. Когда Причерноморье и Крым провозглашались вотчинами – политическими дивидендами агрессоров-захватчиков. Были окончательно установлены правила прохода черноморских проливов и сформирована система международно-правовой ответственности за реализацию этих правил.

Вторая половина XX века обозначила политико-экономический вектор взаимодействия в рамках стабилизации Черноморского региона через создание межправительственной международной Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), оформленной 25 июня

1992 г.* К сожалению, деятельность организации не оправдала надежды России на обеспечение устойчивого развития региона.

Начало XXI века обозначило новые подходы в формировании политического вектора в эволюции статуса Черноморского региона. Это проявилось и в стремлении Турции стать главным «управленцем» в распоряжении проливами, благодаря продвижению идеи строительства канала в Стамбуле в обход Босфора. Изменилось также и политическое состояние причерноморских государств в регионе с изменением геополитической конфигурации в 2014 году, в связи с возвращением Крыма и Севастополя в состав России.

Анализ международной ситуации в Черноморском регионе, по оценкам западных специалистов, приводит к результату, в котором Крым, как политико-государственное образование существовать не должен. Вот почему одной из важных задач в начале XXI века для западного сообщества государств была задача превращения Крыма в территорию без государственного смысла и в последующем, – в форпост военно-политической базы НАТО в непосредственной близости РФ.

Для обозначения современного положения политического статуса Черноморского региона, с появлением в составе России двух этих субъектов, следует упомянуть отдельно. С момента проведения референдума прослеживается особый акцент западного внимания на малочисленные народы, проживающие в Причерноморье. Отсюда и такой упор на Крым, как плавильную печь народов, религий, культур. Сейчас в Крыму проживает более 2 млн. 355 тыс. человек, около 40 национальностей (более 65% русских, 16% украинцев, до 15% представителей крымскотатарского и татарского населения).

Оценивая программы западных государств в отношении Крыма и г. Севастополя, следует говорить о широком их спектре. Этот спектр включает в себя и программы западного сообщества и мероприятия отдельных государств. Так, к примеру, государственные учреждения Крыма и Севастополя не могут участвовать в программах ЕС типа Creative Europe, Horizon 2020, Erasmus+ (европейские программы по поддержке культурного и креативного сектора, исследования и инноваций, программы ЕС в области образования, профессионального обучения, молодежной политики и спорта).

Двойственность указанных программ такова, что они нацелены против органов власти, а не на крымчан и севастопольцев. Так, крымчане-студенты, обучающиеся в ЕС имеют право на стипендии в соответствии с европейскими образовательными программами. Или, Европейской комиссией и Европейской службой внешних связей еще в 2016 году изданы рекомендации по непризнанию российских загранпаспортов, выданных в Крыму, но не запрещающие поездки крымчан и обращения за «шенгенской» визой. Тем самым, создавая парадоксальную ситуацию: мы не ограничиваем вам свободу передвижения, но не признаем ваши российские паспорта.

Существующее доминирование США в глобальном информационном пространстве заставляет западное сообщество использовать рычаги экономического воздействия на Крым и Севастополь, как ресурсную составляющую. К ним следует отнести: запрет на импорт товаров, произведенных в Крыму; запрет инвестиций; запрет на оказание туристических услуг в Крыму и Севастополе, с запретом заходов судов в порты Крыма и другие. Для реализации такого подхода: от информационной войны – к, фактически, экономической и политической блокаде Крыма и Севастополя, была даже издана Европейским Советом в январе 2018 г. «Памятка для компаний, работающих и/или инвестирующих в Крым и Севастополь», которая содержит практически все ограничительные меры, как извлечения из программ западного сообщества в отношении Крыма и Севастополя.

Но, наряду с деятельностью политической властной элиты западных стран, поставившей своей целью препятствование развитию Крыма и Севастополя, продолжает действовать народная дипломатия, не имеющая преград в виде границ или санкций. Сохранившееся и развивающееся

*1 мая 1999 г. подписано «Босфорское заявление» (12 участников – Россия, Турция, Болгария, Румыния, Украина, Грузия, Албания, Азербайджан, Армения, Греция, Молдавия, Сербия- в 2004 г.), 13 наблюдателей (Австрия, Белоруссия, Германия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Словакия, США, Тунис, Хорватия, Чехия, Словакия), 9 партнеров (Великобритания, Венгрия, Иордания, Иран, Кипр, Республика Корея, Словения, Черногория, Япония). Всего 34 государства проявили свои национальные интересы, в той или иной степени, в определении политико-экономического статуса Черноморского региона (Примечание автора).

движение породненных городов этому подтверждение. Зародившееся в годы тяжелых испытаний для всего цивилизованного человечества и оформившись в грандиозную систему межчеловеческого общения из более 3500 городов мира из более 80 стран к началу XXI века. Уже после возвращений Крыма домой в Россию в 2014 году городами побратимами стал Симферополь и греческий Александруполис и итальянская Падуя, Феодосия и греческий Аспропиргос, Керчь и итальянский Реджо-Калабрия, Ялта и Ровиго (Италия). Встречи представителей породненных городов с жителями Крыма и Севастополя проводятся на непрерывной основе.

6 ноября 2017 года в Ялте на международном экономическом форуме была учреждена Международная ассоциация «Друзья Крыма», которая объединила представителей 36 государств. Эта организация своими целями определила содействие прекращению конфронтации вокруг полуострова и восстановление сотрудничества между Россией и Западом. А в марте 2019 года в ежегодном Ялтинском экономическом форуме участвовали представители уже 89 иностранных государств в количестве 807 делегатов. В конце 2019 года в Крыму побывала делегация общественных деятелей из США, Германии, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, которые встретились как с представителями власти, так и с общественностью. Они лично убедились в том, как развивается и процветает российский Крым, где царит мир и межнациональное согласие [1].

Политическое самоопределение Крыма и Севастополя как субъектов Российской Федерации в рамках Черноморского региона представлено международным правом и могло быть реализовано только в состоянии правового вакуума из-за неконституционного государственного военного переворота на Украине в феврале 2014 г.

Оценке, в указанном контексте подлежат и Устав ООН, и Декларация 1970 года о принципах международного права и прецеденты о самоопределении и определении независимости отдельных народов и государств, да и некоторые резолюции ГА ООН. При этом нормы Устава ООН – принципы ч.2 ст. 1. «принцип самоопределения народа», не вступают в противоречие с ч.4 ст.2 «принцип о территориальной целостности», а дополняют друг друга.

Устав ООН и Декларация 1970 года о принципах международного права, (Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года провозгласила норму, по которой «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение». Право народов на самоопределение, в том числе «свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним», которое, по мнению РФ, было реализовано «в экстремальных условиях невозможности реализации (народом Крыма) права на самоопределение в рамках Украины, усугубившихся приходом к власти незаконных властей, которые не представляют весь украинский народ». Право на самоопределение крымчан опиралось и на прецедент с признанием одностороннего провозглашения независимости Косова.

Еще одним прецедентом по современному политическому самоопределению народа Крыма может служить – Конвенция Монтевидео, которая подписана 26 декабря 1933г. и вступила в силу 26 декабря 1936 г. на Седьмой Международной Конференции Американских Государств. Она установила следующие требования: Статья 1. Государство, как субъект международного права, должно обладать следующими признаками: а) постоянное население; б) определенная территория; в) правительство; и г) способность к вступлению в отношения с другими государствами. Статья 3. Политическое существование государства не зависит от признания другими государствами. Эти конвенциональные нормы также подтверждают правильность подхода жителей Крыма к своему самоопределению.

Оценивая деятельность СБ ООН, следует констатировать, что только в период с 1 марта по 27 марта 2014 г. СБ собирался 6 раз по Крымским событиям (за 2014 год 12 раз собирался Совет Безопасности ООН по украинскому вопросу, 2015 год – 6 заседаний, 2016 год – 2 заседания, 2017 год – 1 заседание, 2018 год – 4 заседания, 2019 год – не было заседаний по Крыму и Украине).

Оценивая документы ООН и в частности Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины – от 27 марта 2014 года, в результате открытого голосования на 80-м пленарном заседании 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН следует говорить о том, что ГА ООН подтвердила суверенитет и территориальную целостность

Украины в её международно-признанных границах и не признала законности какого бы то ни было изменения статуса Автономной Республики Крым и статуса города Севастополя, основывающегося на результатах общекрымского референдума, состоявшегося 16 марта 2014 года. Такой вывод был сделан на основе того, что этот референдум, согласно данной резолюции, не имеет законной силы (а как же тогда еще 3 референдума, когда Крым был еще в составе СССР – они тогда какую силу имели?). Успокаивает лишь факт рекомендательного характера резолюций ГА ООН.

Показательно то, что из 193 стран-членов ООН 100 - высказались «за», 11 – «против», 58 стран «воздержались», формально не приняв резолюцию и 24 страны не голосовали.

Продолжением подобной односторонней практики оценки межгосударственного взаимодействия может служить и Резолюция ГА ООН от 17 декабря 2018 года № A/RES/73/194 «Проблема милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополь, Украина, а также районов Черного и Азовского морей» в связи с провокацией Украины по проходу и в связи с применением силы Российской Федерацией против Украины, в том числе, против трех судов Военно-морских сил Украины, а именно «Бердянск», «Никополь» и буксира «Яна Капу», 25 ноября 2018 года в Черном море. На примере этих резолюций можно говорить о присутствующих в современной международной среде двойных стандартах.

На сегодня Крым и Севастополь признаны территорией России 26 государствами мира. Это страны с численностью населения 3 млрд.347 млн. человек или 45,5% населения Земного шара (7 млрд. 358 млн.).**

Оценивая военно-стратегический вектор в эволюции статуса Черноморского региона в XIX – XXI веках следует отметить проявление тенденции поступательности, которая заключается в следующем.

Южный вектор внешней политики России издавна был направлен на присоединение причерноморских земель, выход к Черному морю. Далее через Крымский полуостров и Балканы, с помощью флота, на установление полного контроля над Черным морем и проливами с дальнейшим распространением своего влияния на Восточное Средиземноморье и Ближний Восток. Однако сильная Россия, с интересами которой нельзя не считаться, никогда не устраивала ведущие державы, будь то Османскую империю, Англию, Францию, Германию или в наши дни – коллективный Запад.

В конце XVIII – начале XIX была создана основа военно-стратегического статуса российского Причерноморья. Формирование Черноморского флота и его активная деятельность в решении задачи завоевания стратегического господства на Черном море стало прологом. Николаевское адмиралтейство, строящее парусные корабли, продолжило традиции Архангельска и Воронежа в Черноморском регионе.

XX век стал очередной вехой в испытаниях на прочность Южного военно-стратегического направления нашей страны. Это наиболее ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны. Героическая оборона Одессы, Севастополя, беспримерное мужество наших моряков в сухопутных и десантных операциях Керчи, Новороссийска, Феодосии, Евпатории и проведение в феврале 1945 года Ялтинской конференции руководителей стран участниц антигитлеровской коалиции – это признание не только политического влияния СССР в период борьбы с фашизмом-чумой XX века, а и новое осмысление военно-стратегического значения Черноморского региона.

Вторая половина XX века подтвердила это осмысление. Использование принципа в военном деле «иметь вооружение как у противника», привело к тому, что на Черноморском судостроительном заводе в 70-80-е годы были построены 5 авианесущих крейсеров («Киев», «Минск», «Новороссийск», «Адмирал Горшков», «Адмирал Кузнецов»). Сохранил свое непроходящее значение и «непотопляемый авианосец» СССР – полуостров Крым, занимающий очень выгодное военно-стратегическое положение не только в Черном море, но и во всем Черноморском регионе. Наш «непотопляемый авианосец» Крымский полуостров уже имел к этому времени опыт нести на себе ядерное оружие с 1959 по 1964 г. со штабом в с. Перевальное, где дислоцировался ракетный полк, вооруженный ракетами с ядерными боезарядами, обеспечивающий стратегический паритет на южном военно-стратегическом направлении с ядерным оружием США, которое было расположено на территории Турции в этот период [2, с. 22-23].

** Результат авторского подсчета статистических данных по численности населения стран.

Не следует забывать в ряду военно-стратегических событий XX века, касающихся Черноморского региона, также и то, что принятая директива СНБ США № 20/1 еще 18 августа 1948 года, содержащая планы войны, в том числе и информационной, против нашей страны, не отменена и продолжает действовать вот уже 73 года. Украинские события конца XX – начала XXI веков – один из реализованных на 100% пунктов этой директивы.

Начало XXI века «притупило» острие развития военно-стратегического статуса Черноморского региона. После развала Советского Союза в 90-е годы стоял вопрос о сохранении целостности России и военно-стратегическая составляющая была всецело ориентирована на лояльность и дружелюбность западного сообщества к новой зарождающейся России. Это было ошибочным восприятием ситуации. Этот период в эволюции военно-стратегического статуса Черноморского региона следовало бы назвать – «хотят ли русские войны?», когда Черное море и Черноморский регион в целом становится, фактически, ареной открытого противостояния России и стран Запада в лице НАТО.

Современная Военная доктрина России не предусматривает участие и ведение крупномасштабной войны, а лишь допускает возможность ведения военных действий ВС РФ на одном или нескольких оперативно-стратегических направлениях. Учения вооруженных сил нашей страны, проведенные в апреле 2021 года в Крыму с привлечением в течение недели 10 тыс. военнослужащих, 1,2 тыс. единиц техники, а также 40 боевых кораблей, подтвердили то, что важнейшим оперативно-стратегическим направлением остается южное - Черноморское направление, а Крым и Севастополь, как и в прежние времена, являются форпостом страны на нем.

«Мы никого не собираемся завоевывать», но после возвращения Крыма и Севастополя, и совершенствования военно-стратегических возможностей нашего «непотопляемого авианосца», готовы заявить, что из европейских государств спокойными могут быть только Португалия и Ирландия, которые находятся пока вне зоны досягаемости российских ракетных систем «Калибр», дислоцирующихся в Черноморском регионе.

И отечественный дипломатический корпус имеет, исходя из этого, весомую ресурсную составляющую в военно-стратегическом плане, при решении разноуровневых политических вопросов с европейскими и иными «партнерами».

Статья поступила в редакцию 18.11.2021

Список литературы

1. Декларация о создании Международной Ассоциации «Друзья Крыма» 6 ноября 2017 г., г. Ялта, Республика Крым. – URL: <http://www.ppcrimea.ru/index.php/ru/ofitsialnaya-khronika/10-proekty/480-deklaratsiya-o-sozdani-mezhdunarodnoj-assotsiatsii-druzya-kryma-6-noyabrya-2017-g-g-yalta-respublika-krym> (дата обращения 10.09.2021)

2. Воробьев, С. В. Ядерное оружие в современных международных отношениях» / С. В. Воробьев, Т. В. Каширина. – М. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2020. – 190 с.

Vorobiev, S. V., *Political and Military-Strategic Aspects in the Evolution of the Status of the Black Sea Region in the 19th-21st Centuries*

The article considers historical and modern aspects of the evolution of the status of the Black Sea region in achieving national interests of Russia in the 19th-21st centuries.

Keywords: Black Sea region, Crimea, referendum, Black Sea Fleet.

УДК 327(4/5:262.5)(091)

Рассматривается проблема правового регулирования международного использования проливов Босфор и Дарданеллы и военно-стратегическое значение в контексте национальных интересов России. Уделяется внимание истории нарушений положений Конвенции Монтрё.

Ключевые слова: международные отношения, Лондонская конвенция, Конвенция Монтрё, безопасность, Россия

Т. В. Каширина, профессор, д-р ист. наук,
Дипломатическая академия МИД России
E-mail: Kashirina73@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНВЕНЦИИ МОНТРЁ 1936 ГОДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Первым нормативным актом, отменившим невыгодный для России Парижский договор 1856 г., стала Лондонская конвенция 1871 г. Конвенция была подписана 1(13) марта Россией, Турцией, Германией, Австро-Венгрией, Великобританией, Италией и Францией на конференции, созванной в связи с тем, что Россия объявила о своём отказе соблюдать постановления Парижского договора, ограничивающие её суверенные права и безопасность на Чёрном море.

Лондонская конвенция отменила статьи, ограничивающие суверенитет России и Турции на Чёрном море, и приложенную к договору русско-турецкую конвенцию. Россия и Турция получили право держать на Чёрном море неограниченное количество своих военных кораблей и строить на Черноморском побережье военные арсеналы.

Отмена «нейтрализации» Чёрного моря была определённым успехом русской дипломатии. Однако режим проливов не был изменён. Лондонская конвенция подтвердила положение конвенции 1841 о том, что проливы закрыты для всех иностранных военных кораблей, включая русские. В конвенцию было включено дополнение, направленное непосредственно против России: султану предоставлялось право в мирное время открывать проливы для военных судов «дружественных и союзных держав», если это понадобится для обеспечения исполнения Парижского договора, положения которого были подтверждены за исключением отменённых статей. Хотя Россия получала равную с другими государствами возможность прохода своих военных кораблей через проливы с согласия Турции, но это равенство носило формальный характер. Лондонская конвенция нарушала интересы России, закрывая русским военным кораблям единственный путь из Чёрного м. в открытые моря и не обеспечивая её безопасность. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. это поставило Россию в положение, при котором Черноморский флот был лишён возможности принимать участие в войне против Японии. Во время Первой Мировой войны Турция, оставаясь ещё формально нейтральной, пропустила через проливы германские военные корабли (линейный крейсер «Гебен» и крейсер «Бреслау»), целью которых было ведение боевых действий против России. В годы Гражданской войны в России военно-морские силы держав Антанты также использовали проливы для прохода в Чёрное море и нападения на советские берега [4, с. 31-39].

Основными факторами подписания Лондонской конвенции стали: активная деятельность министра иностранных дел А. М. Горчакова, который сумел заручиться поддержкой Франции (Наполеон III) и Пруссии (Отто фон Бисмарк) и умело использовал сложившуюся обстановку в ходе франко-прусской войны 1871 г. Великобритания и Австро-Венгрия без Франции и Пруссии не решились на конфликт с Россией и согласились на предложение Бисмарка о конференции по этому вопросу. Победа России на Лондонской конференции имела большое значение: укреплялись международные позиции России; произошла отмена нейтрализации Чёрного моря; упрочилась безопасность южных границ государства; способствовала экономическому развитию страны и прогрессу во внешней торговле; ускорила освоение Новороссийского края. В награду Александр II пожаловал Горчакову титул светлейшего князя, что было свойственно только особам царского рода.

Следующим важным шагом в нормативном закреплении статуса проливов стала Конвенция Монтрё 1936 года – конвенция, восстановившая суверенитет Турции над проливами Босфор и Дарданеллы из Чёрного в Средиземное море, принятая на Конференции о режиме Черноморских проливов, проходившая 22 июня – 21 июля 1936 года в г. Монтрё (Швейцария). При этом Турция обязалась соблюдать принципы международного морского права.

Конвенция Монтрё сохраняет за торговыми судами всех стран свободу прохода через проливы как в мирное, так и в военное время. Однако конвенция устанавливает различный режим прохода

военных кораблей для флотов черноморских и нечерноморских государств. При условии предварительного уведомления властей Турции черноморские государства могут проводить через проливы в мирное время свои военные корабли любого класса. Для военных кораблей нечерноморских держав введены существенные ограничения по классу (проходят лишь мелкие надводные корабли) и по тоннажу. Общий тоннаж военных судов нечерноморских государств в Чёрном море не должен превышать 30 тыс. тонн (с возможностью повышения этого максимума до 45 тыс. тонн в случае увеличения военно-морских сил черноморских стран) со сроком пребывания не больше 21 суток. В случае участия Турции в войне, а также если Турция считает, что ей непосредственно угрожает война, ей предоставлено право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов [2, с. 70-80].

С 2014 года в связи с политическим кризисом на Украине и обострением российско-американских отношений США и их союзники по НАТО стремятся усилить свое военное присутствие в черноморской морской зоне: так, значительно увеличилось число заходов военных кораблей стран альянса (подавляющее большинство из них принадлежат американским ВМС) в Черное море. Одновременно возросло количество учений с участием черноморских государств - членов НАТО, Украины и Грузии, в ходе которых отрабатываются вопросы формирования оперативных соединений и групп ВМС многонационального состава и различного целевого назначения, а также их развертывания в районах предназначения. В контексте продолжения расширения своей военной деятельности в альянсе изучается возможность пересмотра отдельных положений Конвенции Монтрё, в частности снятия ограничений на водоизмещение военных судов, проходящих через Босфор и Дарданеллы, а также продления сроков их пребывания. Это позволило бы повысить оперативность развертывания формирований ОВМС НАТО на юго-восточном фланге блока и обеспечить наращивание военно-морской группировки в Черном море.

История нарушений

В 2008 году, когда в Южной Осетии разгорелся вооруженный конфликт, флагманский корабль 6-го флота США «Маунт-Уитни» (USS Mount Whitney) вошел в Черное море. Он привез в Грузию сухое молоко, но из-за своих габаритов (тоннаж 184 тысячи, длина – 189 метров) даже не смог войти в порт города Потти. Нетрудно посчитать, что тогда американцы превысили допустимый вес военного судна в четыре раза.

Впрочем, не стоит забывать, что «Маунт-Уитни» был не единственным кораблем ВМС США в Черном море на тот момент. Помимо него на якоре неподалеку от Батуми стоял эсминец «Макфол» (USS McFaul) и сторожевой корабль «Даллас» (USCGC Dallas). «Макфол» весит почти 9 тысяч тонн, а «Даллас» – 3 250 тонн. Выходит, что в 2008 году США нарушили конвенцию Монтрё, превысив допустимый тоннаж военных судов в четыре с половиной раза.

Весной 2014 года другой американский корабль нарушил положения конвенции, касающиеся времени пребывания. Фрегат ВМС США «Тейлор» (USS Taylor) простоял в Черном море 33 дня вместо положенных 21. Руководство судно объяснило это тем, что моряки устраняли «поломку винта»: в феврале, проходя через турецкий порт «Самсун», «Тейлор» наскочил на мель и повредил корпус.

Январь 2020 г. – в Черном море находились три судна ВМС США: эсминец «Дональд Кук» (USS Donald Cook), танкер-заправщик «Лэреми» (T-AO-203) и эсминец «Портер» (USS Porter). «Дональд Кук» и «Портер» весят вместе не больше 14 тысяч тонн, а вот заправщик «Лэреми» может похвастаться водоизмещением аж в 40,9 тысяч тонн. Таким образом, на этот раз американские ВМС превысили допустимый конвенцией Монтрё тоннаж почти на 10 тысяч единиц [6].

Экспертное мнение

Бывший командующий Черноморским флотом, адмирал **Владимир Комоедов** объяснил, что с нарушителями из Соединенных Штатов пока ничего сделать нельзя. Несмотря на положения конвенции, проливы между Эгейским и Черным морями контролирует Турция, а она, напомнил Комоедов, связана с США по линии НАТО. До тех пор, пока страны «союзничают» в рамках Североатлантического альянса, гарнизону Черноморского флота следует «держат порох сухим»[5].

Неограниченное присутствие американских военно-морских сил в Черном море приведет к резкому росту региональной напряженности и симметричной реакции Черноморского флота России. Основа 6-го флота – оперативное соединение в составе одного-двух авианосцев, двух ракетных крейсеров, шестнадцати фрегатов и эсминцев. Флот располагает подводными лодками, соединениями десантных кораблей с морской пехотой, а также значительным количеством военно-морских баз, пунктов материально-технического обеспечения (Гаэта, Неаполь, Ла-Маддалена, Специя, Таранто, Бриндизи, Аугуста, Рота) и авиабаз в Испании, Франции, Италии, Греции, Турции и других европейских странах НАТО. Зона ответственности 6-го флота США – Средиземное и Черное моря, прилегающие воды Атлантики, побережье Африки (Гвинейский залив).

Для эффективного управления на этом широком географическом пространстве действиями ВМС и Корпуса морской пехоты имеется штабной корабль Mount Whitney, предельно насыщенный приемно-передающей и разведывательной аппаратурой. Атомный авианосец – это 70-80 самолетов различного назначения, 1900 тонн боезапаса (включая ядерное оружие), современное оборудование, радары и суперкомпьютеры, завод по опреснению заборной воды, системы пожаротушения, гигантские хранилища и экипаж в пять тысяч человек. Американские корабли с боевой информационной системой «Иджис» интегрированы в систему ПРО, и способны ослабить ответный ракетный удар со стороны России [3, с.31 -39]. Как правило, вблизи российского Крыма «патрулируют» эсминцы типа «Арли Берк» с крылатыми ракетами «Томагавк» на борту.

Черноморский флот России в своей зоне ответственности внимательно наблюдает за кораблями 6-го флота США. И не случайно в одном из интервью вице-адмирал Джеймс Фогго отметил, что американские корабли в Черном море «в девяти случаях из десяти поджидает российский военный корабль...». Россия оперативно встречает незваных гостей и над акваторией Черного моря, как это было в сентябре 2016 г. самолетом-разведчиком США Р-8 Poseidon.

Москва не стремится к конфронтации с Западом, и все же для обеспечения национальной безопасности принимает ответные меры. Черноморский флот пополняется новыми кораблями. С марта 2014 года российские противокорабельные комплексы «Бастион» с противокорабельными ракетами «Оникс» в Крыму держит под прицелом большую часть Черного моря до турецких берегов и всё побережье Украины. Вот в чем «стратегическое послание» России. Если в Вашингтоне присутствует понимание серьезности российских намерений на Ближнем Востоке, там должны ясно представлять последствия неограниченного присутствия в черноморском регионе, непосредственно у российских границ кораблей 6-го флота США. Надеясь на силу и ловкость в зоне между компромиссом и конфронтацией, Пентагон последовательно повышает опасность прямого военного столкновения с Россией.

Президент Турции Р. Эрдоган продвигает «проект десятилетия» – строительство канала «Стамбул» между Мраморным и Чёрным морями, который может стать альтернативой Босфорскому проливу. Эти планы вызывают беспокойство у российских властей, которые опасаются, что на военные корабли, которые смогут использовать новую водную артерию, не будут распространяться ограничения, налагаемые Конвенцией Монтрё [1].

Список литературы

1. Алкснис, И. Новая война за Босфор: Эрдоган ставит на Россию. – URL: <https://ria.ru/20210407/bosfor-1727055401.html?in=t> (дата обращения 21.10.2021)
2. Ирхин, А. А. Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783-2018 гг. и национальные интересы России / А. А. Ирхин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – С. 70-80.
3. Каширина, Т. В. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях в 2008-2011 гг. / Т. В. Каширина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». – 2012. – № 4. – С.31-39.
4. Коваленко, В. В. От Парижского трактата до Лондонской конвенции: Черноморская флотилия в 1856-1870 гг. / В. В. Коваленко // Парадигмы истории и общественного развития. – 2018. – № 10. – С. 31-39.
5. Самойлов, Р. Адмирал флота РФ оценил нарушение конвенции Монтре «негодаями» из США. – URL: <https://polit.info/526182-admiral-flota-rf-ocenil-narushenie-konvencii-montre-negodyayami-iz-ssha>. (дата обращения 21.10.2021).
6. Хроленко, А. Что делает в Черном море флагман 6-го флота США. – URL: <https://ria.ru/20161013/1479160242.html> (дата обращения 21.10.2021)

Статья поступила в редакцию 23.10.2021

Kashirina, T. V. Implementation of the 1936 Montreux Convention in the Context of Contemporary Challenges and Threats in the Black Sea Region

The article considers the problem of legal regulation of the international use of the Bosphorus and Dardanelles straits and their military-strategic importance in the context of Russia's national interests. Attention is paid to the history of violations of the provisions of the Montreux Convention.

Keywords: international relations, London Convention, Montreux Convention, security, Russia..

УДК 327(4/5:262.5)(091)

В статье рассмотрена военно-политическая ситуация в регионе Большое Причерноморье, оценены позиции стран и указана геополитическая важность региона для Российской Федерации.

Ключевые слова: Черноморский регион, Россия, НАТО, Турция.

В. В. Штоль, профессор, д-р полит. наук

Дипломатическая академия МИД России

E-mail: v.shtol@gmail.com

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

История геополитики говорит о том, что появившаяся конфликтогенная зона никогда и никуда не исчезает. Проблема может переходить на какое-то время в латентную форму, но достаточно лишь небольшой искры (на этнонациональной почве, конфессиональной или любой другой), и всё начинается снова, а историческая память народов накапливает и обобщает, события «седой старины» обрастают мифами и легендами, возникают всякие фобии, поддерживаемые и используемые в случае целесообразности политиками. В конце концов конфликт переходит в «хронику» с небольшими периодами ремиссии, но горячая фаза может начаться в любое время. Примеры – Балканы («пороховой погреб Европы»), Израиль и Палестина, Китай и Индия, острова в Южно-Китайском море, Латинская Америка, а в Африке и на Ближнем Востоке – практически все границы, которые когда-то устанавливались метрополиями исходя из собственных интересов и силовых возможностей.

Черноморский регион с начала фиксированной истории человечества является геополитической точкой, где сталкивались интересы не только народов побережья, но и весьма отдалённых, и, следовательно, конфликты здесь неизбежны. Этот регион – пограничная зона Передней Азии и Восточной Европы, это – ключ к «Большому Ближнему Востоку». В XIX – начале XX в. Британская империя тщательно оберегала все пути к «жемчужине» английской короны – Индии – от Франции, России, а позже и Германии.

Прежде чем рассматривать современную ситуацию в регионе, необходимо обратиться к истории, чтобы понять, чем он являлся и является для России. Причерноморье – это логическая геополитическая граница государственной территории, как побережье Балтики, как южные границы стран Средней Азии или побережье Тихого океана. Именно безопасность этих территорий позволила стране развиваться и стать мировой державой, объединив малые и большие народы разных конфессий и культур в единое государство.

Военные походы восточных славян против Византии и Османской империи были в основном, как и для большинства акторов тех времён, источником военной добычи, а приобретённые территории рассматривались в основном с точки зрения получения дани.

Но при укреплении государств, а его географические размеры уже оценивались как символ власти, её прочности и успешности. Поэтому постепенно военная сила стала использоваться не только для достижения кратковременных успехов, а как необходимая структура укрепления государства, защищающая его политические и экономические интересы.

В Азовско-Черноморском регионе шла борьба за государственный статус возникшего, взамен утратившей своё значение Киевской Руси, Московского государства восточных славян. Выход к Балтийскому, Чёрному и Каспийским морям был жизненно необходим для развития производств и торговли. В противном случае страна превратилась бы в изолированную от экономически развитых стран территорию, во всём зависящую от своих агрессивных соседей: Польско-Литовского княжества, Османской империи, немецких католических орденов и ханов Золотой Орды, которая хотя и ослабла, но по-прежнему представляла угрозу для российской государственности, а набеги татар на южные русские области не прекращались даже после освобождения от монголо-татарского ига (1480 г.).

Иван IV, присоединив земли Поволжья и Астраханского ханства, с переменным успехом боролся с Крымским. Даже Пётр I, обеспечив выход страны к Балтийскому морю победами в многолетней Северной войне со шведами Ништадским миром (1721 г.), не мог быть удовлетворён положением на юге страны. Это продолжалось и на протяжении правления Анны Иоанновны (походы Б. К. Миниха), когда были взяты Азов, Очаков, Хотин, Яссы и дважды занят Крым. Однако Белградский мир (1739 г.) из-за предательства союзников, в частности Австрии, свёл на нет все успехи русских походов.

Известный русский историк О. В. Ключевский приводит характеристику международного положения Российской империи при вступлении Екатерины II на престол, данную руководителем её внешней политики Н. И. Паниным (о нём говорили «осторожный и ленивый»): «...Швеция помышляла об отместке и начиналась недалеко за Петербургом; Польша стояла на Днепре; ни одного

русского корабля не было в Чёрном море, по северному побережью его господствовали турки и татары, отнимая у России южную степь и грозя ей разбойничьими набегами» [2, с. 340–341].

Только в царствование Екатерины II удалось решить крымский вопрос и проблему Новороссии в целом, хотя ближайшие соседи, несмотря на существующие между ними противоречия, всегда объединялись против России. Это и Польско-Литовское княжество, и Османская империя, и империя Габсбургов, и датчане со шведами, и немцы, а Лондон постоянно плёл свои интриги.

Русские воевали под командованием блестящих полководцев: А. В. Суворова, П. А. Румянцева, Г. А. Потёмкина и создателя Черноморского флота Ф. Ф. Ушакова. В двух Русско-турецких войнах (1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.) в сражениях в районе кургана Рябая Могила, на р. Ларга и оз. Кагул, в Козлудже и на мысе Кинбурн, в Фокшанах и на р. Рымник, в Измаиле и Очакове русские войска одержали безоговорочные победы над турецко-татарскими силами. Русский флот уничтожил турецкую флотилию в Чесменском сражении у берегов Малой Азии (1770 г.), а в Чёрном море разбил турок в Керченском морском сражении, у Тендры и Калпакии.

Наряду с полководцами стоит напомнить и о фаворитах императрицы: графе Г. Г. Орлове (о нём говорили «отважный, но ленивый»), который предложил провести русские корабли из Балтики в Чёрное море вокруг Европы и поддержать с моря сухопутные силы; Светлейшем князе Г. А. Потёмкине, не только одержавшем победы над турками, но и энергично руководившем освоением Новороссии. В результате успешных действий русских на суше и на море турки были вынуждены пойти на заключение мира. По условиям Кючук-Кайнаджирского договора (1774 г.) Турция признала независимость Крыма, а Ясский мирный договор (1791 г.) между Россией и Турцией подтвердил присоединение Крыма к России.

Следует отметить и политику Петербурга по экономическому освоению южных степей и Крыма. Если на территории Центральной России проблема беглых крестьян решалась очень жёстко в пользу землевладельцев, то в Малороссии, если беглец достигал новых южных территорий, местные власти не слишком жёстко преследовали его, что находило полную поддержку Петербурга, несмотря на недовольство помещиков. Но кроме того, Екатерина пригласила переселенцев из Европы осваивать новые земли, в частности немцев. Вот тогда-то местные жители и узнали, что такое *Ordnung* по-немецки. На фоне немецких землевладельцев русские помещики зачастую казались гуманистами с большой буквы.

После Венского конгресса, завершившего эпоху наполеоновских завоеваний, авторитет Российской империи не имел себе равных в мире, что и было почвой для европейских интриг, а противостояние России и Турции продолжалось и шло по всему периметру южных русских границ. Именно поэтому Османская империя была использована Парижем и Лондоном против Петербурга.

Поводом к войне послужил спор о «палестинских святынях» – чисто конфессиональный спор, а вот причины конфликта были глубокие политические, вопрос стоял об укреплении позиций стран – участников конфликта в Ближневосточном регионе: Российская империя стремилась к овладению или хотя бы контролю над Черноморскими проливами, что было необходимо для развития экономики её южных регионов и усиления влияния на Балканах через защиту православных и поддержания достаточно эфемерных идей панславизма и тезиса «Москва – Третий Рим». Британия и Франция пытались не допустить усиления позиций России вблизи своих ближневосточных территорий, в частности, отвлечь её внимание от Сирии и Средней Азии (в России эти территории долгое время называли Туркестаном). При этом для Лондона очень важна была Греция. Более общая цель англо-французской политики – вытеснить Россию из Черноморья и Закавказья (это их и современная цель), Османской империи важно было предотвратить распад, а для этого необходимо было удержать под своим контролем Балканы и Закавказье.

Война шла в условиях политической изоляции Петербурга. Кроме активных участников – Франции и Великобритании – были страны, готовые в любой момент объявить войну России, это: Австро-Венгрия, Пруссия, Швеция и даже Испания. По словам историка С. С. Татищева, «война грозила стать всеобщей. России пришлось вступить в борьбу со сплотившейся воедино против неё Европой» [4, с. 64–65].

Неудачная Крымская война (1853–1856 гг.) нанесла удар по геополитическому статусу Российской империи, несмотря на то что контрибуцию она не платила, а собственно территориальные потери в итоге оказались не слишком большими (первоначально Великобритания требовала, помимо прочего, уступки Бессарабии и ликвидации Николаева). России, однако, пришлось отказаться от укрепления Аланских островов на Балтике; согласиться на свободу судоходства по Дунаю; отказать от протектората над Валахией, Молдавским княжеством и Сербией; уступить Молдавскому княчеству свои территории в устье Дуная и часть Южной Бессарабии; вернуть Турции город Карс с цитаделью, а также Баязет, Ардахан, Кагызман, Олты и территорию вокруг Эрзерума.

Но Россия сохранила Севастополь, Балаклаву, Камыш, Керчь-Еникале, Кинбурн, а «равно и все прочие места, занятые союзными войсками».

Принципиальным в договоре был вопрос о нейтрализации Чёрного моря, запрещавший всем странам иметь в Чёрном море флоты, а также российскому императору и султану создавать военно-морские арсеналы и крепости. К Парижскому договору прилагалась конвенция о проливах Босфор и Дарданеллы, подтверждавшая их закрытие для военных кораблей в мирное время. Добиться отмены ограничительных статей Парижского договора удалось только через 15 лет – в 1871 г.

Кратко остановиться на проблемах Черноморья в истории России и итогах Крымской войны необходимо было, так как ситуация, сложившаяся в Черноморском регионе после распада СССР, основными чертами напоминает ситуацию почти полуторавековой давности.

После Второй мировой войны, согласно договорённостям лидеров СССР, США и Великобритании, достигнутым в Тегеране и Крыму, Чёрное море практически стало советским. С учётом того, что Румыния и Болгария выбрали социалистический путь развития: практически 65% Черноморского побережья и территориальных вод было под контролем СССР, а сейчас – только 20%.

Единственным представителем Запада в Черноморье тогда была Турция – член НАТО (с 1952 г.). При урегулировании Карибского кризиса (1962 г.) было достигнуто соглашение о выводе американских ракет с территории Турции (в ответ на вывод советских с Кубы). Но это так и не было сделано.

Понятие «Черноморский регион» – Большое Причерноморье – появилось в политологическом лексиконе в начале 90-х годов.

За 30 лет, с 1991 г., ситуация в мире и в Черноморском регионе принципиально изменилась: не стало социалистического блока; утратила авторитет и практически свела на нет свою деятельность организация Движения неприсоединения; усилились экономически и в военном отношении Индия и Китай (2-я экономика мира), а в Черноморье Турция заявляет свои права на лидерство. Она помнит о могуществе Османской империи, владевшей не только территориями на Балканах, но и южным побережьем Крыма, а вассальное ей Крымское ханство простиралось за пределы полуострова.

После распада СССР в 1991 г. Болгария и Румыния избрали ориентацию на Запад: НАТО (членство с 2004 г.) и Евросоюз (с 2007 г.), способствуя укреплению здесь позиций и НАТО, и Евросоюза и тем самым осуществлению многовековых военно-политических и экономических европейских планов.

Украина и Грузия не являются членами этих структур, но это ни о чём не говорит: на их территориях и в акватории Чёрного моря постоянно проводятся учения с участием стран НАТО*, а на украинской территории (в Сумах, Шостке, Харькове и Мариуполе) предполагается размещение натовских и американских военных объектов, не считая биологических лабораторий.

Но есть и ещё очень важный геополитический аспект: на всех южных границах России кардинально изменился баланс военных потенциалов, и не в нашу пользу.

Если говорить о Североатлантическом альянсе, то его международный статус пока не может измениться, что бы не говорил Э. Макрон о «смерти мозга НАТО». Европейцы в очередной раз «стряхнули пыль» с 70-летней идеи о собственной армии. Ответ генсека НАТО Й. Столтенберга был предсказуем: «Создание параллельных с натовскими структур может привести к распылению сил и средств, которых и так недостаточно для адекватного ответа... угрозе с востока. Равно как и к ослаблению трансатлантической солидарности» [1]. Единственное, на что руководство альянса согласно – это на создание «необходимых элементов», характеризующихся как «отделимые, но не отдельные» [4, с. 142], а также на ограниченную группировку сил быстрого реагирования.

Оценка расстановки сил в Черноморье позволяет говорить, что юго-восточный фланг НАТО достаточно хорошо прикрыт Турцией и восточноевропейскими членами альянса во главе с Польшей, которая с учётом её хронической русофобии и ситуации на Украине, практически находящейся под внешним управлением, стремится вновь реализовать свою идею «Великой Речи Посполитой» – «Польша от моря до моря» (*Polska od morza do morza*)* [5, 6].

Черноморский регион – это не только военно-политический ТВД, это один из важнейших в Европе политико-экономических пулов. В качестве примера можно привести Организацию черноморского экономического сотрудничества – ОЧЭС (*The Black Sea Economic Cooperation – BSEC*). Предложение по её созданию высказал президент Турции Турчил Озал в 1990 г. Учредителями ОЧЭС стали 12 государств (Россия, Албания, Азербайджан, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Румыния, Сербия, Украина и Турция), подписавших в 1992 г. Декларацию, в которой отметили намерения стран региона развивать сотрудничество в различных

* Черноморские учения сопровождаются постоянными провокациями с нарушением российских территориальных вод (в 2021 г. отличились английский эсминец «Defender» и нидерландский фрегат «Evertsen») и воздушного пространства (таких эпизодов стало в три раза больше).

* Предыдущая попытка восстановить границы Речи Посполитой связана с именем Ю. Пилсудского в 30-е годы XX в. Результат известен.

областях и достигнуть «более высокой степени интеграции стран-участниц в мировую экономику». Если состав стран-участниц (12 членов) понятен, то состав наблюдателей (13 стран), среди которых США, Египет, Тунис, Франция, Германия, Австрия, Польша (у двух последних интерес к региону многовековой), и состав партнёров (например, Великобритания, Япония, Республика Корея, Иран – всего 9 стран) говорит о важности региона в мировой геополитике. Это почти пятая часть членов ООН, и в основном это ведущие страны мира.

Говорить об эффективности организации достаточно сложно, так как у неё не было и нет каких-то значимых проектов, но стоит отметить, что в ней продолжают работать страны, между которыми нет дипломатических отношений (Армения – Азербайджан, Армения – Турция).

Наиболее востребованные сферы сотрудничества в ОЧЭС – транспорт, энергетика, экология, ликвидация чрезвычайных ситуаций.

В регионе с 2005 г. действует Черноморская комиссия по конфликтам (*Black Sea Commission on Conflicts – BSCC*), в которую вошли страны Западных и Восточных Балкан, Украина, Молдавия, Россия и Турция. Группу прибрежных стран («Черноморская семёрка») объединяют общие задачи поддержания безопасности и соблюдения режима Черноморских проливов, а также вопросы внутреннего судоходства, экологии, рыболовства и др.

Итак, кто против кого в Черноморье? Позиции Румынии, Украины и Греции совершенно очевидны: чёткое следование курсом НАТО; Болгария тоже в этой компании, хотя более пассивна. Но особенно важна политика Турции. С одной стороны, она старейший член альянса. В её членстве, конечно, был заинтересован Запад, прежде всего США. С другой стороны, в последнее время она позволяет себе проводить несколько фрондистскую политику, когда её геополитические интересы сталкиваются с интересами других членов НАТО в Средиземном море (Греция) или ближайшими союзниками США (Израиль), шантажируя западноевропейцев толпами беженцев, которым будет открыта дорога в Европу.

Ещё она достаточно спорная идея не только для Черноморья, но и для всего мира – это проект канала «Стамбул», параллельный проливу Босфор, по европейской части турецкой территории. С точки зрения Анкары, канал снизит нагрузку с Босфора и безусловно принесёт определённый доход.

Ещё в 1936 г. Конвенция о режиме проливов (Конвенция Монтрё) восстановила суверенитет Турции над Черноморскими проливами*, а также гарантировала особые права черноморских государств по их использованию. Принятая конвенция предоставляет торговым судам всех стран свободу прохода через проливы и в мирное, и в военное время, но для военных кораблей нечерноморских держав введены ограничения по классу и тоннажу.

Проектируемый канал «Стамбул» не только разгрузит судоходство в проливах Дарданеллы и Босфор, но даст возможность Анкаре, в обход Конвенции Монтрё, пропускать военные корабли в Чёрное море по своему усмотрению, т. е. она получит «ключи» от Чёрного моря. Однако строительство канала вызывает большую обеспокоенность у экспертов. Канал при эксплуатации приведёт к необратимым изменениям в экосистеме всего региона: Азовское море постигнет участь Арала – оно высыхает; Чёрное море обмелеет и уменьшится в размерах, в данном случае об экосистемах говорить не приходится; в Мраморном море изменится состав воды, что приведёт к гибели его флоры и фауны; на Европейском континенте произойдёт заболачивание территорий, а источники пресной воды деградируют. Это всё признаки даже не региональной, а мировой экологической катастрофы.

И всё-таки основные игроки в регионе – это Россия и Турция.

С одной стороны, Анкара заинтересована в стабильных экономических отношениях с Россией. Это связано и с «Турецким», и с «Голубым» потоками*, Турция сама получает не только газ, но и доход от его прокачки по её территории. Немалые доходы поступают в турецкую казну и от российских туристов, и от поставки в Россию сельхозпродукции. Анкара якобы это ценит. Несмотря на экономическую выгоду и покупку российской военной техники, президент Турции заявляет, что не признаёт итоги выборов в Крыму (сентябрь 2021 г.), так как считает, что нарушаются права крымских татар, да и итоги Крымского референдума (март 2014 г.) им также не признаются.

Политика Анкары в Закавказье и Средней Азии также непосредственно затрагивает интересы национальной безопасности Российской Федерации, являясь звеньями концепции «Петля анаконды». История термина по-своему интересна. Впервые идея удушения противника именно так появилась во время гражданской войны в США (1861–1865 гг.), но как термин в геополитике стала использоваться, когда в конце XIX – начале XX в. началась борьба стран за мировое господство. Американский адмирал А. Мэхэн сформулировал концепцию «Континентальной стратегии анаконды»,

* Участники конференции СССР, Великобритания, Австралия, Франция, Турция, Греция, Румыния, Югославия, Япония.

* «Голубой поток» от побережья Краснодарского края на азиатскую часть Турции, а «Турецкий поток» – на европейскую.

направленную на отрыв Российской империи (впоследствии СССР и России) от выхода к тёплым морям.

В период холодной войны над концепцией поработали и Г. Киссинджер, и З. Бжезинский с целью задушить СССР цепью военно-политических блоков и их базами с запада через юг на восток. Это и НАТО, и СЕАТО, и СЕНТО, и AUKUS*, а в последние дни появилась ещё одна организация, пока без названия, в составе Австралии, Японии, США и Индии. Основная цель двух последних – Китай, экономический и военно-политический потенциал которого за последнее время усилился, а соперничество с США чётко определилось. Но и Россия без пристального внимания этих объединений не останется.

Турция всегда будет участником реализации концепции «Петля анаконды»: на её территории размещены базы НАТО и США. Сейчас она выступила с проектом «Великий Туран» – проект с вековой историей и геополитически неясными границами. Пока основное внимание президента Р. Эрдогана направлено в Закавказье – на Азербайджан, а в Центральной Азии – на постсоветские страны для создания «Армии Турана».

Анкара приложила усилия, чтобы создать в 2005 г. международную организацию тюркских народов – Тюркский совет, куда входят Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, потенциальный участник – Туркменистан и Венгрия – наблюдатель. Задача организации: развивать всестороннее сотрудничество, в том числе и в военной сфере. После очередного заседания Тюркского совета (октябрь 2019 г.) президент Турции заявил: «...Теперь мы стали одной нацией, пятью государствами. Дай Бог, Туркменистан тоже примкнёт к нам, и таким образом мы станем одной нацией, шестью государствами, усилим совместное сотрудничество в регионе».

Совершенно очевидно, что подобное сотрудничество и тем более идея о даже гипотетической «Армии Турана» не могут остаться без пристального внимания России.

Анализ позиций восточноевропейских стран в регионе Большого Причерноморья, Закавказья и Средней Азии свидетельствует, что стратегическая безопасность России по юго-западной и южной границе нарушена. Румыния и Болгария – члены НАТО, Украина и Грузия – форпосты альянса, а Турция – не только член НАТО, но и исторический враг. Восточноевропейские страны действуют в русле общей политики альянса, используя все типы современных войн и соответствующий арсенал вооружения, военной и специальной техники, а вот позицию Турции следует рассматривать отдельно. Это и вероломство, и стремление показать, что она может проводить собственную политику, выгодную исключительно ей одной. Пока это в исполнении президента Р. Эрдогана получается.

Таким образом, прошло 250 лет, изменились средства достижения целей (научно-технический прогресс не остановить), но остались прежние геополитические проблемы и методы их решения.

Список литературы

1. Быть или не быть Евроармии. Интервью В. В. Штоля / В. В. Штоль. // Красная звезда. – 2021. – 22 сентября.
2. Ключевский, О. В. Сочинения в 8 т. / О. В. Ключевский. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 5. – 504 с.
3. Татищев, С. С. Александр II. Его жизнь и царствование / С. С. Татищев. – М.: Эксмо, 2010. – 432 с.
4. Штоль, В. В. Новая парадигма НАТО / В. В. Штоль. – М.: Научная книга, 2003. – 176 с.
5. Штоль, В. В. Россия – Польша: соседство как приговор / В. В. Штоль. // Обозреватель-Observer. – 2020. – № 12. – С. 6–20.
6. Штоль, В. В. Польская политика в болоте исторических химер / В. В. Штоль. // Обозреватель-Observer. – 2021. – № 3. – С. 5–26.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021

Shtol, V.V. Black Sea Region in the Context of Geopolitics (History and Modern Times)

The article examines the military-political situation in the Greater Black Sea region, assesses the positions of countries and indicates the geopolitical importance of the region for the Russian Federation.

Keywords: Black Sea region, Russia, NATO, Turkey.

* СЕАТО – Организация Договора Юго-Восточной Азии, или Манильский пакт, военно-политический блок стран Азиатско-Тихоокеанского региона, существовавший в 1955–1977 гг.

СЕНТО – Организация Центрального Договора, часто использовалось название Багдадский пакт, военно-политическая группировка на Ближнем и Среднем Востоке, созданная по инициативе Великобритании, США и Турции и существовавшая в 1955–1979 гг.

AUKUS – трёхсторонний альянс, образованный Австралией, Великобританией и США (Australia, United Kingdom, United States).

УДК 327+351.86(470:[4/5:262.5])

Проанализированы основные концептуальные документы, на которых строится современная внешняя и военная политика России. Исследованию были подвергнуты несколько редакций Концепции внешней политики России, Концепции и Стратегии национальной безопасности России, Военной доктрины России, Морской доктрины России, Основы государственной политики России в области военно-морской деятельности на период до 2030 г., Стратегия развития морской деятельности России до 2030 г. Было выявлено, что Черноморский регион военно-стратегические интересы России в регионе нашли свое отражение лишь в некоторых из них. В частности, речь идет о Концепции внешней политики России, Стратегии национальной безопасности России, Военной доктрины России. При чем подобная ситуация была свойственной данным документам в их редакциях как до 2014 г., так и после. В тех же документах, в которых Черноморский регион обозначен, это дано в самом общем виде. По мнению автора, подобное возможно в условиях того, что современная военно-морская политика России в Мировом океане в целом и в частности на Черном море строится на основе скорее не стратегических, а тактических интересов, которые определяются преимущественно актуальной повесткой. На сегодняшний день в целостном виде военно-стратегические интересы России в Черноморском регионе в ключевых документах, определяющих военно-морскую деятельность России, отражены достаточно слабо.

Ключевые слова: Россия, Черное море, Черноморский регион, военно-стратегические интересы, концепция внешней политики, стратегия национальной безопасности, военная доктрина, морская доктрина.

К. П. Курылев, д-р ист. наук

Российский университет дружбы народов

Kurylev-kp@rudn.ru

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Черноморский регион превращается все больше в зону геополитического и геоэкономического противостояния. Объясняется это тем, что этот регион – своего рода мост или перекресток – это связующее звено между Европой и Азией. Находясь между Россией, Южной Европой и Ближним Востоком, имея выход в Средиземноморье и Центральную Европу, он представляет собой гораздо больше, нежели регион местного значения. По сути, Черноморский регион – это геополитическая ось, стратегическое значение которой постоянно растет. Через него проходит множество разнонаправленных транспортных потоков, ведется прокладка глубоководных трубопроводов, осуществляется геолого-разведывательная деятельность по поиску нефти и газа, проводятся военные учения, перекраиваются границы, образуются новые государства [2, с.153].

В силу своего уникального геополитического положения Черноморский регион всегда привлекал внимание и вызывал огромный интерес как у региональных, так и у внерегиональных сил, играл существенную, а в отдельные исторические периоды и определяющую роль в международных отношениях. Если вспомнить историю региона, то будет понятно, что интерес к нему государств, в первую очередь – великих мировых держав, проявлялся постоянно. В течение многих веков Черноморский регион представлял собой место столкновения и противоборства их интересов.

Развал СССР изменил баланс сил в регионе, что обусловило появление новых вызовов и угроз безопасности России. Одной из главных угроз в числе прочих явилось резкое сокращение геополитического пространства ее влияния в Черноморском регионе. С развалом СССР Россией были утрачены важнейшие с военно-стратегической и политической точек зрения позиции в регионе. В частности, в несколько раз сократилась протяженность береговой черноморской линии России. Дезинтеграция СССР больно ударила по Черноморскому флоту СССР. В первую очередь это было связано с его разделом, в том числе инфраструктуры и материально-технической базы, между Россией и Украиной [3, с.124], а с другой стороны, период экономической и политической нестабильности в России обусловил падение боеспособности и боеготовности ее Черноморского флота. В результате подобных процессов наша страна впервые утратила военный паритет в Черноморском регионе. Следствием ослабления военно-политического влияния России в регионе стало усиление здесь позиций других стран (в первую очередь – Турции). В регионе, где ранее

доминирование СССР было неоспоримым, начал оформляться т.н. геополитический плюрализм. Однако в 2014 г. обстановка изменилась: государственный переворот на Украине и захват власти националистами-радикалами привели к воссоединению Крыма с Россией, и он вновь стал ее южным стратегическим форпостом. Именно полуостров является сосредоточением военно-стратегических интересов России в Черноморском регионе [1, с. 27].

Обратимся к обзору концептуальных документов России, которые определяют военно-стратегические интересы России в Черноморском регионе.

Начнем с *Концепции внешней политики России* 2016 г. В ней этот регион упоминается в следующем контексте. Подходы России к взаимодействию с партнерами в Черноморском регионе будут выстраиваться с учетом сохранения приверженности целям и принципам Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества¹. Что характерно, в редакциях Концепции внешней политики России 2008 г.² и 2013 г.³ данная формулировка практически не менялась, несмотря на кардинальные изменения, произошедшие в регионе, а в Концепции внешней политике России 2000 г.⁴ не упоминался вовсе.

В *Стратегии национальной безопасности России* в редакции 2021 г. данный Черноморский регион не упоминается⁵ равно как и в предшествовавших ей документах (Стратегии национальной безопасности 2015 г.⁶, 2009 г.⁷ и Концепции национальной безопасности 2000 г.⁸)

Аналогичная ситуация наблюдается и в современной *Военной доктрине России* 2015 г.⁹, а также и в предшествовавших ей редакциях 2000 г.¹⁰, 2010 г.¹¹, 2014 г.¹²

Таким образом, на сегодняшний день основным документом, который определяет военно-стратегические интересы и приоритеты России в Черноморском регионе является *Морская доктрина России* в ее редакции 2015 г.¹³

В качестве главных региональных направлений национальной морской политики Морская доктрина России выделяет Атлантическое, Арктическое, Тихоокеанское, Каспийское, Индоокеанское и Антарктическое направления.

В контексте обсуждаемой темы нас интересует Атлантическое направление, основу национальной морской политики на котором составляет решение долгосрочных задач в т.ч. на Черном и Азовском морях, а также в Средиземном море.

Морская политика России на Атлантическом направлении определяется существующими в регионе условиями, ориентированными только на НАТО, а также несовершенством правовых механизмов обеспечения международной безопасности. Определяющим фактором в отношениях с НАТО остаются неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры блока к ее границам и попытки придания ему глобальных функций.

Что касается непосредственно Черного моря то, как отмечено в Морской доктрине, в основе российской морской политики здесь лежит ускоренное восстановление и всестороннее укрепление

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

² Концепция внешней политики России 2008 г. // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=131926>

³ Концепция внешней политики России 2013 г. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>

⁴ Концепция внешней политики России 2000 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901764263>

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. // <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=135727>

⁸ Концепция национальной безопасности Российской Федерации 2000 г. // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=36216>

⁹ Военная доктрина Российской Федерации 2015 г. // http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/976907

¹⁰ Военная доктрина Российской Федерации 2000 г. // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15386>

¹¹ Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. // https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10363898%40egNPA&_print=true

¹² Военная доктрина Российской Федерации 2014 г. // <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2940>

¹³ Морская доктрина Российской Федерации 2015 // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf>

стратегических позиций России, поддержание мира и стабильности в регионе. В этих целях должно быть обеспечено решение круга разноплановых задач. Остановимся на некоторых из них:

- установление на основе норм международного морского права благоприятного для России международного правового режима Черного моря, порядка использования водных биологических ресурсов, разведки и эксплуатации месторождений углеводородов, прокладки и эксплуатации подводных трубопроводов;
- международно-правовое регулирование режима и порядка использования Керченского пролива;
- совершенствование состава и структуры сил Черноморского флота, развитие их инфраструктуры в Крыму и на побережье Краснодарского края;
- дальнейшее развитие экспортной газотранспортной системы, в том числе подводных трубопроводов;
- обеспечение транспортной доступности Крыма;
- реализация транспортно-транзитного потенциала приморских территорий данного регионального направления путем развития международных транспортных коридоров;
- развитие судостроительного и судоремонтного комплекса региона с учетом потенциала судостроительных и судоремонтных предприятий Крыма, модернизация производства и технологий в судостроении региона;
- создание условий, в том числе с привлечением возможностей регионов, для базирования и использования составляющих морского потенциала, обеспечивающих защиту суверенитета, суверенных и международных прав России на Черном море¹⁴.

Мы привели лишь часть из означенных в современной Морской доктрине России задач. Всего их 16, что ровно в четыре раза больше, чем в редакции Морской доктрины 2001 г.¹⁵

Заслуживает внимания и еще один документ «*Основы государственной политики России в области военно-морской деятельности на период до 2030 г.*» в редакции 2017 г.¹⁶

О Черноморском регионе там говорится в контексте решения основных задач военно-морской деятельности по предотвращению военных конфликтов и стратегическому сдерживанию. К таковым задачам документ относит повышение оперативных и боевых возможностей Черноморского флота за счет развития на территории Крымского полуострова межвидовой группировки сил (войск).

В аналогичном документе в редакции 2012 г. Черноморский регион не упоминается¹⁷.

Наконец, в череде документов, определяющих военно-стратегические интересы России в Черноморском регионе, следует остановиться и на анализе *Стратегии развития морской деятельности России до 2030 г.*, в редакции 2019 г.

Согласно данному документу в Черноморском регионе планируется:

- совершенствовать системы защиты и охраны государственной границы, охраны внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа Российской Федерации... усиление контроля за проведением промысла в конвенционных районах рыболовства;
- совершенствовать группировки сил и средств Береговой охраны ФСБ России, осуществляющей свои полномочия в сфере охраны природных ресурсов внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа России...;
- создать эффективную систему освещения воздушной, надводной и подводной обстановки в морском пограничном пространстве России;
- развернуть серийное строительство крупнотоннажных специализированных судов водоизмещением более 100 тыс. т.¹⁸

¹⁴ Морская доктрина Российской Федерации 2015 г. // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twajftS5yrIZUVTJan77L.pdf>

¹⁵ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года // <http://www.kremlin.ru/supplement/1800>

¹⁶ Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 г. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71625734/>

¹⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2020 г. // http://blackseafleet-21.com/news/20-01-2013_osnovy-gosudarstvennoj-politiki-rossijskoj-federatsii-v-oblasti-voenno-morskoj-dejatelnos

¹⁸ Стратегия развития морской деятельности РФ до 2030 г. В редакции 2019 г. // <http://portal.esimo.ru/jslibs/documents/mk/398795.doc>

В Стратегии развития морской деятельности России до 2030 г. в редакции 2010 г. о конкретных задачах речи не шло ни на одном из направлений, а обозначались лишь прогнозные значения целевых показателей развития морской деятельности Российской Федерации. В частности, речь шла о программе «Создания системы базирования Черноморского флота на территории Российской Федерации в 2005-2020 гг.».

Как видно в целостном виде военно-стратегические интересы России в Черноморском регионе в ключевых документах, определяющих военно-морскую деятельность России, отражены достаточно слабо. Можно предположить, что связано это с тем, что современная военно-морская политика России в Мировом океане в целом и в частности на Черном море строится на основе скорее не стратегических, а тактических интересов, которые определяются преимущественно актуальной повесткой, формируемая зарубежными оппонентами. Насколько подобный реактивный подход эффективен для нашей страны, можно судить, опираясь на ее богатый исторический опыт.

Вместе с тем, сравнивая военно-стратегические документы России в их редакциях 10-летней и более поздней давности с современными, нельзя не признать, что российская стратегия в области расширения российского военного присутствия в водах Мирового океана в последние 7 лет получила серьезный импульс к развитию и сделал огромный шаг вперед. Речь идет как о восстановлении влияния, утраченного с развалом СССР, так и расширении влияния уже в новых геополитических условиях. Таким образом, опираясь на имеющийся опыт советского и постсоветского периодов, следует сформировать полноценную военно-морскую стратегию адекватную потребностям развития России.

Список литературы

1. Курьлев, К. П. Военно-морская сила России в Черноморском и Средиземноморском регионах / К. П. Курьлев, Н. П. Пархитко, М. А. Никулин // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3. № 1. – С. 26-39.
2. Курьлев, К. П. Геополитические интересы России в Черноморском регионе. Российские точки опоры: исторический и прогностический анализ. Вторые Забелинские (Кунцовские) чтения. РУДН, 10-29 марта 2005. Москва: Изд-во МИОО, 2006. С. 153-159.
3. Курьлев, К. П. Российско-украинское сотрудничество в обеспечении безопасности в Черноморском регионе / К. П. Курьлев // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 1. С. 120-133.

Статья поступила в редакцию 14.11.2021

Kurylev, K. P. *The Black Sea Region in the Conceptual Documents Defining the Military-Strategic Interests of Russia*

The article analyzes the main conceptual documents on which the modern foreign and military policy of Russia is based. Several editions of the Concept of Russia's Foreign Policy, the Concept and Strategy of Russia's National Security, the Military Doctrine of Russia, the Naval Doctrine of Russia, the Foundations of Russia's State Policy in the Field of Naval Activities for the period up to 2030", the Strategy for the Development of Russia's Maritime Activities until 2030 were subjected to the study. It was revealed that the Black Sea region Russia's military and strategic interests in the region were reflected only in some of them. We are talking about the Concept of Russia's foreign Policy, Russia's National Security Strategy, and Russia's Military Doctrine. Moreover, a similar situation was characteristic of these documents in their editions both before 2014 and after. In the same documents in which the Black Sea region is designated, it is given in the most general form. According to the author, it may result from the fact that Russia's modern naval policy in the World Ocean as a whole and in the Black Sea region in particular is based on tactical interests rather than strategic ones, which are determined mainly by the current agenda. To date, Russia's military and strategic interests in the Black Sea region in their entirety are poorly reflected in the key documents defining Russia's naval activities.

Keywords: Russia, Black Sea, Black Sea region, military-strategic interests, foreign policy concept, national security strategy, military doctrine, naval doctrine.

УДК 316.346.32-053.6(470):323.276

В статье рассматриваются результаты оригинального исследования отношения молодежи Республики Крым к проявлениям экстремизма и терроризма. Анализируются причины, порождающие стремление отдельных категорий молодежи к асоциальному поведению, включая суициды, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения. Характеризуются угрозы безопасности в регионе в контексте внутреннего и внешнего воздействия на молодежь и факторы, позволяющие деэскалировать эти угрозы.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, терроризм, угрозы безопасности в регионе

В. А. Чигрин, профессор, д-р социол. наук

Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

E-mail: sociochigrin@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КРЫМА К ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ

Молодежь, как стратегически важная социальная группа, является одним из ключевых объектов управления для любого современного государства. Однако молодежная политика, как одно из направлений государственной политики, стала развиваться как в мировой, так и в отечественной практике относительно недавно. Безусловно, ее прообразом можно считать создание государством систем обучения и воспитания, так как именно молодежь является приоритетным субъектом, позволяющим реализовывать позитивные сценарии государственного развития.

Российское государство, как и все мировое сообщество, на протяжении многих лет вырабатывает меры противодействия экстремистской и террористической деятельности, так как на сегодняшний день она является одной из главных угроз всему человечеству.

К самым распространенным проявлениям экстремизма, в соответствии с Федеральным законом от 25.07. 2002 г. № 114 Ф-3 (статья 1) относятся: – возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; – нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; – пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; – публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения [2].

Реализация комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013 – 2018 годы позволила сформировать законодательные и организационные механизмы противодействия идеологии терроризма. В значительной мере это касается и молодежи.

Юношеский возраст всегда был самой благодатной почвой для культивирования разного рода крайностей. Он сам по себе представляет экстремальное состояние организма: интенсивная выработка гормонов влияет не только на рост и развитие тела, но и на психоэмоциональное состояние подростка. То, что с ним происходит, нормально с точки зрения природы. Он стремится получить статус взрослого, отказываясь принимать жизненный опыт родителей, даже если понимает их правоту. Ему хочется учиться на собственных ошибках, чтобы получить свой собственный уникальный и неповторимый опыт. Стремление обозначить, утвердить, а потом и расширить границы собственных возможностей, границы дозволенного, общепринятого делает экстремистом по определению практически любого молодого человека в возрастной категории, условно, от 13 до 21 года, а фактически и позже, до достижения устойчивого социального статуса.

Подростков отличает острота восприятия и критичность по отношению к окружающей действительности. А современное общество, неспособное оградить своих юных граждан от ненависти, нетерпимости, насилия, провоцирует их на ответную озлобленность, нетерпимость, протест и агрессию. Поэтому именно в молодежной среде легко приживаются радикальные взгляды и убеждения, что делает ее удобной мишенью для экстремистских организаций, использующих

молодежь в своих интересах. Всякое антиобщественное явление имеет социально-экономическую подоплеку. Экстремизм не исключение.

Что касается Республики Крым, то исследования, проводимые в данном ключе, носили, в основном, теоретический или обзорный характер. (Зачастую это объясняется тем, что Крым не входил в эмпирическую базу всероссийских социологических опросов последних десятилетий), несмотря на появившиеся в 2015 – 2018 гг. выступления на конференциях и научные статьи [1, с. 74-82], в научной литературе все еще ощущается дефицит масштабных социологических исследований. Только с образованием КФ ФНИСЦ РАН подобные исследования, частью которых является данное целевое исследование, стали активно проводиться на полуострове, а их результаты стали публиковаться в научных изданиях.

В настоящей статье мы обобщили результаты научных исследований по данной проблеме, проведенных непосредственно нашим коллективом (1429 и 1030 респондентов), а также изучения мнений подростков и молодежи, проведенного под руководством А. И. Лучинкиной (всего 1187 человек) по проблемам суицидального поведения.

Ниже мы проанализируем факторы, влияющие на природу проявлений молодежного и подросткового экстремизма и терроризма, приведем прогнозы территорий и групп риска. Но прежде отметим особенности, которые не позволяли специалистам получать адекватные данные по Крыму.

Первая особенность состоит в том, что Крым длительное время (реально с 1954 года) находился под юрисдикцией Украины. Даже находясь в составе Советского Союза, Крым испытывал определенное давление с ее стороны. Так, первые лица Крыма были либо этническими украинцами, либо уроженцами Украины. В гуманитарных вузах с 1966 года вводился украинский язык и литература, а в педагогическом институте имени М. В. Фрунзе (ныне – КФУ им. Вернадского) в составе историко-филологического факультета было открыто отделение украинской филологии. В степные районы Крыма заселяли переселенцев с Украины. Особенно этот процесс активизировался в годы строительства Северо-Крымского канала. В результате на севере полуострова в быту (особенно в сельских районах) широко распространился своеобразный «суржик» русского и украинского языков.

Однако украинизации Крыма, о которой мечтали некоторые руководители республики (П. Шелест, В. Щербицкий), не случилось. Этому способствовала вторая особенность полуострова – исторически сложившийся полиэтнический социум, характерной чертой которого стала *невыраженность титульной этнической составляющей*.

Крым, как мы писали еще в 2015 году [4], характеризовался целым рядом отличий, которые выделяли его из общей картины по Украине. Речь идет, в частности, о его геополитически важном расположении, свободном выходе к морю, обеспечивающем прямую связь практически со всеми странами мира, одновременном статусе мировой курортной зоны и одной из мощных военных баз России, сложном этническом составе и т. п.

Главной проблемой социально-экономического плана, также влияющей на характер и содержание цивилизационного процесса, стала проблема несбалансированности промышленного и сельскохозяйственного сектора экономики. На первый взгляд, ничего криминального в этой ситуации нет, да и быть не может, ведь во всех развитых странах мира промышленный сектор экономики обширнее и мощнее аграрного. Однако это клише заслоняет от нас актуальную проблему, характерную для трансформирующегося общества – проблему социально-экономического неравенства города и деревни.

Еще в советские времена этот дисбаланс стал формироваться в Крыму, и осложнялся он довольно неожиданными причинами, среди которых некоторое время превалировала нехватка рабочих рук, в ряде сельских районов полуострова. Понятно, что завозить рабочую силу было удобнее из украинских регионов, чем из Центральной России (как это было сразу после войны). Кроме того, российские переселенцы часто плохо осознавали, что теперь им приходится вести хозяйство в других природно-климатических условиях.

Несбалансированность цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, катастрофическое состояние значительной части материально-технической базы сельскохозяйственного производства, развал социальной инфраструктуры села – подобного рода ситуация была характерна для степной (северной) части Крыма. По свидетельству респондентов нашего исследования, проводившегося в 2008 году, только в Первомайском районе до двух третей мужского населения сельских населенных пунктов вынуждены были подаваться «в отхожие промыслы», чтобы прокормить свои семьи.

Кроме того, Крым относился к числу миграционно-активных регионов не только в масштабах Украины, но и в мировых масштабах. Процессы депортации ряда этносов Крыма и их возвращения на родную землю, тщательно скрывавшиеся процессы заселения Степного Крыма выходцами из других регионов Украины, стремление потенциальных пенсионеров, особенно военных из числа россиян, дослужить в Крыму и остаться здесь навсегда – все это не могло не повлиять на динамику этнического состава населения Крыма. Наконец, территории Крыма существенно различаются по целому ряду признаков – плотности, демографической и этнической структуре, характеру занятости населения, включая «сезонную безработицу», природно-климатическим условиям, степени урбанизации и т. п.

Следует также указать на группу отличий, носящих *исторический характер*.

В научном отчете 2005 года мы отмечали: «Нам придется, рано или поздно, столкнуться с интересами менталитетов, имеющих самые разные исторические корни – менталитета жителей западных регионов страны, сравнительно поздно попавших под пресс советской системы (кроме того, многие забывают, что советизация Западной Украины проходила в последние годы жизни и после смерти Сталина); менталитета жителей Востока и Юго-востока страны, испытавшего это воздействие с 1918 года и в значительной мере идентифицирующего себя с россиянами и Россией; наконец, менталитета крымских татар, имеющего свои особенности» [3, с. 23].

Поэтому в стратегию Украины по Крыму с 2004-2005 гг. стал активно входить этнонациональный аспект, к которому «пристегивались» и языковые преимущества. Крымским татарам внушалось, что основным языком должен стать крымскотатарский, украинцам (в годы правления Ющенко) втолковывалось, что Крым должен жить и общаться на украинском языке. Таким образом, нельзя не отметить, что кризисные явления и процессы регионального плана не могли не проявиться в политике, а также в менталитете населения которая, как известно, представляет «концентрированное выражение» всех указанных выше аспектов проблемы.

Воссоединение Крыма с Россией, к сожалению, не решило всех противоречий, которые сформировались в предыдущий период, да и не могло этого сделать за сравнительно небольшой период.

Определяя отношение подростков и молодежи Крыма к экстремизму и терроризму, нельзя не сказать о последствиях коронавирусной пандемии, которая резко повысила проявления социальной анонии, прокатывающейся сегодня по всему миру.

Социальные психологи фиксируют ряд социальных последствий пандемии: беспричинный гнев, нарушения сна, депрессия, нестабильное эмоциональное состояние, страх потерять работу, страх перед ухудшением финансовой ситуации, буллинг (травля). Часто это порождает ксенофобию – неприятие лиц другой национальности, другого вероисповедания, мигрантов или переселенцев и т. д. Все это – результаты ситуации неопределенности, неустойчивости положения, которая усугубляется самоизоляцией, резко обрывающей привычные контакты людей, которые помогают преодолевать типичные для многих страхи. Если ко всему этому добавить, что именно подростки и молодежь находятся в так называемом маргинальном состоянии, в силу того, что государство и общество сегодня (в силу отказа от несколько тоталитарных способов социализации), не помогают им продвигаться по жизни, являются одной из главных групп риска.

Еще одна боль современного мира, о которой говорят психологи – разрыв связи между поколениями, что обычно объясняют «стремительным ритмом современной жизни». От объяснений, однако, легче не становится – все равно фактом стало повсеместное отдаление детей от родителей, вдвойне горькое одиночество стариков, к которым их дети зачастую «выбираются» от силы раз в год. Проблема столь остра, что современные государства даже пытаются как-то с ней бороться – например, в России, да и в других странах, в так называемой «социальной рекламе» постоянно на разные лады многие годы обыгрываются призывы типа «Позвоните родителям». Уже по настойчивости такой рекламы можно судить, что они чаще всего остаются втуне – и к «очень занятым» детям острое, но запоздалое чувство вины и безвозвратной утраты приходит только тогда, когда звонить и приезжать становится уже не к кому.

Самоизоляция, как доказано выше, обрывает социальные связи, столь необходимые не только для каждого из нас, но и, безусловно, для общества. Дистанционное обучение, как бы его не хвалили сторонники либерального направления в образовании, обрывает социальные связи в процессе передачи знаний и умений от коммуникатора к реципиенту. Представьте себе, что операцию вам будет делать «специалист», подготовленный на «дистанционке».

Итак, констатируем, что самоизоляция, вызвавшая к жизни дистанционное обучение:

во-первых, кардинально изменила привычную структуру социальных отношений, которые определяли поведение подростков и молодежи, сложившееся в длительный период обучения в общеобразовательных и специальных учебных заведениях;

во-вторых, ограничила свободу перемещений, которую подростки и молодежь всегда декларировали как атрибут самостоятельности по отношению к родителям, старшим и окружению;

в-третьих, разрушила модель поведения в учебном заведении (вызовут – не вызовут, присутствовать обязательно – можно пропустить и т. д.);

в-четвертых, ослабила межпоколенные связи преподавателей и обучающихся, а на производстве – опытных работников и молодых учеников, приобретающих производственный опыт;

в-пятых, породила новый вид семейных противоречий в форме противоречия между требованиями максимального внимания при осуществлении дистанционного обучения и повседневными требованиями семьи к подросткам и молодежи (вынеси мусор, сходи в магазин, не сиди целый день за компьютером и т. п.).

Кстати, самоизоляция, по нашим данным, резко усилила тягу части молодежи и подростков к социальным сетям, которые, как известно, часто провоцируют молодых людей на асоциальное, протестное поведение, и даже на готовность к суициду. Даже те подростки и молодые люди, которые утверждали в своих интервью, что посещают подобные сайты «из простого любопытства», выражают желание поучаствовать в деятельности подобных неформальных групп (34,4%).

В заключение отметим причины возможного участия молодежи и подростков в экстремистских группах, используя материалы нашего исследования.

Первое место в числе причин, подталкивающих к участию в экстремистских группах, подростки и молодежь называют депрессию, отсутствие уверенности в реализации жизненных планов. По полу более всего подвержены этим чувствам девушки. По возрастам депрессионный пик приходится на 22-24 года, когда заканчивается учеба в колледже или вузе, а устойчивого профессионального и социального статуса нет. В этой ситуации, скорее, возможны единичные акты экстремизма, терроризма или суицида.

Второе место – безразличие к возможным причинам проявления экстремистских или террористических тенденций. Практически безразличны к ним все основные подростковые и молодежные когорты, за исключением самых старших, которым нужно задумываться о будущем уже не виртуально, а предметно.

Третье место занимает тема поднятия интереса к себе, повышения авторитета в своем кругу. Эта тема имеет в основном психологическую подоплеку. Оригинальничанье, выпячивание своих реальных или вымышленных достоинств – вполне распространенная практика, частью которой является «приоткрывание» своего участия (в том числе и мнимого) в каких-то тайных обществах или группах. Как правило, эта тема имеет тенденцию рассыпаться, как только формируются реперные точки статуса – социального, профессионального, семейного. К сожалению, в условиях неустойчивости ситуации вспышки группового и индивидуального экстремизма и терроризма резко возрастают. В Крыму подобная ситуация может возникнуть вследствие экономических последствий пандемии.

Четвертое место – тесно связано с характерным для нынешних подростков и молодежи эгоцентризмом, ценностными ориентирами на гедонизм, вседозволенность и безнаказанность. К сожалению, все попытки обеспечения социального контроля со стороны родителей или преподавателей, представителей правоохранительных органов воспринимаются как покушение на личные права и свободы. Отметим, что нередко их крайне болезненная реакция приводит к насилию по отношению к «агрессорам». При этом потенциал таких озлобленных «защитников своих прав и свобод» составляет примерно пятую часть крымских подростков и молодежи, что выше, чем в среднем по России.

Следующие группы причин – менее массовые, но иногда более опасные, поскольку имеют тенденцию приобретать групповой характер.

Пятое место – отношение себя к людям неформальных или нетрадиционных ориентаций. К сожалению, до Крыма докатилась и эта волна молодежного экстремизма. Хотим предположить, что мужской гомосексуализм менее развит, поскольку определенными ведущими этносами Крыма он не поощряется. Зато можно говорить о распространенности у нас всякого рода псевдоязычников, «готов», псевдопатриотических (на самом деле – националистических) групп и организаций. Этим пользуются эмиссары из-за рубежа, задача которых – противопоставить друг другу этносы Крыма. Об этом мы писали выше. Группа риска – возраст 16-21 год.

Шестое место – противники государственной идеологии и вектора развития страны. Наши респонденты считают, что таких в среде крымских подростков и молодежи – примерно 13 процентов. Но и это немало в оценочном плане. Откуда берется подобное убеждение? Из интернета, в первую очередь из «благопристойных» сайтов. Достаточно вспомнить, сколько в этих сайтах было размещено фейков в отношении голосования и как организовывались протестные мероприятия на основе этих вбросов в социальные сети, 90% которых посещают наши респонденты.

Седьмое место – «любимый человек». Мы получили довольно небольшие цифры. Но вот сами респонденты, как бы со стороны, считают, что за «любимым человеком» могут пойти в огонь и воду 12,7 процентов подростков и молодежи. Пожалуй, можно согласиться с подобным утверждением наших респондентов, поскольку психологическая зависимость от людей, к которым испытывают первые чувства, представляется реальной. С возрастом эта зависимость уменьшается, но при определении причин совершения экстремистских или террористических действий следует учитывать, что данный прием особенно активно используется для подготовки шахидок различными мусульманскими группировками, в том числе, членами «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Восьмое место – агитация со стороны адептов определенной веры, которая собирает 12 процентов голосов респондентов. Здесь просматривается близость данной причины с причиной №5.

Девятое место – стремление через террор «улучшить свое материальное благосостояние». Одиннадцать процентов респондентов считают, что юные и молодые экстремисты и террористы вступают на этот скользкий путь с целью обогащения.

Десятое место – пресловутый «национальный вопрос». Мы уже говорили, что в число целей украинской политики в Крыму входило и входит сегодня, цель противопоставления друг другу многочисленных этносов Крыма. На подобную возможную причину терроризма и экстремизма указывают 9,4 процента респондентов. Поэтому преуменьшать данный фактор сегодня не следует.

Наконец, *одиннадцатое место* не имеет весомого процента ответов. Хотя, возможная потеря работы, невозможность получить легальную оплачиваемую должность подтолкнули бы к участию в протестных акциях 14 процентов наших респондентов.

Такова, по мнению подростков и молодежи, реальная градация причин вступления молодых крымчан в экстремистские и террористические группы, либо самостоятельного осуществления экстремистских и террористических действий.

Список литературы

1. Буткевич, С. А. Угрозы экстремистского характера в Республике Крым: криминологический прогноз и превенция / С. А. Буткевич // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – 4(46). – С. 74-82.
2. Российская Федерация. Законы. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07. 2002. № 114 Ф-З. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения 10.09.2021).
3. Социально-политическая ситуация в АРК : научный отчет ЦНПИ «Социо». – Симферополь, 2005. – 23 с.
4. Чигрин, В. А. Электоральное поле Крыма в 1998-2012 гг. (штрихи социологического портрета) / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая, В. В. Губенко // Крым и Донбасс: год после государственного переворота на Украине / отв. ред. В. В. Черноус / Южнороссийское обозрение ЦРИ ИСИР ЮФУ. – Москва : Ростов-на-Дону : Социально-гуманитарные знания, 2015. – Вып. 88. – С. 171-184.

Статья поступила в редакцию 23.10.2021

Chigrin, V. A. Attitude of Youth of Crimea to Extremism and Terrorism in the Context of Security Problems in the Region

The article discusses the results of an original study of the attitude of the youth of the Republic of Crimea to the manifestations of extremism and terrorism. The article analyzes the reasons that give rise to the desire of certain categories of youth to antisocial behavior, including suicides, incitement of social, racial, national or religious discord, propaganda and public display of Nazi paraphernalia or symbols, distribution of deliberately extremist materials, as well as their production or storage for mass distribution. Security threats in the region are characterized in the context of internal and external influence on young people and factors that allow disavowing these threats.

Keywords: youth, extremism, terrorism, security threats in the region.

УДК 327.7(470:476)

Рассматриваются 28 союзных программ России и Белоруссии и их интеграционные перспективы. Обозначаются предпосылки союзной интеграции двух государств в евразийском пространстве. Анализируются противоречия и объединяющие факторы, сопровождающие данный процесс.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, Белоруссия, евразийство, Союзное государство, Большая Евразия, СГ, ЕАЭС, интеграция.

С. В. Абрамов, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: serg.abramov@gmail.com

28 СОЮЗНЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Стремление России и Белоруссии строить отношения в рамках Союзного государства через вектор евразийской интеграции продиктовано рядом факторов, среди которых наиболее значимыми являются общая история и поиск своего места в новом геополитическом мире. Объектом исследования является Союзное государство России и Белоруссии (СГ), предметом – 28 программ российско-белорусской интеграции, а также их отражение в ранее подписанных и задекларированных документах интеграции. Задачи исследования заключаются в анализе предпосылок, ожиданий и возможных последствий союзной интеграции на фоне подписанных в сентябре 2021 года 28 союзных программ; поиске и разделении признаков шагов реальной интеграции и декларативных имиджевых конструкций этапов Союзной интеграции. В основе методологии исследования лежат системный, геополитический и цивилизационный подходы.

Евразийский путь

Необходимо помнить, что регионализация международных отношений является трендом в современной мировой политике [8, с. 30]. В этом смысле строительство СГ России и Белоруссии является примером тенденций мировой политики. В ходе встречи с президентом Белоруссии А. Лукашенко 10 сентября 2021 года, президент России В. Путин заявил, что евразийская интеграция – это уже веление времени. Интеграция не ставит задачу воссоздать СССР или пытаться реставрировать проекты прошлого. Её современный вызов – это интеграция государств на новой ценностной, политической, экономической основе [15].

Идеологическая концепция развития внешней политики России вокруг идеи евразийства, способна помочь в объединении вокруг неё государств, которые с опасением относятся к гегемонистскому диктату США и Запада в целом. В отличие от них Россия всегда с уважением относилась к традициям других народов, никогда и никому не отказывала в самобытном развитии [9, с.153].

М. Ларюэль исходит из того, что термин «Евразия» можно определить по-разному. С одной стороны, как геополитический принцип, в соответствии с которым России принадлежит центральная роль «локомотива» всего постсоветского мира, а также право контролировать стратегическую ориентацию своих соседей. С другой стороны, как философский принцип, который провозглашает Россию «другой Европой» [9, с. 153].

Исследователь А. Ирхин отмечает, что Евразия, учитывая сосредоточение экономической мощи, демографических ресурсов, углеводородных запасов, а также военно-политических потенциалов государств, является главной целью субъектов мировой и региональной конкуренции [7, с. 9]. Таким образом, важным фактором, влияющим на евразийскую политику России, является её центральное геополитическое положение в регионе. Данный факт предоставляет российскому государству исключительную возможность, на фоне других стран участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стать связующим звеном между ЕС и быстро развивающимися рынками Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Однако специалисты признают, что интеграционные процессы между Россией и Белоруссией развиваются с большими сложностями. Многие из проблем белорусско-российских отношений связаны с различиями политико-экономических систем двух стран [12, с. 51].

России и Белоруссии

При этом российско-белорусские отношения качественно отличаются от современных интеграционных процессов в западноевропейских странах. Во-первых, особенность этих отношений в том, что экономики обеих стран разнородны. В Белоруссии государственная собственность составляет 80% экономики страны, а частная собственность практически полностью контролируется и направляется государством [12, с. 49-50]. При этом доля государственных компаний в российской экономике по разным оценкам составляет от 33% до 50%. Во-вторых, для России интеграционный процесс в большей мере нацелен на решение геополитических задач. Одна из них – доступ через Белоруссию к Калининградскому – Европейскому направлению. Через этот транспортный коридор, который приобрёл новую актуальность после осложнений отношений с Украиной, российские товары поступают на рынки Европы.

Белорусское участие в СГ продиктовано, прежде всего, экономическими мотивами: открывающимися возможностями улучшить условия и цены поставок российских энергоресурсов [6, с. 48]. С точки зрения России проект Евразийской интеграции, а значит и СГ необходимо рассматривать как единственный правильный путь для сохранения субъектности в регионе. Только так постсоветские станы способны оставаться на плаву цивилизационного и технологического прогресса, а также задавать правила игры и контуры будущего глобального мира [15].

Можно сделать вывод, что создание единого экономического пространства, в том числе и СГ выгодно ещё и тем, что будет нивелирована потребность технического оснащения протяженных российских границ с Белоруссией, а в последствии с Казахстаном и другими постсоветскими странами [14].

Общая региональная безопасность

По мнению исследователей В. Бельского и В. Лепехина, важно оценивать дееспособность Союзного государства России и Беларуси не столько с точки зрения экономической интеграции, сколько через призму обеспечения региональной безопасности [2, с. 163]. В свою очередь, этот процесс встречает локальные сопротивления. Сегодня в Белоруссии целенаправленно формируется прозападный цивилизационный дискурс при прямом участии западных НКО и различных европейских структур. Так 18 сентября 2021 года была проведена первая конференция белорусско-российского экспертного диалога, организатором которой выступили неправительственная организация CASE Belarug, созданная в Варшаве в 2007 году. Поэтому СГ предполагает необходимость его защиты от внешних посягательств путем создания единой стратегии обеспечения безопасности Союзного государства как стратегии надгосударственной – цивилизационной [2, с. 166].

Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии был подписан 8 декабря 1999 года, а вступил в силу 26 января 2000 года. Документ предполагал подписание Конституционного акта о СГ, что до сих пор не произошло. При этом на постсоветском пространстве именно Россия и Белоруссия достигли наибольших успехов в интеграционных процессах после краха СССР. Сейчас страны, кроме проекта СГ, являются членами СНГ, Таможенного союза ЕАЭС, Организации Договора о коллективной безопасности.

За период строительства СГ достигнуты значительные успехи во всех сферах сотрудничества. Объем взаимной торговли возрос с 9,3 млрд. в 2000 году до 33 млрд. долларов США в 2019 году. Хотя процесс интеграции идёт медленно, но он не останавливается. Улучшается инвестиционное сотрудничество и производственная кооперация, реализуются совместные программы. Постепенно начинают работать документы, направленные на обеспечение равных прав граждан двух стран, успешно развиваются военно-политическое сотрудничество и взаимодействие на региональном уровне [8, с. 30].

В октябре 2011 года на тот момент премьер-министр России Владимир Путин опубликовал статью о запуске с 1 января 2012 года Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, которую он назвал исторической вехой для постсоветских государств [14]. Тогда была заложена основа для создания колоссального рынка с более чем 165 млн. потребителей, с унифицированным законодательством, свободным передвижением капиталов, услуг и рабочей силы.

Последовательная интеграция

Первые шаги в направлении интеграции были сделаны еще в 1993 году, тогда между Россией и Белоруссией начались двухсторонние переговоры о создании единого экономического пространства,

включая введение на территории обеих стран общей валюты. Пришедший к власти в июле 1994 года президент А. Лукашенко подтвердил приверженность Белоруссии сотрудничеству с Россией, однако отказался от идеи создания единой рублевой зоны, посчитав эту идею для своей страны невыгодной [12, с. 47-48]. Позже 2 апреля 1996 года был подписан Договор об образовании сообщества России и Белоруссии, по которому предписывалось сформировать единую энергетическую и транспортную системы. Однако последовавшие за ним череда энергетических конфликтов вокруг цены на российские энергоносители для Белоруссии не позволили за последние 15 лет решить эту задачу.

В 2019 году посол Белоруссии в Москве В. Семашко заявил, что в рамках СГ готовится к подписанию 31 дорожная карта. Акцент в этих интеграционных документах снова был сделан на формировании единых рынков нефти, газа и электроэнергии [10]. В реальности же эти дорожные карты так и не были имплементированы. 1 октября 2019 года министр иностранных дел Белоруссии В. Макей заявил о существующих препятствиях для дальнейшего углубления интеграции Москвы и Минска в рамках Договора о создании СГ. По его словам, проблемными вопросами остаются налоговый маневр, сложности в поставках сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также цены на газ и нефть [1].

Основные положения 31 дорожной карты снова вошли в 28 программ СГ, которые 10 сентября 2021 года подписали президенты В. Путин и А. Лукашенко. В них ключевые вопросы формирования единого рынка нефти и газа все ещё находятся в состоянии рамочных идей. Анализируя 28 программ российско-белорусской интеграции становится понятно, что многие из них дублируют и взаимозаменяют друг друга. Если не сработает одна программа, то будет реализована другая. Почти все из них касаются унификации законодательства России и Белоруссия в сферах: денежно-финансового сектора, торговли, связи, энергетики. Учитывая, что один из участников встреч высшего руководства СГ премьер-министр России М. Мишустин в прошлом возглавлял Федеральную налоговую службу РФ, чей успех был признан президентом В. Путиным, можно ожидать планомерной налоговой интеграции России и Белоруссии.

Валютная зависимость и либеральная экономика

Вместе с тем в состоянии неопределенности остаются многие другие проекты. В частности, создание единого валютно-финансового Союза, разговор о котором снова был поднят на уровне президентов двух стран В. Путина и А. Лукашенко в сентябре 2021 года. При этом уже сейчас расчеты за товары, поставляемые из России в Белоруссию, и наоборот, – из Белоруссии в Россию, на 90%, за исключением нефтепродуктов и энергоносителей, ведутся в российских рублях [11]. А бюджет СГ на протяжении последних семи лет исчисляется в российской валюте в размере 4,872 млрд. В нем 65% вноса России, 35% – Белоруссии.

Валютная структура доходов Белоруссии от поступлений за экспорт на 40% состоит из российского рубля, а в структуре импорта товаров и услуг – на 48% из российского рубля. Но при этом, сама экономика России в структуре экспорта на 71% зависит от доллара США, а в структуре импорта зависимость от доллара США составляет 38% [11]. Эта особенность, когда экономика России как локомотива интеграции СГ в большей степени зависит от одной валюты, а экономика Белоруссии от другой, создаёт дополнительные факторы торможения процесса интеграции.

При этом прослеживается тенденция к усилению роли российского рубля в торговом обороте между странами ЕАЭС. Взаимный расчет в рублях между странами с 2013 года вырос с 61,8% до 74,1%. В то время как взаимные расчеты в долларах США за этот же период снизились с 30,3% до 19,3% [11, с. 18].

Ещё одним фактором, препятствующим интеграции на данный момент, служат налоговые системы России и Белоруссии, которые сегодня имеют значительно больше различий, чем сходств [5, с. 293]. Налоговый кодекс (НК) Белоруссии намного более простой и четкий, изменения в него вносятся намного реже, чем в НК России. Кроме того, в российском НК имеют место множество местных и региональных налогов, дополнительно усложняющих процесс унификации. Однако в рамках СГ продолжается взаимный обмен опытом в области налогового администрирования. Белорусские налоговики заинтересовались российскими новшествами бесконтактных онлайн проверок и налогообложения самозанятых [5, с. 295].

Говоря об экономической основе СГ, В. Путин выразил мнение, что её базисом должен стать максимально либерализованный торговый режим [15]. И здесь возникает противоречие, поскольку проект Договора о свободной торговле в рамках СГ был составлен на принципах ВТО, которая до сих

пор игнорирует Россию как своего полноправного члена и подвергает сомнениям рыночный статус российской экономики. Затруднения для Белоруссии вызывает ещё и то, что обязательства России в рамках ВТО фактически стали частью законодательства ТС и ЕЭП. Поэтому страна, не являющаяся членом ВТО, должна принять обязательства России по доступу на рынок товаров. Такая принудительная либерализация торговли может негативно сказаться на величине белорусского экспорта в Россию [12, с. 61].

Странно что, проводя политику интеграции, Россия и Белоруссия оставляют друг за другом суверенное право на одностороннюю работу в рамках ВТО. Это зафиксировано в Договоре о создании СГ и в соглашении о создании единой системы тарифного регулирования в СГ [16, с. 42]. Эти факторы ставят под угрозу выполнения сразу несколько из принятых в сентябре 2021 года 28 союзных программ. Не случайно страны до сих пор не приступили к рассмотрению единой промышленной политики. Анализ показывает, что опасения не лишены оснований. По данным «Белстата» на конец 2020 года, поставки товаров из Белоруссии в Россию за период с 2012 по 2020 годы сократились с 16308,9 млн. до 13132,2 млн. долларов США. А поставки из России в Белоруссию за этот же период упали с 27550,9 млн. до 16387,2 млн. долларов США [18].

Признаки успешной интеграции

При этом медленная, но стабильная работа на поле интеграции, а также перекрестный характер 28 программ, приносят результаты. Сегодня на уровне СГ России и Белоруссии говорят о едином полисе ОСАГО, что станет продолжением формирования полноценной единой таможенной территории, удобной для товарных перевозок и туризма [15].

Эксперты приходят к выводу, что настоящее начало интеграции было положено после принятия принципиального решения по ликвидации пограничного и таможенного контроля на границе между Россией и Белоруссией. Помимо этого, было подписано еще несколько соглашений, которые создают равные права гражданам стран-партнеров на территории СГ: в области образования, выбора места жительства, места работы, медицинского обслуживания [17, с.154].

После подписания 28 союзных программ на заседании Совета Министров СГ уже рассматриваются вопросы двухстороннего признания цифровых электронных подписей, обоюдного признания и использования платёжных систем «Мир» и «Белкарт», перехода от опытной эксплуатации каналов связи к отмене роуминга [6].

В 2019 году подводя итоги 20-летия заключения договора о СГ, президент Белоруссии А. Лукашенко отметил, что странами создано единое оборонное пространство, единое пространство для работы наших спецслужб, которые работают в контакте [3]. Пожалуй, сфера обороны и безопасности, которая не нашла отражения в 28 программах интеграции, едва ли ни единственная сфера российско-белорусских отношений, не вызывающая внутренних противоречий. И это делает её правдоподобным интеграционным механизмом. В 2021 году от России получено добро на заказ для армии Белоруссия комплексов С-400 [13]. Прошла встреча директора ФСБ РФ С. Нарышкина и главы КГБ Белоруссии И. Тертеля, которые договорились о совместных действиях по противодействию деструктивной активности запада. Совместно с российскими силовиками было раскрыто покушение на президента Белоруссия А. Лукашенко в 2021 году.

Глава концерна «Рособоронэкспорт» А. Михеев заявил о готовности наращивать поставки новейшего вооружения в Белоруссия. А в Минске прошел оружейный форум MILEX-2021, где прозвучало несколько важных заявлений по военному сотрудничеству двух государств [13, с. 5]. Также в начале сентября 2021 года прошли совместные стратегическое учение Вооружённых сил Российской Федерации и Республики Беларусь «Запад-2021». Здесь уместно вспомнить и об экспортном коридоре российских товаров через Белоруссию в западном направлении. Всё это полностью согласуется с положением договора о СГ в части единой внешней политики в области обороны [4].

Ещё одной иллюстрацией успехов двух стран в военно-политической сфере сотрудничества является создание единой группировки войск, которая охватывает всю территорию Белоруссии и западные регионы РФ. И эта группировка находится в постоянной боевой готовности, эффективно поддерживает её. Большая работа идет и в сфере подготовки кадров, обмена опытом, а также в области военно-технического сотрудничества [17, с. 154].

Выводы

Интеграция постсоветских стран на евразийском направлении – это ответ на экономико-политические вызовы времени и следование современным трендам мировой политики. Главенствующая роль в этом процессе отводится Российской Федерации, способной стать связующим звеном стран ЕАЭС с ЕС и АТР.

За период с распада СССР, наибольшего прогресса на треке евразийской интеграции удалось добиваться между Россией и Белоруссией. Процесс был начат в 1993 году с переговоров о совместном экономическом пространстве. Странами заложены основы для нового глобального рынка, реализуются программы двухстороннего сотрудничества, подписан договор о создании СГ. Постепенно страны идут к созданию унифицированного законодательства в налоговой и таможенной сферах, в трудовом и образовательном законодательстве, к взаимному признанию национальных платежных систем. Ключевым этапом проекта СГ станет подписание конституционного акта России и Белоруссии. Подобных договоренностей на постсоветском пространстве не удалось достичь никому более.

Подписанные в сентябре 2021 года 28 программ российско-белорусской интеграции внутри себя во многом дублируют друг друга, а также частично повторяют задекларированные ранее и не реализованные намерения интеграции. Важным препятствием интеграции является фактор непостоянства цен для Белоруссии на российские нефть и газ. В итоге страны до сих пор не могут создать единый нефтегазовый рынок, а также утвердить основы совместной промышленной политики.

Интеграции стран мешает и разность экономик двух стран. У бюджета России высокая зависимость от доллара США и преобладание частной собственности, у бюджета Белоруссии – зависимость от российского рубля и почти тотальный контроль экономики со стороны государства.

Можно ожидать, что реализация 28 программ постепенно приведёт к взаимному признанию платежных систем «МИР» и «Белкарт», а также в ближайшее время – к унификации налоговой инфраструктуры и законодательства.

Однако на этом фоне 28 программ интеграции в большей степени являются декларациями о намерениях и публичной демонстрацией дружественности государства друг к другу. В то время, как реальными факторами интеграции, которые не вошли в 28 программ, являются конкретные шаги в военно-промышленном и оборонном сотрудничестве. Это: крупнейшие совместные учения «Запад-2021», заключённые контракты на закупку в Белоруссию российского вооружения, участие российских силовых структур в мероприятиях по стабилизации политической ситуации в Белоруссии весной 2021 года. Учитывая большую действенную силу военно-политической интеграции двух стран, в ближайшее время стоит ожидать усиление этого вектора сотрудничества, ещё большего проникновения систем российского вооружения в структуры внутренних войск и вооружённых сил Белоруссии, а также – усиления роли инструмента ОДКБ.

Список литературы

1. Белоруссия напомнила России о договоренностях 1999 года. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/11/29/belrus/> (дата обращения: 20.12.2019).
2. Бельский, В. Ю. 20 лет Договору о Союзном государстве Белоруссии и России: итоги и перспективы / В. Ю. Бельский, В. А. Лепехин // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – №1. – С. 162-168.
3. Встреча с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко / Официальный сайт президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62373> (дата обращения: 20.12.2019)
4. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 20.12.2019)
5. Ермилина, Е. В. Сравнительный анализ налогообложения Российской Федерации и Республики Белоруссии / Е. В. Ермилина // Научные междисциплинарные исследования. – 2021. – №5. – С. 291-297.
6. Заседание Группы высокого уровня Совета Министров Союзного государства. – URL: <https://www.postkomsg.com/activities/smi/229247/> (дата обращения: 06.08.2021)

7. Ирхин, А. А. Модели интеграции евразийского пространства и национальные интересы Украины: дис. ... докт. пол. наук : 23.00.04 / А. А. Ирхина ; // Тавр. нац. ун-т. – Симферополь, 2012. – 387 с.
8. Косьмин, А. Д. О фундаментальных условиях преодоления синдрома политико-экономической аритмии в интеграционном процессе России и Белоруссии / А. Д. Косьмин, Е. А. Космина // Образование и право. – 2021. – №2. – С. 29-35.
9. Курылев, К. П. Евразийская идеология во внешней политике современной России / К. П. Курылев, Д. В. Станис, М. А. Баранник, С. Б. Закарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – №4. – С. 115-165.
10. Минск указал на препятствия в интеграции с Россией. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/10/01/integrirovalis/> (дата обращения: 20.12.2019).
11. Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы // Евразийский банк Развития. – 2018. – Доклад № 48. — 80 с.
12. Пехтерева, Е. А. Союзное государство России и Белоруссии: особенности и проблемы интеграции / Е. А. Пехтерева // Экономические и социальные проблемы России. – 2014. – №1. – С. 48-64.
13. Пульс интеграции. Развитие союзных отношений России и Беларуси в июне 2021 года / Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050». – 2021. – 15 с.
14. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011 (4 окт.). – URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 12.09.2021)
15. Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства // Правительство России. – URL: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения: 12.09.2021)
16. Сотников, А. В. Союзное государство Россия – Белоруссия и Всемирная торговая организация / А. В. Сотников // Внешнеэкономический бюллетень. – 2005. – №7. – С. 42-45.
17. Сутырин, С. Ф. Интервью Государственного секретаря Союзного государства Белоруссии и России Г. А. Рапоты. Союзное государство Белоруссии и России: итоги первых 15 лет / С. Ф. Сутырин, В. Г. Шеров-Игнатъев, Г. А. Рапота // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2015. – Вып. 2. – С. 154-158.
18. Торгово-экономические отношения Республики Беларусь и Российской Федерации 2012-2020 гг. – URL: <https://www.postkomsg.com/econumbers/statistics/227554/> (дата обращения: 20.12.2019)

Статья поступила в редакцию 12.10.2021

Abramov, S. V. 28 Union Programs of Russian-Belarusian Integration: Background and Possible Consequences

The article considers 28 union programs of Russia and Belarus and their integration prospects. The author outlines union integration background in the Eurasian space and analyzes contradictions and unifying factors accompanying the process.

Keywords: foreign policy, Russia, Belarus, Eurasianism, Union State, Greater Eurasia, Union State, EAEU, integration

УДК [316.35:[37.018.54:78-057.87]]:314.15(470-21Севастополь)

В настоящее время наблюдается активный внутренний межрегиональный миграционный поток в Севастополь, который по темпам можно назвать историческим. Миграционный бум влияет на все сферы жизни города, в том числе и на детское музыкальное образование. Рассмотрение социокультурных различий школьников, приехавших из материковой России и местных детей в ходе музыкального обучения позволяет сделать вывод о том, что учет этих различий в групповой работе с классом положительно влияет на взаимодействие детей друг с другом и на успешность детского коллектива.

Ключевые слова: внутренняя межрегиональная миграция, семьи переселенцев, социокультурные различия, образование детей.

А. Ю. Арестова, канд. пед. наук

ГБОУДО «Севастопольская музыкальная школа №7»

E-mail: x-andra@yandex.ru

РЕГИОНОСТРОИТЕЛЬСТВО СЕВАСТОПОЛЯ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ СЕМЕЙ С МАТЕРИКОВОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Внутренний межрегиональный миграционный поток в Севастополь за последние годы достиг масштаба, который по темпам можно назвать историческим. В апреле 2020 года губернатор Михаил Развозжаев на совещании Президента РФ Владимира Путина с главами субъектов Федерации говорил о том, что в Севастополе, по неофициальным данным, проживает более 700 тысяч человек, тогда как официальная статистика показывала цифры, чуть превышающие 500 тысяч человек. По мнению некоторых специалистов, и 700 тысяч человек – далеко не предел, и скоро в городе будут проживать до миллиона человек.

Согласно данным Росстата, в 2020 году при максимально низком за девять лет уровне внутренней миграции из-за COVID-19 (всего 3,52 млн человек переехали из одного региона в другой) лидером по сальдо внутренней миграции оказался Севастополь, показавший в 2020 году миграционный прирост 184,7 человека на 10 тысяч населения. На сегодняшний день неизвестно точное количество людей, которые приехали в Севастополь из материковой России на постоянное место жительства после Русской весны. Однако по приблизительной статистике, которую озвучивают на брифингах органы власти, видно, что это число измеряется в десятках тысяч. В 2021 году должна пройти перепись населения, которая предоставит наиболее точные статистические данные.

На наших глазах происходит миграционный бум, влияющий на все сферы жизни города, в том числе – и на образование детей. В статье рассматриваются социокультурные различия двух групп учащихся музыкальных школ: одна из них состоит из детей, семьи которых приехали на постоянное место жительства в Севастополь из других российских регионов после 2014 года; другая группа учащихся – из семей, где родители детей являются местными жителями с рождения либо с раннего детства. Основной возрастной контингент музыкальных школ – дети младшего школьного возраста. Подчеркнём, что ученики музыкальных школ всегда отличались от своих сверстников более высоким культурным уровнем, и выявление социокультурных различий этой группы детей является как специфическим исследованием, так и интересным, и в тоже время показательным. В статье мы рассматриваем социокультурные различия как разную интерпретацию понятий в процессе коммуникации.

Изучением вопросов внутренней миграции населения и миграционной политики занимался целый ряд отечественных ученых: А. Г. Вишневский, О. Д. Воробей, Т. И. Заславская, В. А. Ионцева, А. А. Кауфман, А. Г. Коровкина, В. Г. Костакова, Е. С. Красинц, И. С. Матлин, С. Е. Метелев, В. М. Моисеенко, В. И. Переведенцев, В. Н. Петров, С. В. Рязанцев, С. В. Соболева, О. В. Староверов, А. Р. Файзулина. И. А. Алешковский в труде «Детерминанты внутренней миграции населения в России» пишет о том, что объём исследований и публикаций, посвященных проблемам международной миграции, значительно превосходит объём работ, в которых рассматриваются различные аспекты современных внутренних миграций в России [1]. Исследуя вопросы внутренней миграции, И. А. Алешковский отмечает, что в начале XX века уровень подвижности населения России считался чрезвычайно низким по сравнению с экономически развитыми странами, а из всей совокупности факторов миграции наиболее значимое воздействие на внутренние миграционные потоки оказывали экономические показатели [2].

В 2010-2012 гг. происходит резкое увеличение внутренней миграции в России. Наибольший рост населения в следствие миграции наблюдался в городах федерального значения: в Москве на 12,5% и в Санкт-Петербурге – на 12%. Мотивами миграции населения исследователи, и, в частности, Е.С. Вакуленко, называют такие значимые критерии, как уровень трудовой занятости, экологии, здравоохранения, культуры, инфраструктуры, цены на жильё и фактор образования [3]. Однако к 2011 году к этим критериям прибавляется потребность более высокого уровня жизни. Повысилась роль инфраструктуры регионов (плотность дорог, развитие сети Интернет), роль экологии и культуры. Данные результаты укладываются в пирамиду потребностей по Маслоу: когда уже удовлетворены физиологические потребности, мигранты имеют достаточный уровень доходов для проживания, могут изменить место проживания, возникают потребности более высокого уровня, требующие комфорта, чистого воздуха и развлечений [5]. В основном в исследованиях миграции социокультурным аспектам отдается второстепенная роль, в то время как в настоящее время они выходят на первый план по критериям предпочтений людей, решившихся на переезд.

Современную миграцию в Крым и в Севастополь можно назвать уникальной. Опираясь на эмпирические данные, можно сказать, что в основном переселенцы едут за мечтой, за счастливой жизнью, которую они рассчитывают построить своими силами в благодатном крае, которым им представляется Крымский полуостров. Так, ещё недавно мигранты из России ехали реализовывать мечты в Испанию, Францию, Германию, США и т.д. Теперь же, впервые за многие десятилетия, для многих людей мечтой стали Крым и Севастополь.

В XX веке были периоды, когда люди массово ехали в определенный регион за советским счастьем: поднимать целину, строить Братскую ГЭС, БАМ, газопровод «Уренгой – Помары – Ужгород» и так далее. Но в этих переездах было больше нравственных импульсов, основанных на убеждениях, главное из которых – помощь стране в строительстве светлого будущего. Но и надежда на личное счастье, построенное на новом, удалённом от предыдущего месте, конечно же присутствовала. Сейчас, по нашим наблюдениям, миграция в Крым и Севастополь из материковой России в основном связана с надеждами на личное и семейное счастье состоявшихся людей, которые уже имеют образование и материальную основу.

Можно отметить, что определённую роль в популяризации Крымского направления миграции сыграли средства массовой информации, которые рекламируют Севастополь как процветающий, быстро развивающийся регион с комфортным климатом. Роль института масс-медиа в изменении социологии культуры, общественного сознания и общественного мнения исследовали Т. Адорно, Ю. В. Арутян, В. Л. Глазычев, А. Б. Гофман, Л. Д. Гудков, Ю. Н. Давыдов, Б. В. Дубин, Л. Г. Ионин, Л. Н. Коган, Ю. А. Левада, А. Г. Левинсон, В. Н. Титов, Т. Н. Юдина и др. Немаловажную роль играет распространение в СМИ информации об активной государственной поддержке Севастополя, о том, что это свободная экономическая зона, где установлен особый порядок работы с инвесторами, есть отраслевые и финансовые меры поддержки. Люди, планирующие переезд на полуостров, рассчитывают, что не останутся без работы. При этом многие из приезжих привозят работу с собой – трудятся удалённо через Интернет. Однако расчёт на трудовое устройство для потенциальных мигрантов в Крым и Севастополь, как правило, не является определяющим фактором их переезда.

Крым за свою историю уже переживал волны паломничества и переселения. В конце XVIII столетия, когда полуостров стал частью Российской империи, климат его считался нездоровым, что соответствовало действительности: на полуострове можно было легко заразиться малярией. После приезда в 1787 году в Крым Екатерины II, своим примером «открывшей» полуостров для дворян, сюда в начале XIX века потянулись представители знати – М. С. Воронцов, А. М. Бороздин и другие. После того как Ливадия стала уже царской резиденцией, сюда проложили железную дорогу. А в 50-х годах XIX века, после героической обороны Севастополя, начинается массовое паломничество в Крым подданных Российской империи, в том числе выдающихся деятелей культуры. После Октябрьской революции декретом Совнаркома в 1920 году было разрешено использовать крымские дачи и дворцы для оздоровления трудящихся и Крым стал Всесоюзной здравницей. Оздоровительные путешествия в Крым, впрочем, не вызвали массового переселения людей на полуостров. Оно было осуществлено после Великой Отечественной войны, в конце 40-х - 50-х годах прошлого века. Переселение жителей материка на полуостров было связано с большими потерями населения во время военных действий и оккупации Крыма, с депортацией народов полуострова. Переселение людей было инициировано государством и осуществлялось с его управлением и регулированием процесса.

Рассмотрение взаимодействия мигрантов и местных жителей, изучение их социокультурных различий рассматривается во многих современных исследованиях. Предпринимались и попытки разобраться в менталитете крымчан под разным углом зрения.

Специфический феномен «островной» психологии крымчан рассматривался Е. А. Позаченюк, которая обращает внимание политиков на этот феномен. Островная психология, по мнению Позаченюк, формируется у жителей островов или полуостровов в случае слабой связи с материком, что характерно, как она считает, для жителей Крымского полуострова. Условно говоря, у крымчан наблюдается островная психология, связанная с чувством пребывания на малой изолированной территории – в общей лодке под названием Крым. Именно благодаря такому общественному сознанию у граждан сохраняется стремление к миру и стабильности, гармоничному взаимодействию с природным окружением [6].

В исследовании О. Н. Головки, В. А. Лей рассматривается консолидирующая роль островной психологии в экологическом образовании граждан Крыма. Специфику островной психологии у крымчан по сравнению с материковыми россиянами, исследователи истолковывают, исходя из известного понимания широты русской души, связанной с необъятными просторами русских лесов и полей. Они вспоминают Н. В. Гоголя и его известный символ русской души – тройку удалых коней, мчавшихся по российскому раздолью и замечая, что для «крымской души» такой символ может стать непозволительной роскошью из-за ограниченности территории. Также исследователи приводят утверждение В. О. Ключевского, что известные русские лень и добродушие связаны с природно-климатическими условиями, особенно с условиями холодной затяжной зимы, в которых русский человек вынужден был проводить большую часть жизни, греясь у печи. Такая жизнедеятельность для крымчан, по утверждениям О. Н. Головки и В. А. Лей, является неподходящей в силу географической широты. Крымчане, по утверждению исследователей, бережнее относятся к своей природе, чем жители материка. У родившихся на полуострове есть своя историко-культурная миссия, ведь ряд эпохальных событий в Российском государстве были связаны с Крымом. Это Крещение князя Владимира в Корсуни, две героических обороны Севастополя, пребывание Михаила Горбачёва в Крыму во время путча, Русская весна 2014 года. Авторы считают события Русской весны примером островной консолидации граждан [6].

В быту существует разделение характеров крымчан и севастопольцев, и это направление также ждёт своего исследователя. В социологии существуют категории, с помощью которых можно разрабатывать эту тему: это категории идентичности, территориальной идентичности и её частного случая – идентичности горожан. О. С. Чернявская пишет, что современная городская цивилизация объединяет горожан в социальное пространство, и это создает ощущение «дома» в городе, который люди привыкают считать своим. Взаимоотношение человека и среды, в которой протекает его жизнь, определяет его благополучие – духовное, социальное, физическое. Общая среда выступает фоном интеграции социальной системы разных уровней. Этим продиктован интерес к природе территориальной идентичности городского жителя и к факторам формирования и усиления территориальной идентичности этого уровня. Изучение чувства приобщённости – путь использования человеческих ресурсов для развития городов [13].

В. А. Ядов подчеркивает, что социологический фокус исследования идентификации формируется за счёт выделения тех социально-культурных детерминант, которые определяют процесс групповой солидарности [14, с. 161]. А. П. Богданова, А. С. Щукина показывают, что территориальное сознание – своего рода сплав человеческой культуры и географической среды, особое «чувство места», которое обусловлено совместным проживанием людей на одной территории, осознанием принадлежности к определенной общности. А. В. Смирнягин пишет, что региональная идентичность опирается во многом на социальные мифы об особых качествах местообитания; её выраженность во многом зависит от наличия и поддержания коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм; она выражается в конструировании её обладателями неких самообразов, в создании специфических черт быта (особенностей одежды, словаря, диеты и т. п.). Сам факт совместного проживания неминуемо порождает у земляков сходные социальные черты. Формированию городской территориальной идентичности в некоторой степени способствует характер городской культуры. Именно в городах развита сеть институтов (музеи, литобъединения, учебно-воспитательные заведения, местные СМИ и т. д.), в задачи и компетенцию которых входят конструирование и трансляция локального текста, воспитание в жителях города местного патриотизма, а результатом их деятельности становится появление и развитие своего рода индустрии локальной идентичности (издание краеведческой литературы, выпуск продукции с местной символикой, выявление знаменитых земляков, сочинение песен и стихов о городе, топонимическая деятельность, создание сайтов и т. д. [13].

Нам показалось интересным провести сравнительное исследование по аспектам социокультурных различий у школьников в музыкальном образовании Севастополя. Опираясь на опыт работы в музыкальной школе, на опыт общения с семьями учеников, мы можем выявить некоторые особенности социокультурных различий в группах детей, чьи родители сравнительно

недавно переселились в город из материковой России, и детей, у которых родители прожили в городе всю жизнь.

Мы сравнивали некоторые социокультурные, когнитивные и эмоциональные характеристики: социокультурный стиль жизни семьи, отношение к детям в семье на примере отношения к музыкальной успешности ребенка; взаимодействия детей в коллективе, волевые свойства учеников, способности к выполнению учебных задач.

Общим для переселившихся в Севастополь семей можно назвать то, что эти люди предприняли волевое решение кардинально изменить жизнь, переехать в город, о котором мечтали, и сейчас проходят период, когда активно и в основном успешно формируют новые жизненные условия.

Эти семьи приезжают с материка «на подъёме», имея огромные ожидания от переезда в Севастополь, от перемен, от жизни в городе федерального значения. У них много масштабных планов – постройка дома или покупка квартиры, организация собственного дела и т. д. При опросе, были ли у них в городе знакомые или родственники, к которым они приехали, рассчитывая на помощь в обустройстве на месте, часто оказывается, что люди переезжают просто потому, что когда-то, много лет назад, они гостили в Севастополе, и город им понравился, а родственников и знакомых, которые могли бы им оказать содействие при переезде, на момент переселения у них не было. Друзья у таких родителей быстро появляются среди соседей, с которыми они объединяются для взаимопомощи, среди коллег по работе. Они демонстрируют высокий темп деловой жизни, гибкую социальную мобильность, заняты различными глобальными проектами, которые стремятся воплотить за короткий срок.

Семьи переселенцев стремятся взять от города все, что он может предложить. В том числе – и музыкальное образование. В материковой России в крупных городах детское музыкальное образование сейчас стоит гораздо дороже, чем в Севастополе. Родители ценят возможность учить ребенка музыке по более щадящим их бюджет расценкам.

В целом социальную активность семей переселенцев можно назвать высокой.

Дети включены в кипучую жизнь родителей, они видят отцов и матерей в активном созидательном труде, в их стремлении приспособиться к новым условиям. Понимают, что должны помогать родителям прежде всего своим учебным трудом, что не должны переводить внимание старших на свои учебные проблемы, что должны стараться решать их сами, и приспосабливаться к новым условиям так, как делают это родители.

Дети проявляют большое желание не только влиться в новый коллектив и адаптироваться к новым для себя правилам, но и быть полезными, стремятся участвовать в мероприятиях, проявлять себя. За год обучения на новом месте дети переселенцев, как правило, завоевывают уважение учителей и сверстников, становятся необходимыми в жизни класса, детьми, на которых опирается учитель как в классной, так и во внеклассной работе, они способствуют поддержанию работоспособности детского коллектива. Вне зависимости от того, есть ли лидерские качества у детей-переселенцев, или их нет, эти ребята стараются быть энергичными и постепенно выдвигаются в авангард класса. На переменах дети с желанием идут на контакт с другими школьниками, часто бывают инициаторами этого контакта, стремятся завести себе друзей.

Можно сказать, что появление детей переселенцев в малой группе, которой является класс, положительно влияет на социокультурный рост класса, его групповую эффективность, работоспособность, повышает конкурентоспособность детей, вносит новые идеи.

Темп приобретения навыков по музыкальным специальностям у детей связан с музыкальными способностями и с физиологической способностью ребенка приспособиваться к инструментам. Здесь нет одинакового хода обучения и приобретения навыков. Музыкальные, тем более музыкально-инструментальные способности, у всех разные. Однако, как и в любом деле, преодолеть многие учебные трудности ребенку помогают волевые качества.

Необходимо отметить, что дети из семей переселенцев обладают таким ценным для обучения качеством, как целеустремленность, которая побеждает детскую беззаботность и лень. Часто ребята данной группы начинают учиться в сложных бытовых условиях. Это может быть недостроенный дом или дом с частичными удобствами, съёмная квартира, далёкая по габаритам от потребностей членов семьи. Часто у детей нет своей комнаты или даже подходящего спокойного места для занятий. Так, нередко на видео с домашними занятиями детей, которые родители записывают для музыкальных педагогов, можно увидеть, как около ребёнка, который занимается музыкой, бегают другие дети, сбивая его. Или ходят старшие члены семьи, занимающиеся своими делами. Количество времени на дополнительное образование детей у таких семей меньше из-за моментов привыкания к условиям города и приспособивания к нему.

Подобные условия жизни вместе с желанием семьи учить ребёнка музыке вырабатывают такое замечательное качество, как упорство в освоении желаемого. Пройти через непонимание предмета,

семейные бытовые трудности, нежелание трудиться, адаптацию к иному климату или даже связанные с этим процессом болезни, и прийти в назначенный срок к достойному результату в обучении способны только упорные дети.

Желание семьи иметь устойчивое положение стимулирует в ребёнке такие учебные качества, как ответственность и дисциплинированность, выполнение возложенных на него функций. Если в программе действий ребёнка что-то сбивается – он где-то ошибается, опаздывает, не успевает, тормозит темп – страдает вся семья, так как приходится отвлекаться на устранение детских шалостей или ошибок от более насущных проблем. Дети стремятся не допускать таких ситуаций, и, даже если они от природы непунктуальны, неотчетливы, всё равно им приходится дисциплинировать свой ум.

Есть и негативный опыт работы с детьми из семей, переехавших в Севастополь. Как правило, это дети из семей, в которых у одного из родителей был повторный брак, по приезду в Севастополь уже имелись дети от нового брака, в то время как ребёнок, который учился в музыкальной школе, был из первой семьи. То есть это случаи, когда дети от первого брака оказывались «лишними». Они были отданы в музыкальную школу для того, чтобы меньше времени проводили дома, и не отвлекали родителей от воспитания детей, появившихся в новом браке, решения личных проблем. Переезд в Севастополь у этих семей был связан с построением новой жизни после развода, бегством от прошлых проблем и бывших близких людей. И построение новой жизни шло прежде всего в интересах новой «второй половины». Желания и интересы ребёнка от прошлого брака учитывались по мере их совпадения с устремлениями новой семьи. Это негативные примеры, где детям не уделялось должного внимания ни в обязательном, ни в дополнительном образовании, где дети были хорошо обеспечены материально, но им не хватало тепла родительской любви.

Общей характеристикой родителей, которые приехали с материка, которое влияет на качество музыкального образования их детей, можно назвать окрыляющее их желание достичь на новом месте не только устойчивой, но, главное, счастливой жизни. Общей характеристикой детей с материка, которое влияет на качество их обучения музыке, можно назвать желание не подводить родителей, занимающихся обустройством быта на новом месте, а также желание завести друзей, и обучение музыке является частью этого плана.

Рассмотрим особенности обучения детей, чьи родители всю жизнь – с рождения или раннего детства – были жителями Севастополя.

В музыкальные школы Города-Героя приводят учиться детей родители, не всегда имеющие высокий социальный статус или высшее образование. Но в таких семьях нередко имеется понимание важности развития духовных качеств ребенка, культурного становления человека. И это не общие слова. Среди родителей детей нам встречались отважные медики, которые, рискуя жизнью, лечили больных с COVID-19 в то время, когда опасная вирусная инфекция только начала массово распространяться в Севастополе, и были непонятны её особенности; священники – духовные лидеры больших общин; кинооператоры, работающие в Москве и в периоды приезда в Севастополь включающиеся в образовательный процесс детей; сотрудники институтов и театров, другие работники социальной сферы города. В Севастополе часто встречается такое положительное явление для детского образования как мамы-домохозяйки, которые всей душой болеют за учебный процесс, являются первыми помощниками учителей, и, конечно, детей, которых они вдохновляют, не забывая воздавать должное детскому успеху. Все эти люди, старающиеся дать детям музыкальное образование, большие труженики, как правило, занятые подавляющее количество времени на работе и имеющие при этом большую домашнюю нагрузку.

Нельзя сказать, что в большинстве семей Севастополя присутствует желание учить детей музыке, что есть понимание, насколько это способствует развитию ребёнка, насколько оно материально доступно для жителей города. Многие местные жители остаются равнодушными к очевидному социальному лифту, которое даёт детское музыкальное образование именно в Севастополе. Хватает примеров, когда юные музыканты из города поступали в лучшие музыкальные заведения страны на бесплатное обучение, получая при этом отличный социальный старт. Можно привести примеры, когда дети из Севастополя стали известны всей стране и даже миру. Наиболее ярким примером здесь является карьерный рост скрипача Матвея Блюмина. Это юный, но признанный во всём мире музыкант. Помимо него, каждый год дети из обычных семей Севастополя поступают на музыкальные факультеты страны, получая отличный импульс для достойной профессиональной деятельности. Причина такой успешности в городском музыкальном образовании – сильные, высокообразованные учителя.

По опыту работы видно, что среди детей Севастополя много учеников с хорошими музыкальными данными, с выраженными музыкальными способностями и артистизмом. Но часто эти способности не могут полноценно воплотиться из-за других приоритетов семьи ребёнка либо из-

за распылённости увлечений. Часто присутствует непонимание глобального влияния музыкального образования на развитие мышления человека, непонимание временной ограниченности получения и развития инструментальных навыков. Случается, что такие врождённые задатки способностей ребёнка, как музыкальный слух, чувствительность к характеру музыкальных произведений, оказываются невостребованными.

Для севастопольских родителей, когда их дети проходят музыкальное обучение, важно знать мнение ребенка о том, что происходит с ним в школе, его мнение об учебной нагрузке, программе исполнения, об отношении ко всему музыкально-учебному кругу. Мнение ребёнка рассматривается как полноправное, как центральный отсчёт отношения семьи к обучению музыке. Допускается перемена настроения ребёнка, уход от сложности обучения, замена учебных ситуаций на развлекательные, перемещение акцента в дополнительном образовании с музыкального на другие. В этом есть отличие от родителей приезжих учеников, которые стараются держаться одной выбранной стратегии в дополнительном образовании ребёнка.

Случается, что при участии родителей практически выпадают два учебных месяца: сентябрь и май. Это объясняется климатом Севастополя. В сентябре ещё тепло, это фактическое лето, ещё можно отдыхать с выездом на природу, на море, люди стараются вывезти семью, чтобы не пропустить последние тёплые дни. В мае уже тепло, это почти лето, много праздничных дней, и семьи опять же активно включаются в семейный отдых с выездом на природу, разного рода пикниками и шашлыками. При таком стиле жизни музыкальное образование ребенка сильно страдает, так как по учебным планам сентябрь – устанавливающий месяц спокойной работы на полугодие вперёд, а май – период концертов и подготовки к ним. В отличие от местных детей, школьники, приехавшие из материка, привычны к тому что сентябрь и май – это учебные месяцы, в которые не время расслабляться. Они быстрее включаются в работу в начале учебного года, а в конце стараются «держаться» до последних чисел мая.

В дисциплинарном плане (своевременный приход на урок, мероприятие, точное выполнение заданий) многие севастопольские дети непунктуальны. Они привыкают к тому, что транспорт, который многих детей подвозит к школе, не всегда ходит точно по расписанию, и со временем спокойно воспринимают свои опоздания, зная, что всегда можно оправдаться. Здесь следует сказать о том, что, в основном, дети, которые учатся в музыкальных школах Севастополя, приезжают в учреждения на транспорте, и это действительно заслуга их родителей, которые принимают решение учить детей музыке имея транспортные риски и расходы. Со временем дети приспособляются к транспорту, и дисциплинарная устойчивость становится более выраженной.

Поведение детей музыкальной школы в группе настроено на учёбу, здесь невозможно не отметить принципиального воспитания в семьях учащихся уважительного отношения к педагогу. Дети оказывают поддержку друг другу, учителю, в целом настроены на решение учебных задач.

В процентном соотношении в музыкальном образовании больше девочек. В поведении некоторых учениц наблюдается психологическая особенность: у них принято быть «милыми» с преподавателями. Девочки ласковы с учителем, и хотят, чтобы в ответ им говорили только поощрительные, нежные слова, уделяли им внимание не как ученицам, а как маленьким детям, словно они в детском саду. Вероятно, это связано с некоторым инфантилизмом детей. В глазах взрослых ученицы хотят оставаться маленькими детьми, так как, по их представлениям, за то, что ты маленький, положено поощрение без всяких достижений, просто так. Дети с материка держат дистанцию и не требуют повышенное внимание от учителя.

У севастопольских детей развитое чувство юмора, хорошая речь, они умеют радоваться природе, которая их окружает, и умеют быть её частью на отдыхе. Как правило, в общей массе севастопольские дети здоровее приезжих ребят, активнее в физическом смысле. В городе часто можно увидеть детей младшего школьного возраста, самостоятельно гуляющих во дворах, что почти исчезло в городах материковой России. У детей бывают проблемы из-за невымытых фруктов, которые растут в Севастополе на улицах – ребята срывают и едят их по дороге из школы. Даже в очень уважаемых семьях случаются болезни от вездесущих бездомных кошек, что немыслимо по меркам многих семей с материка. Можно сказать, родители стараются обеспечить севастопольским детям счастливое детство, чем-то похожее на советское.

Общей характеристикой для местных севастопольских родителей, которая влияет на музыкальное образование их детей, можно назвать тот факт, что они стараются не принуждать детей к занятиям музыке, считая, что это вредно, а полученный результат – вполне достаточным. Поэтому дети не стремятся сделать что-то выше своих возможностей, довольствуются тем, как само по себе выходит. Общей характеристикой для местных детей, которое влияет на их музыкальное образование, можно назвать некоторый конформизм, когда они пассивно принимают окружающий их порядок вещей в плане обучения музыке, иногда даже отказываясь развивать свои музыкальные

способности при поддержке этой идеи их родителями. Также можно сказать, что у детей, возможно из-за более крепкого здоровья, наблюдается перспективный музыкальный и артистический потенциал.

При объединении для совместного музицирования двух групп – местных детей и детей с материка – оказалось, что ученики успешно взаимодействуют, дополняя друг друга.

При объединении этих групп детей, помимо обычной образовательной пользы от совместного детского музицирования, незаметно для самих детей начинают поэтапно проявляться характерные черты новой социокультурной среды в коллективе, более комфортной для обучения юных исполнителей. Создаётся своеобразный симбиоз, основой которого становится коллективное творчество. При этом за счёт различий в менталитете участников из двух групп их яркие особенности, в том числе связанные с обучением, сохраняются.

Первый этап. Начинает ярче проявляться детская солидарность:

- групповая солидарность – поддержка «своих» музыкантов при исполнении. Дети с материка лучше понимают, что надо поддерживать свою группу, показывают своим примером как это делать остальным ученикам. Так, в нашей практике крики «браво!» родным коллективам впервые зазвучали от приезжих детей;

- эмпатическая солидарность – дети начинают лучше понимать и сочувственнее принимать друг друга. Севастопольские ученики не скрывают своей эмоциональности и чувствительности, и это иногда полезно перенимать детям с материка. Севастопольские дети могут открыто похвалить или пожалеть ребёнка, подойти, обнять и успокоить его.

Второй этап. После проявления детской солидарности в их коллективе начинают лучше работать:

- конструктивные коммуникации – когда детям понятно поведение другого ребёнка, когда они начинают помогать друг другу;

- мотивация творчеством – меняется детская мотивация обучения с обязательной на творческую;

- понимание ценности общего учебного труда – музыкальный коллектив детей начинает более чётко осознавать не только учебную, но и социальную ценность совместной работы.

Улучшается общее когнитивное состояние детей, стабильнее осваивается программа обучения, становится больше учебной выносливости, стремления к успешности, выраженности патриотизма, оптимистичнее взгляд на обучение, искрометнее юмор на репетициях.

Работая со школьными коллективами, следует проводить работу с родителями учеников таким образом, чтобы люди могли доверительно рассказывать учителю о своих проблемах, и из этих разговоров можно понять, какие семьи недавно переехали в Севастополь. Если ученик из этой семьи слабо себя показывает на начальном этапе обучения, не стоит его недооценивать, так как возможно этот ребёнок в скором времени может стать опорой преподавателя и учеников класса за счёт своих волевых качеств. Семьи переселенцев действительно испытывают бытовые трудности в начале своей жизни в городе, и эти трудности влияют на их детей: на их эмоциональное, когнитивное, а иногда и физическое состояние, что прямым образом сказывается на качестве их учёбы. Психологическое состояние ребенка, который приехал учиться в Севастополь из местности с другой инфраструктурой, другим климатом, с другим стилем общения, влияет на его интеграцию в новый сложившийся коллектив школьников. Со временем ребёнок из переселившейся семьи будет благотворно влиять на учебные процессы в школьном коллективе.

Работая с учеником из местной севастопольской семьи, необходимо учитывать, что часто первый и последний месяц учебного года ребёнком слабо воспринимаются как учебные месяцы. Следует проводить работу по повышению мотивации обучения в крайние месяцы учебного года. Будет нелишним отдельно оговаривать и прояснять вопросы, связанные с учебной дисциплиной, налаживая ровную посещаемость уроков и мероприятий. Также не следует оставлять «на потом» сценическое раскрытие музыкальных способностей севастопольских детей, так как возможен уход ребёнка из музыкального образования вне зависимости от уровня способностей, и учителю лучше спешить с реализацией творческих планов этой группы учеников.

Если учитывать особенности менталитета данных групп детей, можно сделать социокультурную среду класса комфортнее, повысить когнитивные, мотивационные и событийные компоненты в коллективной школьной жизни детей.

В целом, на примере сравнения социокультурных различий семей школьников, приехавших в Севастополь из материковой России, и местных детей, можно отметить, что миграционный приток в Севастополь играет положительную роль в развитии детского музыкального образования. Смешение групп детей – местных и тех, кто приехал из материковой России – даёт импульс к более успешному музыкальному развитию всех детей, повышает интерес к обучению у всех участников музыкального образования. Если данное исследование выявило различия в столь специфической области, как детское

дополнительное музыкальное образование, вероятно, и в других сферах жизни города – образовательной, социальной, культурной – имеют место социокультурные различия между недавними переселенцами и местными жителями Севастополя. И они могут стать темами новых исследований.

Список литературы:

1. Алешковский, И. А. Детерминанты внутренней миграции населения в России: автореферат канд. эк. наук: 08.00.05 / И. А. Алешковский. – М., 2007. – 28 с.
2. Алешковский, И. А. Детерминанты внутренней миграции населения: анализ отечественных и зарубежных исследований / И. А. Алешковский // М: МАКС Пресс. – 2006. – 76 с.
3. Вакуленко, Е. С. Экономический анализ факторов внутренней миграции в России / Е. С. Вакуленко // Региональные исследования. – МГУ, географический факультет, 2015. – №50 (4). – С. 83–98.
4. Вакуленко, Е. С. Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации / Е. С. Вакуленко, Н. В. Мкртчян, К. К. Фурманов // Прикладная эконометрика. – 2011. – №1(21). – С. 35–55.
5. Вакуленко, Е. С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? / Е. С. Вакуленко // Прикладная эконометрика. – 2019. – Т. 55. – С. 113–138.
6. Головкин, О. Н. Консолидирующая роль островной психологии в экологическом образовании граждан Крыма / О. Н. Головкин, В. А. Лей // Вестник международной академии наук (русская секция). – 2016. – №1. – С. 55–58.
7. Жукова, И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона : дис. ...канд. социол. наук: 22.00.04 / И. А. Жукова; «Российский государственный социальный университет» – М., 2007. – 159 с.
8. Кошель, И. Ю. Социокультурные аспекты миграции в условиях современности: специфика и перспективы социологических исследований / И. Ю. Кошель // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – №1(234). – С. 96–102.
9. Мкртчян, Н. В. Миграция в России: потоки и центры притяжения / Н. В. Мкртчян, Л. Б. Карачурина // Институт демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневского. – Демоскоп Weekly. – 2014. – С. 595–596.
10. Паламарчук, М. Л. Город как феномен в рамках социального пространства-времени / М. Л. Паламарчук // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №28 (63). В 2 ч.: Аспирантские тетради. Ч.1. Общественные и гуманитарные науки: науч. журнал. – СПб, 2008. – С. 242–248.
11. Паламарчук, М. Л. Культурное пространство города / М. Л. Паламарчук // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки: науч. журнал. – Архангельск, 2008. – С.108–111.
12. Рахманова, Л. Я. Включение в островное сообщество как фактор трансформации жизненного мира / Л. Я. Рахманова // Федеральный образовательный портал «Экономика, социология, менеджмент». Журнал социологии и социальной антропологии (ЖССА). – 2021. – Т. 24. – № 1.
13. Чернявская, О. С. Изучение идентичности горожан / О. С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2021. – С. 70-75.
14. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности Мир России / В.А. Ядов // Мир России. Социология. Этнология, Изд.: «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 1995. – №3–4 – С. 158– 181.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021

Arestova, A. Yu. Region-Building of Sevastopol in the Context of Internal Migration of Families from Mainland Russia (on the Example of Supplementary Education for Children)

Current active cross-regional migration flow to Sevastopol can be called historic due to its intensity. Migration boom influences all spheres of the city life, including music education for children. Comparison of the socio-cultural differences between schoolchildren arriving from mainland Russia and local children during music training leads to the conclusion that these differences have a positive impact on children interaction and overall success of a learning group.

Keywords: internal interregional migration, migrant families, socio-cultural differences, education for children.

УДК 327(498:[4/5:262.5])

В статье рассматривается роль и значение Черноморского региона, который становится не только стратегически важным направлением во внешней политике Румынии, но и превратился в международную арену соперничества. Авторы, анализируя шаги НАТО, предпринятые Альянсом для упрочения своих позиции в этом регионе, подчеркивают в то же время, что Черное море остается зоной национальных интересов России. Это во многом предопределяет ориентацию Черноморского региона на взаимовыгодное экономическое сотрудничество на равных условиях между государствами-членами на основе принципов и норм международного права, как записано в Уставе Организации черноморского экономического сотрудничества. Также авторы рассматривают основные направления участия Румынии в программах сотрудничества Черноморского региона. Румыния заинтересована в развитии двусторонних отношений со странами Черноморского региона и страна придает особое значение участию в проектах ОЧЭС. Авторы приходят к выводу, что значимость Черноморского региона существенно вырастет в ближайшем будущем в силу его стратегического местоположения и экономического потенциала.

Ключевые слова: Румыния, Черногорский регион, ОЧЭС, Форум черноморского сотрудничества, Россия, НАТО, ЕС

М. А. Шпаковская, профессор, д-р ист. наук

Российский университет дружбы народов

E-mail: shpakovskaya_ma@rudn.ru

А. Гаврила Андреа, канд. ист. наук,

Торговая компания «Бьяджо» (Румыния)

E-mail: gv_andreea@yahoo.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УЧАСТИЯ РУМЫНИИ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Роль Черноморского региона в современном мире возрастает. В первую очередь, это связано с тем, что Причерноморье с его уникальными геофизическими и культурными особенностями является важным геополитическим регионом, расположенном между Европой и Азией. Существенные природные ресурсы (только в румынской акватории Черного моря компании «Лукойл Оверсиз» и «Ромгаз» открыли провинцию с запасами более чем 30 млрд. куб. газа) [11] и определяющее положение региона на пересечении международных путей пробуждают интерес многих стран, сложное взаимодействие которых приводит к многочисленным событиям политического, экономического, культурного и исторического значения.

Черноморский регион является областью конвергенции экономических, политических и стратегических интересов как глобальных акторов, так и прибрежных государств. Географическое положение, запасы энергоносителей, транспортные и логистические возможности региона превращают Черное море в глобальный стратегический объект. Стабильность в регионе влияет на безопасность более широких зон международной безопасности, в первую очередь, европейской, евразийской, и ближневосточной. Расширение НАТО и ЕС до границ Черного моря и особенно глобальные устремления этих организаций увеличивают значение Черноморского региона в современных международных отношениях. И увеличивает вызовы для России в регионе Черного моря.

В этой ситуации Черноморский регион превращается в важнейшее направление внешней политики Румынии и представляется стратегически важным. После окончания холодной войны и тех фундаментальных геополитических изменений, которые последовали вслед за этим, Черноморский регион постепенно превратился в международную арену соперничества. Инициатива образования региональной экономической организации стран Черного моря принадлежала турецкому президенту Тургуту Озалу в 1990 году. Предполагалось, что данная организация будет создана в интересах советско-турецкого сотрудничества. На региональном саммите в Стамбуле 25 июня 1992 года было принято решение о создании Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в

качестве инструмента совместного взаимодействия в конкретных областях. Заявление Саммита и Босфорская декларация были подписаны 11 главами государств или правительств (Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Республика Молдова, Румыния, Россия, Турция и Украина). Впоследствии к ЧЭС присоединилась Сербия и была зарегистрирована как региональная организация в соответствии с главой VIII Устава ООН. Как наблюдатели были включены США, Германию, Великобританию, Францию, Польшу и другие страны.

В Уставе Организации черноморского экономического сотрудничества, принятом главами государств-членов ОЧЭС 5 июня 1998 г. на саммите в Ялте, зафиксированы принципы и цели организации, которые были ориентированы на взаимовыгодное экономическое сотрудничество на равных условиях между государствами-членами на основе принципов и норм международного права [8].

Стратегическая значимость Черного моря была отражена в Декларации саммита НАТО в Уэльсе (2014 г.) [15, р.35] как важный компонент евроатлантической безопасности. В упомянутом документе НАТО, в частности, было зафиксировано: «Черноморский регион по-прежнему является важной составляющей евроатлантической безопасности... Мы и впредь будем поддерживать в надлежащем порядке региональные усилия прибрежных государств черноморского бассейна, направленные на обеспечение безопасности и стабильности» [1].

Вместе с тем понятно, что исторически Черное море всегда имело большое значение для Российской Федерации. Об этом свидетельствовал и основанный 13 мая 1783 года князем Потемкиным один из самых важных российских флотов, базирующийся в Севастополе [9]. Д. В. Овсянников, исполнявший обязанности губернатора Севастополя с 28 июля 2016 года, на митинге, посвященном 234-й годовщине основания Черноморского флота России заявил: «На протяжении своей истории Черноморский флот и Севастополь неотделимы друг от друга. Мы плечом к плечу стоим на страже интересов нашей страны, служим и работаем на благо Отечества, в сложные времена всегда приходим на помощь друг другу. Судьбы города и флота настолько переплетены, что для большинства россиян – это слова синонимы. Севастополь был, есть и будет городом Черноморского флота!» [2].

18 марта 2014 года президент России Владимир Путин произнес историческую речь о воссоединении Крыма с Россией [7]. Референдум, проведенный в Крыму за два дня до этого, шокировал многих своим результатом: явка 82% населения, при этом почти 97% отдали свои бюллетени в пользу воссоединения с Россией. Эти цифры были настолько показательны, что до сих пор многие люди на Западе не могут поверить, насколько крымчанам хотелось вернуться в Россию. Значимость Черного моря для России необыкновенно высока, кроме того Черное море дает возможность осуществлять контроль над маршрутами энергетических ресурсов на Кавказе, по Каспийскому и Черному морям [13].

Черноморскую политику Румынии можно определить, как развитие проектов регионального сотрудничества как с партнерами из стран ЕС (всеобъемлющий подход), так и со всеми партнерами по диалогу и сотрудничеству в регионе (подключение к региональным проектам ЕС). Основные направления участия Румынии по сотрудничеству в Черноморском регионе определены в ***Национальной Стратегии Обороны Румынии на период 2020-2024 гг. «Вместе за безопасную и процветающую Румынию в мире, отмеченном новыми вызовами»***, в которой отмечается, что румынское государство планирует принимать более активное участие в программах, нацеленных на укрепление региональной безопасности, а также укрепление и развитие политических, дипломатических и экономических контактов [6]. Дипломатия Румынии в регионе направлена не только на сотрудничество в Восточном Средиземноморье, но и на укрепление сотрудничества с государствами Западных Балкан, прежде всего в экономической и энергетической сферах [6].

По вопросам энергетического сотрудничества Румыния активно участвует в программах по развитию мощностей по производству энергии, увеличения энергопотребления, в разработке проектов по обеспечению диверсификации доступа к энергетическим ресурсам и превращению Румынии в важного игрока на энергетическом рынке. Основные проекты ориентированы, за счет извлечения выгоды из ресурсов, имеющихся в Черном море, на увеличение пропускной способности и конкурентоспособности, в том числе путем реализации целей Энергетического союза.

В ***Национальной стратегии управления государственной границей Румынии на 2021-2027 гг.*** обозначены основные направления участия Румынии в сотрудничестве на Черном море. В документе

подчеркивается, что Румыния активно участвует в рамках механизмов сотрудничества с третьими странами, таких как Форум черноморского сотрудничества (FCMN), Конвенция о сотрудничестве в Юго-Восточной Европе (ЕЕА ССР), Стратегия ЕС для Дунайского региона (SUERD) и др.

Форум черноморского сотрудничества (FCMN) – это инструмент сотрудничества прибрежных черноморских государств (Румыния, Республика Болгария, Турция, Украина, Грузия и Россия), целью которого является развитие сотрудничества для обеспечения безопасности и стабильности в регионе Черного моря и постоянный диалог между прибрежными государствами по различным конкретным сферам деятельности, чтобы достичь через систему AIES быстрого обмена данными и информацией между пограничными властями / береговой охраной государств [5].

Необходимо сказать также об *Энергетической стратегии Румынии на 2020-2030 годы*, в которой отображены основные направлений участия Румынии в сотрудничестве на Черном море [10]. В этом стратегическом документе упоминается, что, хотя в Черноморском регионе, по сравнению с Западной Европой, межсистемные соединения, современные мощности для хранения газа, институты, правила функционирования рынка и качество инфраструктуры все еще находятся в стадии разработки, Румыния активно участвует в развитии и улучшении ситуации в регионе.

Румыния придает большое значение региональному сотрудничеству и уделяет особое и постоянное внимание Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). В 2020 году Румыния в шестой раз председательствовала в ОЧЭС с момента его институционализации. Действия Румынии в качестве Действующего президента ОЧЭС (январь-декабрь 2020 г.) были нацелены на укрепление межправительственного экономического сотрудничества для устойчивого развития всего Черноморского региона, а также на укрепление мира, стабильности и процветания в соответствии с обязательствами, изложенными в Уставе ОЧЭС [4].

Девиз шестого действующего президента Румынии – «Соединяя берега, повышая сплоченность» – иллюстрирует веру Румынии в то, что будущее Организации должно строиться на концепции сплоченности, взаимосвязанности и диалога. В этой связи действующее председательство Румынии было направлено на продвижение осязаемого, ориентированного на результаты сотрудничества для региона путем стимулирования взаимного доверия и поощрения подлинного и конструктивного диалога, чтобы продвигать центральную миссию ОЧЭС – общее процветание путем содействия большему благу.

Основная цель председательства Румынии заключалась в повышении значимости Организации для государств-членов, а также в повышении ее эффективности и результативности. Таким образом, Румыния прилагала постоянные усилия для содействия достижению консенсуса на уровне ОЧЭС с целью определения оптимальных решений для надлежащего управления институциональными трудностями, препятствующими надлежащему функционированию Организации. Учитывая растущую политическую и финансовую заинтересованность ЕС в укреплении регионального сотрудничества на Черном море, председательство Румынии стремилось к развитию гибкого и прагматичного сотрудничества между ОЧЭС и ЕС на благо всех государств-членов Организации. Румыния считает, что более тесное сотрудничество между ЕС и ОЧЭС сможет способствовать усилению европейского обязательства по выделению финансовых и технических ресурсов для региона и, косвенно, для ОЧЭС. Председательство Румынии также было нацелено на развитие взаимодействия ОЧЭС с обсерваториями, партнерами по отраслевому диалогу и его вспомогательными учреждениями, чтобы повысить заметность Организации на региональном и международном уровнях в интересах государств-членов.

Геостратегическое положение региона делает его естественным связующим звеном между Европой, Азией и Ближним Востоком. Богатые природные ресурсы и географическое расположение региона на пересечении международных путей объясняет к нему интерес многих стран. При этом Черноморский регион является не только полем многостороннего сотрудничества, но и пространством столкновения интересов государств Причерноморья. В этом контексте Черноморский регион остается одним из самых важных направлений внешней политики Румынии, позволяющих ей повысить свой международный вес посредством участия в многосторонних и региональных проектах, а также решить некоторые, прежде всего энергетические и инфраструктурные проблемы внутреннего развития за счет природных ресурсов Черного моря.

После присоединения Румынии и Болгарии к НАТО (2004 г.) и ЕС (2007 г.) эти структуры стали субъектами Черноморского региона, значение которого для них возросло после теракта 11 сентября

2001 года, и особенно в результате возросшей международной нестабильности последних лет (рост террористических угроз, арабская весна, украинский кризис т. д). С другой стороны, членство Румынии в НАТО и ЕС позволило ей стать едва ли не самым активным проводником евроатлантических интересов в регионе. Перспективы собственного государственного строительства, решение социально-экономических проблем, обеспечение безопасности страны, власти Румынии напрямую связывают только с европейскими и евроатлантическими структурами.

В официальных документах Румынии, посвященных проблемам внешней политики и безопасности, не только постоянно подчеркивается этот выбор, но и содержится призыв к ним всячески усилить свое присутствие и участие в делах региона. Это безоговорочное следование планам НАТО (в частности, размещение систем американской системы ПРО на территории Румынии) в ситуации противостояния Россия-США не может не сказываться на состоянии румыно-российских отношений, которые демонстрируют в настоящее время высокий уровень напряженности. Не во всем солидарна с Румынией и Турция в вопросах политики НАТО в регионе, что, впрочем, не оказывает принципиального влияния на румынский выбор.

Румынские стратегические цели совпадают с активным присутствием ЕС в регионе. Участие ЕС в формировании Черноморского регионального сотрудничества важно для Румынии во всех его аспектах [14, p.75] В этом контексте разработка Черноморского измерения Европейской политики соседства – задача первостепенной важности. Румынские интересы заключаются в развитии регионального сотрудничества, основанного на принципах, ценностях и стандартах европейских процессов интеграции.

В этом контексте Румыния выступала за разработку европейской и евроатлантической стратегии для Черноморского региона, определяя три неотложных императива: расширение обязанностей ЕС по стабилизации региона; увеличение вклада и усиление присутствия НАТО; развитие американских оперативных возможностей в регионе.

Осуществление инфраструктурных проектов в регионе, представляющих несомненный интерес для Румынии, происходит при активном финансовом участии Евросоюза. Выгодоприобретателем такого участия становится Румыния, которая тем самым выходит на ведущие позиции в регионе, демонстрируя свою безальтернативность как в инфраструктурном обеспечении региона, так и в реализации планов по обеспечению его безопасности.

Черноморский регион всегда был и остается долгосрочным приоритетом внешней политики Румынии. При этом у Румынии как актора международных отношений есть свои собственные цели, и, будучи членом Европейского союза, Румыния поддерживает дипломатические отношения со странами Центральной и Восточной Европы и с государствами вблизи Черноморского региона [12, p. 27].

Есть много доступных инструментов, разработанных прибрежными государствами, для активизации регионального сотрудничества. У Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) есть потенциал стать новым межнациональным рынком в регионе. Она также располагает возможностями для объединения усилий государств-членов для борьбы против международной организованной преступности, незаконной торговли людьми и терроризма. Как член-учредитель ОЧЭС, Румыния глубоко заинтересована в развитии двусторонних отношений со странами Черноморского региона и придает особое значение участию в проектах ОЧЭС, полагая, что важность Черноморского региона существенно вырастет в ближайшем будущем в силу его стратегического местоположения и экономического потенциала.

Список литературы

1. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе, обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе – 4-5 сентября 2014. – URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 07.10.2021)
2. Дискурс губернатора Севастополя, Дмитрий Овсянников. – URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/13/ovsyannikov/> (дата обращения: 07.10.2021)
3. Овсянников Дмитрий Владимирович – назначен временно исполняющим обязанности Губернатора Севастополя до вступления в должность лица, избранного Губернатором города Севастополя, Указом Президента Российской Федерации от 28.07.2016 г. № 370 «О досрочном

прекращении полномочий Губернатора города Севастополя». – URL: <https://sevastopol.gov.ru/government/gubernator/> (дата обращения: 07.10.2021)

4. Министерство иностранных дел Румынии, Повестка дня председательства Румынии в ОЧЭС – январь - декабрь 2020 г. – URL: <https://www.mae.ro/bsec> (дата обращения: 07.10.2021)

5. Национальная стратегия управления государственной границей Румынии на 2021-2027 гг. – URL: https://webapp.mai.gov.ro/frontend/documente_transparenta/380_1624615803_proiect%20SNMIFS%202021-2027.pdf (дата обращения: 07.10.2021)

6. Национальная Стратегия Защиты Румынии на период 2020-2024 гг. «Вместе за безопасную и процветающую Румынию в мире, отмеченном новыми вызовами». – URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf (дата обращения: 07.10.2021)

7. Послание Президента Российской Федерации от 18.03.2014 г. б/н – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39444> (дата обращения: 07.10.2021)

8. Устав Организации черноморского экономического сотрудничеств. – Глава II. Принципы и области сотрудничества, Статья 3. – URL: https://www.mintrans.ru/documents/detail.php?ELEMENT_ID=11182 (дата обращения: 07.10.2021)

9. Черноморский флот ВМФ России. – URL: <http://flot.com/nowadays/structure/black/> (дата обращения: 07.10.2021)

10. Энергетическая стратегия Румынии на 2020-2030 годы – URL: http://www.mmediu.ro/app/webroot/uploads/files/Strategia%20Energetica%20a%20Romaniei_aug%202020.pdf (дата обращения: 07.10.2021)

11. Agentia Nationala pentru Resurse Minerale Romania. – URL: http://www.cnr-cme.ro/foren2016/presentations/RTF_2/sorin%20gal.pdf (дата обращения: 07.10.2021)

12. Grigore Alexandrescu, Managementul Diferențelor în realizarea Securității la Marea Neagră, București, Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2007.

13. Energy security in the Black Sea region: Russia and the EU's position. – URL: <http://alleuropalux.org/?p=105> (дата обращения: 07.10.2021)

14. Tratatul Uniunii Europene. – Editura Lucrețius, București, 1997.

15. Wales Summit Declaration, Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales, 05 Sep. 2014 - Press Release (2014) 120, Issued on 05 Sep. 2014. – URL: http://www.nato.int/cps/ic/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 07.10.2021)

Статья поступила в редакцию 13.11.2021

Shpakovskaya, M. A., Gavrilă Andrea, A. *The Main Trends of Romania's Participation in Cooperation on the Black Sea*

The article analyzes the role and importance of the Black Sea region, which is becoming not only a strategically important area in Romania's foreign policy, but also has become an international arena of rivalry. The authors analyze the steps taken by NATO to strengthen its position in this region, stressing at the same time that the Black Sea remains a zone of national interests of Russia. This largely predetermines the orientation of the Black Sea region towards mutually beneficial economic cooperation on equal terms between the member states based on the principles and norms of international law, as stated in the Charter of the Black Sea Economic Cooperation. The authors also consider the main directions of Romania's participation in the cooperation programs of the Black Sea region. Romania is interested in developing bilateral relations with the Black Sea region countries and the country attaches particular importance to participation in BSEC projects. The authors conclude that the importance of the Black Sea region will significantly increase in the near future due to its strategic location and economic potential.

Keywords: Romania, Montenegro, BSEC, Black Sea Cooperation Forum, Russia, NATO, EU

УДК 141.33:165

В статье исследуется проблема сущности страданий и путей их преодоления в мистических учениях мира. Делается вывод, что основной причиной страданий являются привязанности человека к различным формам непостоянного материального мира. В основе этого заблуждения лежит самоотождествление человека с его телесной формой и ее потребностями, что приводит к формированию эгоцентрического сознания. В мистических учениях были разработаны два типа отношений к страданиям. В аскетических традициях присутствует сознательное культивирование страданий, но большинство философско-мистических традиций стремится преодолеть страдания с помощью методов медитативного созерцания и молитвы. Так называемое, «бегство от страданий», характерно для квазирелигиозных и квазимистических учений.

Ключевые слова: страдания, эгоцентрическое сознание, привязанность, просветленное сознание, святость, квазимистика.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

М. Н. Козлов, доцент, д-р. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

СУЩНОСТЬ СТРАДАНИЙ И МЕТОДЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В МИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ

Современное религиоведение уделяет много внимания мистическим учениям, рассматривая мистический опыт как сущностное ядро религиозного опыта. Отечественные и зарубежные исследователи в своих трудах предприняли попытку осуществить феноменолого-аналитический анализ мистики с целью выявить ее универсальные особенности. Особое внимание заслуживают работы Э. Андерхилл, У. Джемса, Г. Джонса, У. Стейса, Ф. Хаппольда и других. В них подчеркивается, что мистические опыт и практика приводят к качественной трансформации личности и сознания адепта. Этот опыт важен для современного человека, который живя в обществе с материалистическим мировоззрением, нуждается в духовных ориентирах.

Одной из важнейших особенностей мистических учений является их стремление определить причины человеческих страданий, использовать их в мистической практике и, в конечном итоге, преодолеть. Отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в трудах Н. Бердяева, Г. Джонса и О. Хаксли, но без проведения сравнительной характеристики восточных и западных мистических учений. Вместе с тем между ними существуют как общие, так и отличительные особенности, которые необходимо учитывать при исследовании мистического опыта.

Причины страданий.

Согласно большинству мистических учений (исключением являются только мистические традиции буддизма) наше бытие имеет два уровня существования – материальный и духовный. Духовный мир является первичным по отношению к материальному, он вечный и совершенный. Напротив, мир материальный изменчивый и несовершенный.

Человек одновременно принадлежит двум мирам, что способствует противостоянию материального и духовного начал в его душе. В мистических традициях Запада и Востока рождается учение о двух «Я» человека. Его телесное «Я» чаще всего называют Эго, а духовному «Я» каждая традиция дает свое имя. Если Я-Эго связано с телесным, физическим человеком, то духовное Я, божественное начало, единое для всех людей, независимо от их телесных особенностей.

Бытие человека парадоксальным способом сочетает вечное и бренное, высокое и низкое. Если он не способен разрешить конфликт материального и духовного, рождаются страдания.

Мистики предлагают осознать изменчивость и непостоянство мира материального, чтобы избавиться от желания чем-то владеть в нем, поскольку все материальное обречено на тлен. Если человек считает материальную действительность единственной существующей реальностью, делает ее основной ценностью своей жизни, то он создает «привязанности» к тем или иным объектам – вещам, людям, явлениям. Привязанности порождены желанием получать от них определенные удовольствия – социальные, сексуальные, интеллектуальные и другие. Постепенно человек начинает воспринимать других людей и вещи как свою собственность: так рождается страх потерять свое «имущество». Но рано или поздно мы расстанемся с объектами наших привязанностей, что и порождает страдания человека. Следовательно, наши страдания, вызываются всегда «привязанностью» к той или иной материальной форме.

Самой сильной привязанностью является самоотождествление человека с его телесной формой. Он воспринимает внешнее Я-Эго как свое настоящее Я. Именно поэтому человек уделяет значительное внимание тому, что именно чувствует его Тело, к чему оно стремится, кем является его личность, что думают о ней другие. Мы ждем уважительного отношения к себе со стороны окружающих и очень болезненно воспринимаем все проявления неуважения к своей персоне, например, когда пренебрегают нашим мнением. Так рождаются усталость, неврозы, недовольство.

Излишнее внимание к своей персоне порождает эгоцентрическое сознание, которое всегда воспринимает свою физическую форму как нечто обособленное, совершенно уникальное и неповторимое. О. Хаксли писал так: «Божество – бесстрастно; ибо там, где есть совершенство и единство не может быть никакого страдания. Способность к страданию возникает из несовершенства, разобщенности и обособленности от всеобъемлющей совокупности» [7, с. 246]. Н. Бердяев также был уверен, что источником страданий является «дуализм, в котором живет человек в этом мире», что «несчастное сознание есть разделенное, раздвоенное». Философ-мистик делает вывод: «большая часть страданий и несчастий связана с поглощенностью своим «я», с ячеством» [1, с. 397]. По мнению Р. Джонса, задачей мистики является «успокоение концептуальных и эмоциональных аппаратов ума и чувства собственного “я”, чтобы ощутить реальность без его посредничества» [11, с. 5].

Второй сильной привязанностью являются наши отношения с другими людьми. Люди созданы разнополюсными существами, поэтому они нуждаются в поиске своей «второй» половинки. Но чаще всего влюбленность приводит к восприятию другого человека как своей собственности: «Обычно люди любят, только когда удовлетворены их условия. Когда ты не любишь из полноты собственного сердца, ты торгуешься. Ты хочешь заставить другого человека что-то для тебя сделать» [6, с. 69-70]. Такие отношения, как правило, доставляют страдания обоим, принуждают к определенным моделям поведения, связывают и сковывают, лишают людей свободы.

Еще одной сильной привязанностью являются наши стереотипы мышления, матрицы восприятия мира. Их формирование обусловлено воспитанием и культурной средой. Каждый человек создает своеобразную матрицу (материалистическую, христианскую, исламскую и т. п.), под влиянием которой разум (интеллект) берет под свой контроль жизненные ситуации, выполняя функцию «фильтра». Он безжалостно отвергает все то, что не понимает, что противоречит созданной им картине мира. Все новое вызывает страх и подозрение: «Вниз сводит как раз твоя привязанность к моделям, шаблонам или программам – в связи с тем, кем себя считаешь и каков, по-твоему, мир, - с этими привычками ума» [9, с. 219-220]. Но люди находятся на разных уровнях сознания, и поэтому бесполезно и даже вредно навязывать свои взгляды другим. Игрой разума являются даже наши представления о «самой лучшей философии» или «самой лучшей религии».

Итак, наша жизнь неразрывно связана со страданиями. И только от самого человека зависит, какие выводы он сделает относительно переживаемой им боли.

Отношение к страданиям.

Как утверждает современная наука, каждому человеку от рождения присущи два начала, два инстинкта – стремление к жизни (инстинкт творчества) и стремление к смерти (инстинкт разрушения). Они в современной психологии получили название «биофилия» и «некрофилия». По мнению Э. Фромма, психически здоровый человек развивается по направлению к биофилии. Для этого необходимо удовлетворить пять психологических потребностей: потребность в связях с другими людьми посредством любви, потребность в преодолении своей животной природы посредством творчества, потребность в корнях путем создания семьи, потребность в идентичности путем осознания своей личности и потребность в определенной системе взглядов. Так формируется здоровый или продуктивный тип личности. В противном случае создается больное («непродуктивное» существо), с садомазохистскими наклонностями, которое находит удовольствие либо от личных страданий, либо от страданий других людей.

Это кажется странным, но человек способен сам усиливать свои мучения и даже наслаждаться ими! Н. Бердяев называет человека «странным существом», которое «не только ищет освобождения от

страдания», но «ищет и страдания и готов истязать себя, как истязать и других». В его жизни работает парадокс: «человек может усиливать свое страдание, чтобы меньше страдать». Именно поэтому мы можем видеть в религиозной жизни не только освобождение от страдания, но и усиление страдания. Мазохизм и садизм, по мнению Н. Бердяева, есть извращения, но они играют большую роль в психологии людей, а потому присутствуют даже в религиозной жизни [1, с. 401, 405-406].

Мистики указывали на большую опасность появления желания страдать ради Бога. По мнению католической святой Анжелы, последовательницы Франциска Ассизского, идеалом святости является готовность принять страдания, как одно из подтверждений глубокого смирения и любви к Христу, «ибо сам Он восхотел перенести страдания и приобрести Свое царство не иначе, как перенесением величайшей муки, бедности и призрения» [4, с. 153]. Но стремление исключительно к страданиям – это уже нарушение той бедности, которая есть отсутствие каких-либо желаний для себя. Только Бог знает степень страданий для каждой души. Не они есть основная цель нашего существования, а только любовь. Только Он решает, какие именно страдания послать человеку: «Ибо небесный врач лучше, чем самый немощный и несмышленный человек, знает, каких страданий и неприятностей искать для очищения, наставления и совершенствования души. Ведь иногда страдания и покаяния, придуманные и принятые на себя по желанию, очень служат тщеславию» [4, с. 150].

В религиозных традициях мира сформировались три типа отношения к страданиям.

Во-первых, жажда страданий ради самих страданий приводит к формированию самоудовлетворения от своего духовного подвига, что способствует развитию эгоизма, и, как следствие, еще больше отдаляет от божественного Начала. Это приводит к обострению психического заболевания – развитию садомазохистских наклонностей в психике человека. Страдания эстетизируются и постепенно превращаются в культ, занимающий место самого Бога. Такое отношение к страданиям можно найти в аскетических учениях раннего христианства и, позднее, в католицизме.

Во-вторых, существуют философско-мистические учения, которые формируют осознание того, что страдания необходимо использовать в мистической практике просветления. Их не следует рассматривать как неотъемлемый атрибут человеческого бытия. Страдание «не только не нужно, оно неумно, неудобно и вредно для вашего здоровья... Страдания не имеет ничего общего с происходящими событиями – оно имеет отношение к вашей реакции на эти события. То, что происходит, – это просто то, что происходит. Как ты чувствуешь себя по этому поводу – это другое дело» [10, с. 177].

Человек – это психическое существо, которое живет в своем собственном мире, созданном нашими проецируемыми привязанностями». И чем большей оказывается наша реакция на те или иные слова, события, тем сильнее привязанность к этой сфере: «И пока есть какое-то место, где вы уязвимы, мир найдет способ столкнуть вас с ним лицом к лицу» [9, с. 252-253]. Ситуация может повторяться снова и снова, пока человек не осознает свою проблему. Его основная задача освободиться от того, что приносит ему отрицательный психологический опыт. Следовательно, страдания необходимо рассматривать как знак ложного направления в развитии личности. Именно поэтому страдания – это благо и огромный стимул для роста. Они положительны с той точки зрения, что указывают на болезненные места в психике человека, то есть выявляют сильнейшие «привязанности», которые создают боль! Здоровый человек, ориентированный на счастливую гармоничную жизнь, стремится освободиться от них. Именно поэтому он не избегает страданий, а использует их для повышения самосознания. Как утверждает Рам Дасс, «сознательное существо использует все, ничто не отклоняется», ведь «страдание пробуждает вас больше, чем наслаждение» [9, с. 239].

Когда человек достигает просветления, он начинает понимать, что единственный смысл оставаться в материальной, телесной форме – «в облегчении страдания, в приведении других к свету, сознанию, освобождению, к Богу [9, с. 221]. Н. Бердяев писал, что «страдание есть испытание человека, духовных сил человека на путях свободы» [1, с. 408]. Освобождение от эгоцентрического сознания знаменует высшую форму творчества, которое доступно человеку – это творчество самого себя [2, с. 146-147].

И, наконец, в-третьих, боль может вызвать желание избежать ее. Это происходит по причине того, что большинство людей боится страданий. Чтобы избежать их, человечество придумывает все новые средства борьбы с болезнями, развивая научно-технический прогресс. Даже свои личные отношения люди строят на стремлении найти такого человека, который бы придавал нам наибольший комфорт. Подобное отношение к страданиям больше культивируются в современных учениях, которые претендуют на статус мистических, но, на самом деле, могут классифицироваться как квазимистические (от латинского «квази» - словно, почти, якобы).

Квазимистика игнорирует опыт мистических учений, рассматривающих страдание как мощный стимул пробуждения сознания. Святая Анжела, говоря о своих современниках, даже и предположить не могла, что ее слова останутся актуальными и в нашем веке: «Гнуснейшие грешники, не только не принимаем мы на себя в покаянии страданий и принять не стараемся, но даже отвергаем те, которые

Бог по Своему величайшему милосердию и мудрости ниспосылает нам, оберегая нас от зла...; с нетерпением убегаем от них и, ропща, жалуемся, и со всем тщанием вооружаемся против них, и ищем утешений и средств, которые облегчили бы нам эти страдания» [4, с. 149]. Формируется, так называемый, феномен «бегства от страдания».

Методы преодоления страданий.

В мистических традициях мира были разработаны два метода преодоления страданий – медитативное созерцание и молитва. Их общей задачей является уничтожение привязанности человека к своему телесному «Я-Эго».

Например, в имманентных мистических традициях, сформировавшихся на основе веданты и йоги, предлагается стать «ничем особенным», то есть избавиться от устоявшихся взглядов относительно своей личности, которые приводят к эгоцентризму. Для этого необходимо развить восприятие себя как единого для всего человечества духовного начало, называемого Атманом. В этом случае приходит понимание того, что «быть никем – это значит, что нет никого, кем бы вы не были». «Ибо когда вы станете никем, тогда нет никакого напряжения, никаких претензий, никого, кто пытался бы быть кем-то или чем-то, и естественное состояние разума – это чистая любовь, которая есть не что иное как чистое сознание» [9, с. 299-300].

Лучшим именем для медитативного созерцания, по мнению Ошо, есть *мауна* («тишина»). Существует много видов созерцания, но все они отличаются общими признаками: во-первых, уничтожаются все мысли о себе и окружающем мире; во-вторых, происходит наблюдение за действительностью с расслабленным осознанием, лишенным каких-либо вмешательств, суждений и оценок; в-третьих, достигается расслабленность: никакой борьбы, никакого контроля разума, никакой концентрации. «Медитация – значит просто быть» [5, с. 27-28].

Медитативное созерцание призвано погрузить человека в настоящий момент – здесь и сейчас. Когда это происходит, человек освобождается от тягот своего прошлого, потому что изменить его уже невозможно. Она также начинает понимать, что не нужно слишком беспокоиться о будущем, особенно планировать его. Ведь если мы создаем себе модели будущего, есть большая вероятность привязаться к ним, а потом страдать по поводу их разрушения. Медитация же помогает нам преодолеть все привязанности и порожденные ими страхи: «Медитация – это не что иное, как создание ситуации, когда у ума все меньше и меньше забот. Ты настолько лишен страха, настолько полон любви и мира, так удовлетворен всем, что бы ни происходило, что уму нечего сказать. Тогда ум постепенно отстает и однажды он отстает окончательно – и тогда ты становишься Вселенной. Тогда ты больше не ограничен телом, ничем не ограничен – ты чистый простор. Именно это и есть Бог» [6, с. 90]. В медитативном созерцании присутствует величайший страх – страх прекращения себя. Но, «когда вы становитесь просто сознанием, то больше нет вас, который сознает». И это есть полное освобождение от Эго и его страданий [9, с. 301].

Мистики предлагают превратить даже сами страдания в медитацию. Считается, что боль обостряет сознание, увеличивает уровень осознанности. Поэтому момент страдания используется для самосовершенствования.

Основным методом освобождения от страданий в западных мистических традициях является молитва. Она также как медитация призвана избавить человека от эгоцентрического сознания. Человек должен быть свободен от мыслей о себе, чтобы принять Бога. Святой Иоанн Златоуст говорил так: «Гордость не приемлет благодати, потому что наполнена собой... Бог творит из ничего: доколе мы хотим и думаем быть чем-нибудь, дотоле Он в нас не начинает Своего дела» [8, с. 172].

Обычно человека страшит его неизвестное будущее или же человек может быть напуган теми событиями, которые вторглись в его жизнь и нарушили спокойствие. Однако пережитое страдание, по мнению мистиков, способно укрепить веру. В моменты высшего отчаяния, когда может пошатнуться даже самая крепкая вера, может прийти полное понимание истины: «Да будет воля Твоя». Через осознание этой истины достигается абсолютное смирение, примером которого для христианина являются страдания распятого Иисуса. Святой Иоанн Златоуст писал так: «Доверие состоит в том, прежде всего, чтобы не согнуться в страдании и опасности и сердце свое возвысить к Богу» [8, с. 74].

Молитва может родиться только из любви к Богу и большой благодарности за дар бытия. Из этих чувств рождается безграничное доверие к Богу и желание полностью вручить Ему свою жизнь. Постепенно приходит осознание того, что сам человек по себе беспомощен, только Бог всемогущ, и полностью положиться на Него – это единственное, что может защитить. Человек убеждается, что существует только Бог, а желание Эго не следует учитывать, даже если жизненные испытания несут неприятности для него. Святая Анжела говорила, что любящая душа считает «за ничто все прошедшее и даже все сотворенное и не заботится ни о немощи, ни о чести либо позоре, и так умиряется и успокаивается, что ни к чему не стремится, теряет желания». Душа начинает видеть в Божественном

свете, «что Бог создал все в таком порядке и необходимости, что не слабеет она даже от Его отсутствия». Душа «довольна всем, что сотворил Он, и все снова препоручает Ему, как хорошо устроенное» [4, с. 173, 174]. Как однажды сказал суфий ал-Бистами: «Бог знает всё, в чем я нуждаюсь, потому я никогда не молюсь — ведь это невероятно глупо! Что говорить Ему? Он и так всё знает... Поэтому я просто никогда ни о чем не беспокоюсь. Чего бы мне ни понадобилось — Он дает» [3, с. 114].

Таким образом, мистические учения видят основную причину страданий в «привязанностях» человека к тем или иным формам материального мира, в котором все изменчиво и непостоянно, обречено на смерть. Основой этого заблуждения является ошибочное самоотождествление человека с его материальной оболочкой (Телом-Эго) и забвение им своего духовного, божественного начала.

Религиозные учения сформировали три вида отношения к страданиям. Во-первых, они могут эстетизировать страдания, и, как следствие, сделать из них культ, что способствует обострению психических заболеваний (мистико-аскетические традиции). Во-вторых, могут рассматривать страдания как знак отделения человека от божественного Первоначала, делая их стимулом преображения сознания, его постепенного «просветления» (философско-мистические традиции). В-третьих, могут сформировать феномен «бегства от страдания» (квазимистика).

В мистических учениях были разработаны два метода преодоления страданий — медитативное созерцание и молитва, направленные на преодоление привязанностей Я-Эго и порожденных им страхов.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев // Диалектика божественного и человеческого. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. — С. 341-498.
2. Жиртуева, Н. С. Творчество в мистических традициях мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. — 2017. — № 9. — С. 141-150.
3. Зеркало совершенства: истории странствующих суфиев. Идрис Шах. Истории дервишей / пер. В. Максимов. — М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. — 400 с.
4. Откровения блаженной Анджелы / сост. и ред. С. И. Еремеев. — Киев: «УЦИММ-ПРЕСС», 1996. — 223 с.
5. Ошо, Р. Медитация — первая и последняя свобода / Р. Ошо; ред. и пер. Свами Вит Праяс. — М.: «Нирвана», 2000. — 320 с.
6. Ошо. Храбрость. Радость жить рискуя / Ошо. — СПб.: ИД «Весь», 2003. — 224 с.
7. Хаксли, О. Вечная философия / О. Хаксли; пер. с англ. О. О. Чистяков. — М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер», 1997. — 336 с.
8. Цветник духовный. Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых. Ч.1./ репринт. издание 1909 г. — М.: «Союзбланкоиздат», 1991. — 234 с.
9. Центр циклона: Автобиография внутреннего пространства / Дж. Лилли. Зерно на мельницу / Р. Дасс; сост. Ю. Смирнов; пер. И. Старых. — Киев: «София», 1993. — С. 183-319.
10. Уолш Нил Доналд. Беседы с Богом: Необычный диалог. В 3 кн. Кн. 1. / Д. Н. Уолш; пер. с англ. под ред. И. Старых. — Киев: «София», М.: ИД «Гелиос», 2002. — 336 с.
11. Jones Richard H. Philosophy of Mysticism: Raids on the Ineffable. — SUNY Press, 2016. — 420 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021

Zhirtueva, N. S., Kozlov, M. N. The Essence of Suffering and Methods of Suffering Overcoming in Mystical Teachings

The article considers the essence of suffering and ways to overcome them in mystical teachings of the world. The conclusion is that the main cause of suffering is human attachment to various forms of the unstable material world. The core of this fallacy is the self-identity of human and body form and its needs, which leads to the formation of a self-centered consciousness. Two types of attitudes towards suffering have been developed in mystical teachings. In ascetic traditions there is a conscious cultivation of suffering, but most philosophical and mystical traditions are aimed at overcoming suffering through the methods of meditative contemplation and prayer. The so-called “escape from suffering” is a feature of quasi-religion and quasi-mystical teachings.

Keywords: suffering, self-centered consciousness, attachment, enlightened consciousness, holiness, quasi-mysticism.

УДК 215-18+141.319.8

В статье исследуется проблема сущности человеческой личности в светской этике буддизма. Проводится сравнительный анализ понимания личности в западной и буддийской философии. В отличие от западной философской мысли, светская этика буддизма вкладывает в понятие личность новый смысл, утверждает её иллюзорность, отсутствие цельной неделимой сущности и независимого существования от окружающего мира. Делается вывод, что практическая направленность такого понимания состоит в том, чтобы человек каждый момент времени мог осознавать собственные состояния, мотивы, чувства, находясь не в тотальном погружении в них, а наблюдая, как бы со стороны. Такой подход помогает человеку обрести независимость своих внутренних переживаний от внешних обстоятельств, сделать жизнь более гармоничной.

Ключевые слова: личность, буддизм, цельность, психофизический конгломерат, «я», «другой», взаимозависимое возникновение

А. Б. Русакова, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: Russa.ab@ya.ru

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СВЕТСКОЙ ЭТИКИ БУДДИЗМА

Проблема человека и его личности, закономерностей ее формирования и развития всегда занимала одно из ведущих мест в истории общественной мысли. В разные эпохи философы, социологи, психологи пытались ответить на вопрос: что такое человек, в чем заключается его природа и сущность, чем является личность, ее структура, под влиянием каких факторов она формируется, совершает поступки. Ответы были разными и неоднозначными. Они зависели от эпохи, цивилизационной и социокультурной принадлежности авторов, стиля и способов мышления и тому подобное.

Анализ мирового философского наследия показывает, что в той или иной степени рассматривали феномен личности томизм, неотомизм, марксизм, русская классическая философия, персонализм, экзистенциализм, философская антропология и феноменология. Как известно, древнегреческая философия не только не оперировала понятием, а даже и не знала такого слова, как «личность». По утверждению известного испанского религиозного философа Хавиера Субиру, в средневековье понадобились титанические усилия каппадокийских теологов (св. Василия, св. Григория Назианзина и св. Григория Нисского), чтобы лишить термин «ипостась» прежнего значения чистого субстрата, *subiectum* и субстанции и приблизить его к тому значению, которое в римской юриспруденции предоставлялось термином «*persona*» (свободный человек, субъект прав и обязанностей в обществе), в отличие от чистой «*res*», «вещи». «... Понятие «личность», во всей его своеобразия, было введено христианской мыслью и откровением, к которому была обращена эта мысль» [8, с. 323].

Первые философские осмысления человека, как личности, содержатся в древнеиндийской ведической литературе. В Ведах человек наделен душой, которая является частью мировой души.

Другие живые существа также обладают душой. Но человеческой душе присуще желание достичь свободы от оков земного бытия и найти соединение с Богом. И в этом процессе рождается то, что мы называем личностью: соединение материального человеческого существа и духовного начала, пытающегося определить своё место в этом мире.

Первое из общепризнанных определений личности в западной культуре принадлежит римскому христианскому богослову Северину Боэцию (ок. 480-525 гг.), который утверждал, что «личность есть индивидуальная субстанция, которая имеет разумную природу». По мнению К. Вальверде, через основоположника томизма Фомы Аквинского это понятие восприняли все христианские философы [3, с. 41].

Однако, согласно взглядам Боэция, не всякое индивидуальное сущее представляет собой личность. По его представлениям, «умная природа, что определяет индивидуальную субстанцию как личность, – это способность к результативному, соотносится с абстрагирующим мышлением». Отсюда, быть личностью значит быть субъектом, иметь разумную природу. Развивая эту мысль, Фома Аквинский добавляет: «Личность означает совершенное во всей природе, то есть то, что самостоятельно существует в своем разумном существе» [3, с. 42].

Проблема личности – это значительная и сложная проблема, охватывающая обширную область исследований не только философии, психологии, педагогики. Понятие личности – одно из самых сложных в человеческих знаниях. Достаточно обоснованного и общепринятого определения этого термина пока не появилось.

Американский психолог и философ рубежа XIX – XX веков, один из основоположников прагматизма, У. Джемс в фундаментальном труде «Психология», включавшем и психологические, и философские выводы автора, писал: «Понимая слово личность в самом широком смысле, мы можем прежде всего подразделить анализ ее на три части в отношении: 1) ее составных элементов; 2) чувств и эмоций, вызываемых ими (самооценка); 3) поступков, вызываемых ими (забота о самом себе и самосохранении). Составные элементы личности могут быть подразделены также на три класса: 1) физическую личность, 2) социальную личность и 3) духовную личность» [4, с. 82.].

Известный советский философ Э. В. Ильенков, автор работы, в название которой вынесен вопрос: «Что же такое личность?», писал: «Человеческая личность, по старинке называемая иногда «душой», той самой «душой», которую каждый человек знает, как свое «Я», как нечто уникально-неповторимое, неразложимое на какие-либо общие составляющие и, стало быть, принципиально ускользающее от научно-теоретических определений и даже невыразимое в словах...» [5, с. 368].

Известный грузинский мыслитель М. К. Мамардашвили утверждал: «Личность – это форма, способ бытия, особое состояние жизни, находка ее эволюции. Я бы сказал так, что личность – это «крупная мысль природы». Самонастраиваемость ее проявлений не зависит от всезнания или от каких-либо высших ориентиров... Понимаете, ведь главная страсть человека – это быть, исполниться, состояться» [6, с.173].

Философия буддизма предлагает нам иную точку зрения на сущность личности. Личность – это сложный психофизический конгломерат, совокупность элементов: формы, чувств, восприятия, формаций ума, сознания. Эти элементы не являются стабильными, они подвижны и подвержены влиянию окружающей среды. Ум же в определённый момент времени идентифицирует себя с одним из этих элементов, и для устранения диссонанса формирует некий цельный образ, который мы называем личностью. В тоже время, этот термин весьма активно используется для удобства восприятия и исключительно для него.

В последнее время все большую актуальность приобретает такая новая ветвь буддийской философии как светская этика буддизма, предложенная его святейшеством Далай Ламой XIV [9, с.119]. Ее философские идеи и понятийный аппарат опираются, прежде всего, на такие человеческие способности как логика, сочувствие и разум. Светская этика буддизма не отрицает существования некоторого существующего «я», «личности», но вместе с этим он подтверждает и условное существование некоторого «ты». «Я» и «ты» рассматриваются в качестве двух категорий существующих взаимоотношений. Для того чтобы описать существующие взаимоотношения нужно использовать такие категории как «меня», «тебя», «наши отношения». При этом в их отсутствие невозможно подтвердить существование других концепций. Следовательно, эти факторы рассматриваются в качестве некоторых составных причин и концепций, а также основополагающих определений, формирующих цепочку определений. В буддистской терминологии формирование этих факторов известно под названием зависимого возникновения.

Очень важно рассматривать и другой пример буддистского возникновения. К примеру, если рассматриваются объятия двух людей, то здесь каждое «я», которое участвует в объятиях, не рассматривается в качестве отдельно существующей личности, они являются двумя связанными объектами. Они существуют одновременно вместе и тесно связаны между собой. Это аргументируется тем, что факт объятий не может существовать без «меня» и «тебя», то есть, без двух объектов, участвующих в объятиях. Таким образом, определение объятий подразумевает наличие одновременно двух объектов, а значит, с точки зрения буддистской терминологии, все объекты лишены самодоказанного существования.

Личность, для которой подобные характеристики отсутствуют, считается ложной личностью или ложным «я», которое на самом деле не существует. При этом, с точки зрения буддизма, подобной личности действительно не существует. Однако человек, с точки зрения собственных органов чувств, формирует образ некоторого самостоятельного «я», которое существует в рамках нашего сознания, что на самом деле является ложным образом. Подобное явление на самом деле не существует, поскольку собственное «я» невозможно доказать в качестве некоторого обнаруживаемого объекта в нашей голове. Причем невозможность доказать существование подобного объекта формируется с точки зрения любого фактора, в том числе и некоторого внешнего объекта.

Если же рассматривать полное отсутствие объекта, которое при этом бы соответствовало нашему неправильному представлению, то его можно охарактеризовать как «пустоту». На основе этого можно сделать вывод о том, что буддизм не подразумевает отсутствие существования «я», буддизм лишь опровергает отсутствие «ложного я». Практически каждый человек в современном мире полагает, что он существует, но на самом деле он действует в качестве ложного «я», с которым мы отождествляемся, а также пытаемся защищать эту идею и развивать ее, что приводит к появлению беспокойных эмоций и состояний ума. Как результат, у человека формируются компульсивное поведение и различные проблемы с контролем собственной личности. В том случае, если человек неправильно воспринимает себя, а также другие личности, из-за проектирования ложных личностей на других, то это приводит к формированию еще большего количества проблем во взаимоотношениях с другими людьми. Это лишь усиливает формирующиеся заблуждения, особенно в контексте того, что человек считает свои отношения с другими людьми твердо доказанными, а также подтверждаемыми другими личностями.

На основе всех рассмотренных утверждений можно сделать вывод, что к формированию условного «я» приводит целая совокупность факторов, а значит, данный процесс определяется одновременно множеством факторов, которые могут развиваться в течение всей жизни. Главная особенность здесь заключается в том, что условное «я» не предоставляет конкретных факторов для обнаружения, которые могли бы подтвердить его существование, несмотря на наличие множества второстепенных факторов. Более того, невозможно проецировать концепцию ложного «я» на обнаружимое условное «я». Все дело в том, что подобные «я» не обладают конкретными обнаружимыми сущностями, что исключает их использование в дальнейшем.

Таким образом, условное «я» является зависимым при возникновении объектом. С точки зрения буддистского мастера 2-го века Нагарджуны, существует три типа зависимого возникновения:

1) Причинная зависимость. Данное положение определяет, что формирование любых изменчивых определений основывается на наборе конкретных причин и условий. В качестве примера можно рассмотреть росток, который формируется из семени, почвы и солнечного света. В свою очередь проблемы формируются из-за имеющихся заблуждений относительно реальности, из-за различных беспокоящих состояний и других подобных проблем, например, компульсивного поведения. Подобная концепция тщательно излагается в рамках всех буддистских философских систем, и подтверждается всеми философами.

2) Взаимная зависимость. Любое явление формируется в тесной связи с другим явлением. К примеру, целое и часть формируются в непосредственной связи друг с другом, и характеризуются наличием некоторых общих компонентов или концепций, которые их формируют. В качестве примера подобного утверждения можно рассматривать отца и сына, футбольный мяч и игру в футбол, нечто короткое и нечто длинное. Данное утверждение также закрепляется в рамках махаянских философских систем. В эту категорию также входит зависимое формирование обозначенного явления и некоторой основы для обозначения. К примеру, игра в футбол выступает в качестве обозначения, основой которого является игра команд, игроков, правил, движений, счета и других факторов. Для того чтобы игра в футбол состоялась, должны соблюдаться все эти факторы.

3) Зависимые особенности формирования, определяющиеся концептуальным обозначением. Появление тех или иных явлений определяется тем, что они являются некоторым набором объектов, которые характеризуются обычными названиями и концепциями с определениями. К примеру, футбольный мяч считается футбольным мячом только условно, поскольку существуют соответствующие категории и условности. Более того, из-за разных условностей под футбольным мячом могут подразумеваться совершенно разные объекты, к примеру, в США и Европе эти объекты действительно характеризуются разной формой и особенностями. А значит, условности следует рассматривать в качестве некоторых переменных. Только в таком случае становится возможным полноценное рассмотрение всех участвующих в процессе объектов. Более того, очень важно учитывать и все сопутствующие обстоятельства, которые будут определять тонкости процесса [7, стр. 102].

Существующие три типа зависимого возникновения, которые могут быть использованы в отношении существующего «я»:

1. Причинная зависимость. Здесь формирование условного «я» определяется предыдущими компонентами и моментами континуума этого «я», то есть, он определяется причинами получения. В качестве причины получения рассматривается нечто, что приводит к формированию явления, которое превращается в следующий момент континуума. Несмотря на то, что любое тело является континуумом тел родителей, а именно их сперматозоида и яйцеклетки, условное «я» человека нельзя

рассматривать в качестве континуума условных личностей его родителей. Именно по этой причине буддизм утверждает, что континуум каждого человека не обладает ни началом, ни концом.

2. Взаимная зависимость. Формирование условного «я» подразумевает создание объекта, который будет обозначен на основе пяти изменяющихся совокупностей познания, каждый из которых является некоторой основой для обозначения условного «я». Эти совокупности формируют момент нашего опыта, и в их состав входит тело, действия, ум, восприятие, мысли, эмоции, чувства. Очень важно помнить о том, что человеческое «я» не может существовать отдельно от этих факторов, и его познание также невозможно отдельно от них. Факторы, которые являются основой для обозначения условного «я», формируются как результат причин и обстоятельств, влияющих на них. К примеру, наш ум, эмоции и тело подвергаются влиянию со стороны других людей, окружающей среды и погоды. Именно эти причины являются определяющими при формировании условного «я».

3. Зависимое возникновение. Этот принцип подразумевает, что для формирования условного «я» требуется наличие соответствующей концепции «я», более того, эта концепция должна соответствовать особенностям буддизма. Следовательно, существование условного «я» должно быть доказано с точки зрения континуума пяти постоянно изменяющихся совокупностей.

В таком случае понимание того, что для формирования условного «я» требуются одновременно три аспекта зависимого возникновения, приводит к опровержению веры в то, что каждый человек существует как некоторое невозможное «я», которое непосредственно подтверждает свое существование вне зависимости от веры остальных субъектов. Однако для полного избавления от веры, человек должен приучить себя к тому, что ложное «я» не существует, для чего ему требуется постоянно анализировать факторы, которые приводят к формированию личности. Здесь очень важно учитывать тот факт, что личность не является некоторой застывшей сущностью, она постоянно изменяется под воздействием окружающих факторов. Если бы человек сразу осознавал весь ряд абсурдных выводов, то у него бы не было возможности взаимодействовать с другими людьми с самого младенчества, что препятствовало бы развитию человека, как личности. На практике же человек постепенно перестает отождествлять себя с ложным «я», и каждый человек постепенно становится более гибким, что позволяет вступать ему в здоровые и корректные взаимоотношения с другими людьми.

Для того чтобы стать частью здоровых взаимоотношений с другими людьми, требуется не только осознавать особенности формирования каждой личности, но и понимать тонкости формирования отношений. Ни один указанный объект не существует в качестве застывшей сущности. Следовательно, человеку необходимо научиться отличать условно существующие отношения от отношений, существование которых в принципе невозможно. Человек создает крайне серьезные проблемы в отношениях, если он полагает, что эти отношения являются неизменными и неделимыми. Также на отношения пагубно влияет вера в то, что наше представление полностью соответствует окружающей действительности. К примеру, если человек считает отношения с другим человеком застывшими, то он начинает формировать обвинения, что второй человек не участвует в этих отношениях на тех условиях, на каких бы мы хотели, хотя на самом деле он прикладывает все необходимые усилия. То есть, здесь человек ставит под сомнение, что другой человек является полностью преданным «нам» и нашим «идеям».

Все условно существующие отношения следует рассматривать в качестве некоторой ригидной сущности. Сюда также можно отнести три типа независимого возникновения, сформулированные Нагарджуной:

1. Причинная зависимость. Формирование любых наших взаимоотношений начинается и определяется первой встречей со вторым человеком, обстоятельствами этой встречи, а также обстоятельствами, которые формируют наше дальнейшее общение. К тому же, наша манера общения с другим человеком, а также манера другого человека общаться с нами, являются продолжением континуумов нашей манеры общаться в прошлых отношениях с другими людьми и в прошлых отношениях другого человека.

2. Взаимная зависимость. Все наши отношения обладают некоторой зависимостью от собственных частей и аспектов, например, от количества времени, которое мы провели вместе, от наличия общих интересов или занятий, а также от множества других факторов.

3. Зависимое возникновение с точки зрения наименования и концептуального обозначения. Здесь важно отметить, что под отношениями подразумевается обычное обозначение, которое приписывается на основе всех совокупных факторов.

Очень важно отметить, что процесс установления себя и других посредством отношений описывает причину, без которой не может существовать ни одна, ни другая личность. С точки зрения

буддийской терминологии рассматриваются «я» и «другой», а также концепция, что отношения между этими субъектами позволяют определить существование каждого из них.

Как показало исследование данной темы, светская этика буддизма, в отличие от западной философской мысли, использует понятие «личность» для того, чтобы объяснить её иллюзорность, отсутствие ее цельной неделимой сущности и отдельного независимого от окружающего мира бытия. Цель такого рассмотрения имеет исключительно практическую направленность и состоит в том, чтобы человек каждый момент времени мог осознавать собственные состояния, мотивы, чувства, находясь не в тотальном погружении в них, а наблюдая, как бы со стороны, и, следовательно, обретения независимости своих внутренних переживаний от внешних обстоятельств, обретения гармонии жизни.

Список литературы

1. Будда Шакьямуни. Алмазная Сутра / Шакьямуни Будда.; пер. с санскр. Е. А. Торчинов. – URL: <https://rostovbuddhism.ru/wp-content/uploads/Будда-Шакьямуни.-Алмазная-сутра2.pdf> (дата обращения 20.06.2021)
2. Будда Шакьямуни. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы / Шакьямуни Будда; пер. с кит. А. Н. Игнатович. – URL: <https://textarchive.ru/c-1753695-pall.html> (дата обращения 01.06.2021)
3. Вальверде, К. Философская антропология / Карлос Вальверде. – Москва: Христианская Россия, 2000. – 412 с.
4. Гуревич, П. С. Культурология / П. С. Гуревич. – М.: Гардарики, 2001. – 280 с.
5. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
6. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
7. Нагарджуна. Избранные места из разных Сутр. Пер. с тибетского, предисловие и комментарии А. Донца. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. – 158 с.
8. Субири, Х. О сущности / Х. Субири.-М.: Институт св. Фомы, 2009. – 456 с.
9. Шустова, А. М. Основные положения светской этики далай-ламы XIV / А. М. Шустова // Вестник института востоковедения РАН: сб.ст. – М.: Институт востоковедения РАН, 2021. – №2(16). – С. 118-128.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021

Rusakova, A. B. *The Problem of Personality in the Context of the Secular Ethics of Buddhism*

The article examines the problem of the essence of the human person in the secular ethics of Buddhism. The author carries out a comparative analysis of the understanding of personality in Western and Buddhist philosophy. Unlike Western philosophical thought, the secular ethics of Buddhism puts a new meaning into the concept of personality, asserts its illusory nature, the absence of an integral, indivisible essence and independent existence from the surrounding world. It is concluded that the practical orientation of such an understanding is so that a person at every moment of time can be aware of his/her own state, motives, feelings, being not in total immersion in them but observing them as it were from the outside. This approach helps a person to gain independence of his/her inner experiences from external circumstances, to make his/her life more harmonious.

Keywords: personality, Buddhism, wholeness, psychophysical conglomerate, "I", "other", interdependent emergence.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

* * *

УДК 94(47)''1853/1856':[070+316.654](73)

В годы Крымской войны общественное мнение в США склонялось в пользу России. Многие американские газеты охотно печатали статьи, выражавшие иной от мнения британской и французской прессы взгляд на военные события. Большую роль в формировании в обществе пророссийских симпатий сыграли американцы, побывавшие в России и рассказавшие на страницах американских газет о своих впечатлениях от увиденного. Британская пресса, доминировавшая в информационном пространстве, резко реагировала на пророссийскую пропаганду в США, уличая авторов наиболее полемических статей в недостоверности сообщаемых сведений. Корреспондентами газет являлись и американские врачи, поступившие в годы войны на русскую службу. В их числе был Колумбус Давегга, который по возвращении домой дал интервью для «Нью-Йорк геральд», имевшее резонансный характер. В нем он оценил падение Южной стороны Севастополя после одиннадцатимесячной осады союзными войсками не как поражение, а как успешный маневр по концентрации русских сил, и высказал нелицеприятное мнение об английской армии. Заявление Давегги вызвало решительный отпор в британской прессе, публикации в которой в едкой и саркастической манере опровергали не только все утверждения американского врача, но и ставили под сомнение само его пребывание в Севастополе в момент падения.

Ключевые слова: Крымская война, Колумбус Давегга, американские врачи на русской службе, средства массовой информации, общественное мнение, специфика подачи информации

А. Е. Лобков, доцент, канд. филолог. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: alexev1975@yandex.ru

ПРОРОССИЙСКОЕ ИНТЕРВЬЮ АМЕРИКАНСКОГО ХИРУРГА КОЛУМБУСА ДАВЕГГИ ДЛЯ «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД»: ИСТОРИЯ ОДНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СКАНДАЛА ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Крымскую войну (1853–1856) иногда называют также первой информационной войной. Для граждан многих стран, вступивших на путь буржуазного развития, информация в прямом смысле слова представляла ценность. Многочисленные газеты стали основным информационным источником, регулярно поставлявшим своим читателям самые разнообразные сведения политического, коммерческого, частного и развлекательного характера. Развитию публичной журналистики способствовало появление в середине XIX в. телеграфа и фотосъемки. Периодическая печать формировала и выражала общественное мнение, потеснив монополию официальных источников информации.

С началом военных действий России против Турции в 1853 г. французская и британская пресса активно публиковала статьи антироссийской направленности, призванные указать обществу на угрозу, исходящую со стороны России, и оправдать военные приготовления своих правительств. Избранная подача информации о причинах войны и разработка негативного образа России в прессе формировали в широком общественном сознании европейских стран миф о справедливой войне, возбуждали сочувствие к своим воинам и поддерживали в рядовом читателе чувство эмоциональной вовлеченности в события на театре военных действий.

Россия также искала разные способы влиять на общественное мнение стран Европы. Так, российское правительство поддержало создание в Брюсселе «независимой» газеты «Норд» («Le

Nord») и тайно финансировала ее. Газета начала выходить на французском языке с середины 1855 г. и стала ценным источником сведений о событиях в России и в Европе, причем интересных не столько с фактической стороны, сколько с видения и оценки этих событий русскими властями [3].

Несколько иная ситуация сложилась в США. Как отмечают отечественные и американские историки, в годы Крымской войны большая часть американской прессы нередко печатала статьи в благожелательном для России духе [14], [2].

Такое единодушие возникло не сразу. Первоначально военные успехи России в войне с Турцией, были восприняты американцами под углом зрения британской и французской прессы, а именно как «российская агрессия». Сообщения в европейской и американской прессе о «чудовищной синопской бойне» («atrocious massacre of Sinope»), устроенной 18 (30) ноября 1853 г. русским флотом под руководством адмирала П. С. Нахимова, вызвали возмущение общественного сознания и требование незамедлительных мер со стороны правительств своих стран в ответ на действия «агрессора». Однако вступление в войну в марте 1854 г. Англии и Франции и последующие бомбардировка Одессы, высадка союзных войск в Крыму и осада Севастополя, заставили американское правительство задуматься о нарушении торгового, военного и политического «баланса сил» и возможных последствиях усиления англо-французского альянса для США, проводившими в то время экспансионистскую политику, и искать сближения с Россией.

Так, проправительственная газета «Дейли юнион», выходившая в Вашингтоне, опубликовала 24 мая 1854 г. большую передовую статью с характерным заголовком – «Война между Россией и Турцией. Наши интересы требуют, чтобы успех сопутствовал первой. Симпатии в отношении второй неоправданны» [37, р. 1].

В статье «Американцы и Восточная война», опубликованной в мае 1855 г. во влиятельной аболиционистской газете «Нэшнл ира», издававшейся в Вашингтоне и занявшей оппозиционную курсу американского правительства позицию в отношении России, отмечается кардинальное изменение, произошедшее в американском общественном мнении: «До объявления войны союзниками общественность в Соединенных Штатах активно и единодушно выступала против царя. Но какой поворот произошел за истекшие 12 месяцев! Пресса южных штатов, если она вообще выражает какое-либо мнение, выступает на стороне России. Многие из наиболее влиятельных газет Севера склоняются к такой же позиции. Американские авантюристы стремятся поступить на русскую службу. Американские туристы полны восхищения могуществом России. Американские корреспонденты из-за границы переполняют наши газеты хитроумными оправданиями российской агрессии. Может показаться, что Россия использует целую систему агентов для такого извращения общественного мнения нашей страны, с тем чтобы сделать ее союзником своего гигантского плана по расширению влияния» [4, р. 82].

В статье «Американские симпатии и война на Востоке», опубликованной в декабре 1854 г. в «Нью-Йорк геральд», самой популярной американской газете в середине XIX в., также констатируется, что «общественное мнение здесь, без сомнения, настроено благоприятно к России. Нет необходимости скрывать этого, и Англии пора это признать. Не потому, что мы больше любим Россию, но оттого, что мы в меньшей степени ненавидим ее» [6, р. 4]. Таким образом, сближение России и США в годы Крымской войны было продиктовано в первую очередь собственными национальными интересами, а не абстрактной доброжелательностью.

Британская пресса также отмечает симпатии американских медиа к России, публикующих явно заказные «пасквилы», которые затем перепечатываются на континенте: «К сожалению, нельзя отрицать, что наши собратья по другую сторону Атлантики в целом проявляют признаки симпатии скорее к России, чем к союзникам в нынешнем конфликте. Является ли это результатом торговой зависти к Англии, симпатией к рабовладельческому государству или подтверждением старой поговорки, что крайности – даже крайности республиканизма и деспотической монархии – всегда имеют тенденцию сходиться; факт действий Америки в интересах России подтверждается не только вскрытыми поставками оружия, военного снаряжения и оборудования для военных пароходов из американских портов в российские, но и пристрастным тоном американской прессы в большинстве случаев, а также демонстрацией чувств на различных встречах и сборищах» [39, р. 120].

Барон А. Г. Жомини, служивший в Азиатском департаменте министерства иностранных дел и принимавший активное участие в дипломатических переговорах в годы Крымской войны, раскрыл некоторые особенности дипломатической истории периода войны в своем сочинении «Россия и

Европа в эпоху Крымской войны». В нем он, в частности, указывал на «доброе расположение» США к России, на которые не имели влияния «диаметрально-противоположные принципы, представляемые обоими правительствами», поскольку гарантией «добрых отношений» служило «сознание общности политических интересов» [1, с. 246–252]. К похожему выводу приходит и В. Н. Пономарев, автор диссертационного исследования об истории русско-американских отношений периода Крымской войны, отметивший, что руководящими мотивами в деятельности политиков обеих стран служили трезвый расчет и соображения собственного политико-стратегического интереса, отодвигающие соображения социального порядка и классовых симпатий на задний план [2, с. 186–187]. Пономарев приводит фрагмент отчета министра иностранных дел А. М. Горчакова за 1856 г., констатировавшего, что «симпатии американской нации к нам не ослабевали в продолжение всей войны, и Америка оказала нам прямо или косвенно больше услуг, чем можно было ожидать от державы, придерживающейся строгого нейтралитета» [2, с. 185].

Как верно отмечает газета «Нэшнл ира», проводниками российского влияния были американцы, побывавшие в годы войны в России, о которой у американцев в середине XIX в. были крайне туманные представления. Среди них были политики и военные, предприниматели и изобретатели, искатели приключений и легкой наживы. Их письма и интервью вызывали у соотечественников неподдельный интерес, так как сообщаемые ими новости с театра военных действий и о положении дел в России ярко контрастировали с сообщениями британской и французской прессы, доминировавшей в информационном пространстве.

Многие из пророссийских публикаций, имевших особенно резонансный характер, вызвали острые полемические отклики в британской прессе, снискав их авторам скандальную известность.

Среди таких скандальных имен – имя американского врача и сахарного плантатора Томаса Коттмана (Cottman, ок. 1810 – ок. 1880). Весной 1854 г. он приехал в Санкт-Петербург и был зачислен на русскую службу по военно-медицинскому ведомству в должности старшего сверхкомплектного ординатора с чином надворного советника. Служба носила формальный характер. Коттман вращался в высших придворных кругах и завоевал доверие членов царской семьи, обсуждавших с ним, если верить газетным слухам, возможность продажи Русской Америки американскому правительству. В начале августа 1854 г. Коттман вернулся на родину и дал большое интервью газете «Нью-Йорк геральд», вышедшее под громким заголовком «Специальная миссия из России. Прибытие д-ра Томаса Коттмана с важными донесениями для Вашингтона. Планы царя продать Ситку и заключить новое торговое соглашение с Соединенными штатами и пр., и пр., и пр.» [32, р. 4]. В нем он в самом благоприятном тоне отзывался о царской семье и политике России, попутно критикуя объективность британской прессы в освещении военных событий, в частности сведений о захвате британским флотом Улеборга, которые «так же близки к истине, как и все, что сообщалось вам с начала войны. Во всем, что рассказывалось публике с конца апреля [1854], видна целая система лжи и *suppressio veri* [утаивания истины]» [32, р. 4].

Коттман сразу попал под сокрушительный обстрел британской прессы, обличавшей американца в тщеславии и лживых измышлениях в адрес Англии. Полными сарказма были и отклики британской прессы на опубликованное в «Нью-Йорк геральд» интервью с американским предпринимателем и изобретателем полковником Талиаферро Престоном Шаффнером (Shaffner, 1811–1881), совершившим в 1855 г. длительную поездку по России и пытавшимся продать российскому правительству разные технические новинки [26, р. 1].

С именами доктора Коттмана и полковника Шаффнера в прессе часто сопрягалось и имя доктора Давеги. Так, автор статьи «Коттман терциус» в нью-йоркской газете «Альбион» с едким сарказмом отзывался о пророссийских симпатиях Коттмана, Шаффнера и Давеги [11], снискавших себе своими заявлениями сомнительную славу.

Действительно, интервью Давеги для «Нью-Йорк геральд» получило скандальную известность и принесло ему в британской прессе славу «низкопробного вралю» (Brummagem Munchausen) и «янки московита» (Yankee Muscovite).

История участия американских врачей в Крымской войне – одна из интереснейших страниц русско-американских отношений в XIX в. Как известно, в войну с Турцией Россия вступила, испытывая нехватку в военных врачах, тем более что с началом боевых действий потребность в них значительно возросла. В октябре 1853 г. российское правительство объявило о наборе в армию немецких докторов, традиционно пополнявших ряды военных медиков русской армии, на условиях,

действовавших для отечественных врачей.

В марте 1854 г. Британская и Французская империи объявили войну России. В развернувшемся военном конфликте Соединенные Штаты Америки, как известно, заняли позицию доброжелательного по отношению к России нейтралитета. Правительство США препятствовало вербовке американцев в британскую армию, но при этом всячески поддерживало укрепление отношений с Россией.

В апреле 1854 г. Россия распространила набор иностранных врачей в русскую армию и на североамериканских врачей. Это решение было принято сразу после приезда в марте 1854 г. Санкт-Петербург нового посланника американского правительства Томаса Сеймура, которого сопровождали несколько влиятельных американцев. Среди них был и доктор Томас Коттман, который, вероятно, проинформировал российское правительство о желании нескольких американских врачей, совершенствовавших свои знания во французских медицинских университетах, поступить на русскую службу [21].

Конечно, нехватка врачей в действующей армии была очевидной, однако российские власти преследовали приглашением на службу иностранных медиков и другие цели. Они пытались снискать благорасположенность общественности сохранивших нейтралитет стран, и гуманистическая направленность деятельности врачей как нельзя лучше способствовала формированию климата сочувствия русскому делу [40, р. 455–456]. В этом они не ошиблись. Американские и немецкие газеты охотно печатали письма своих врачей на русской службе, написанные, как правило, с долей большой симпатии к России и к ее народу.

Всего в годы войны на русскую службу поступили около 40 американских врачей. В их числе был и Колумбус Давега (Columbus Davega, 23 декабря 1830 – 14 июля 1882), уроженец города Чарльстона в американском штате Южная Каролина.

Давега закончил Медицинский колледж в Чарльстоне, где в 1852 г. представил работу на звание доктора медицины на тему «Исследование о применении опиума» [12]. После непродолжительной врачебной практики в родном городе он продолжил свое образование во Франции. Вместе с ним в Париже обучались еще два молодых врача из Южной Каролины – Кортни Смит Кинг (King, 1831–1855) и Эдвард Берриан Турнипсид (Turnipseid, 1829–1883), с которыми Давега, вероятно, был знаком еще по учебе в Медицинском колледже.

В начале 1854 г. несколько американских хирургов, находившихся в Париже, обратились в посольство России в Бельгии с прошением о зачислении их на русскую службу в качестве военных врачей. В августе 1854 г. первые пять американцев – И. Дрейпер, Э. Б. Турнипсид, К. С. Кинг, У. Д. Холт и Ч. Ф. Генри прибыли в Кишинев, где находился штаб главнокомандующего Южным фронтом.

Когда, где и на каких условиях был завербован Давега пока неизвестно, как остается и неизвестным, были ли у него, как еврея по происхождению, трудности с поступлением на военную службу.

Из газетной публикации известно, что Давега находился на русской службе 11 месяцев. Таким образом, можно предположить, что он прибыл в Россию около октября 1854 г. В каких госпиталях он служил, сказать сейчас трудно. Упоминаний о нем в письмах и воспоминаниях американских врачей практически не содержится. Лишь из записей Холта известно о конфликте Давеги с немецким доктором Бондлером, который «невежливо» обращался с американским хирургом, так что Давега «был вынужден применить силу, после того как более мягкие средства воздействия были исчерпаны, и схватив Бондлера за ухо выставил его из своей палаты» [29, р. 2], [22, р. 201]. В результате возникшего разбирательства американец не смог добиться справедливости у главного врача Симферопольского госпиталя И. Е. Протопопова и уволился со службы.

23 октября 1855 г. Давега прибыл в Нью-Йорк на почтово-пассажирском судне «Юниверс». А спустя два дня на передовой странице «Нью-Йорк геральд» была опубликована большая статья с кричащим заголовком «Новости прямо из лагеря русских. Крайне интересные сведения о внутренней обстановке в Севастополе. Оборонительные укрепления русских на Северной стороне. Личный состав русской армии. Патриотические чувства среди русских солдат и пр., и пр., и пр.» [25, р. 1].

В ней корреспондент газеты передавал содержание своей беседы с доктором Давегой, который «находился в Крыму одиннадцать месяцев, из которых значительную часть он провел непосредственно в лагере, где имел прекрасную возможность познакомиться с характером русских солдат и людьми, которыми ими командуют. Поэтому сообщаемые им сведения, можно считать

достоверными, хотя они будут серьезно расходиться со многими сообщениями, опубликованными в английских газетах» [25, р. 1].

Как сообщалось в статье, Давега покинул лагерь русских войск в середине сентября, после того как союзные войска овладели Южной стороной Севастополя. Однако, по мнению Давеги, то, что русские оставили Южную часть города, никоим образом нельзя рассматривать как их поражение, так как «они и не планировали удерживать ее дольше, чем это было бы необходимо для неспешного перемещения госпиталей, пушек и всего остального, представлявшего для них ценность» [25, р. 1].

Давега убедительно утверждает, что Северная сторона, где «каждый холм превращен в форт, и каждый клочок земли, на котором можно было разместить пушку, полностью оцетинилась ими» имеет более важное стратегическое значение, чем Южная. Расположенные на высотах орудия позволяют контролировать всю гавань и оставленную часть города, так что союзники «фактически начинают рассматривать свой поздний успешный, но дорогой купленный триумф как очень невыгодный, если не сказать хуже – бесполезный» [25, р. 1].

Все сообщения об отводе русских войск к Перекопу являются ложными: «русские не имели ни малейшего намерения отступать и были полны решимости оставаться там, где они находились, и защищать свою позицию до последнего». В лагере на Северной стороне сосредоточены «300 000 хорошо дисциплинированных, хорошо оснащенных, хорошо снабженных и во всех отношениях эффективных солдат» [25, р. 1]. Все дороги находятся под контролем русских войск, и в любой момент в Крым могут быть переброшены дополнительные резервы и припасы.

Давега опровергает сообщения о массовом дезертирстве 600 польских солдат. Признавая единичные случаи, он сообщает, что дезертирство со стороны войск союзников более распространено. Русская армия «относительно не деморализована, она пребывает в идеальном состоянии порядка и дисциплины, которого могли бы только желать их командиры; солдаты вовсе не утратили боевого духа, напротив, они почувствовали свою силу и приобрели уверенность в себе в ходе частых столкновений с войсками союзников» [25, р. 1].

Давега неоднократно подчеркивает храбрость и мужество русских солдат: «Удивительно, что в то время как англичане и французы разбегаются под сильным огнем, русские собираются вместе и с упорством цепляются друг за друга, даже не помышляя о сдаче в плен. Они никогда не думают об отступлении и бросаются в бой с энтузиазмом, вдохновленные глубочайшим чувством веры. Они говорят, что сражаются за «своего Бога, своего Царя и свою страну», и они верят, что погибнуть за это сродни мученичеству. И в самом деле, они так воспринимают смерть и считают, что самая большая жертва, которую они могут принести, это умереть на поле битвы, сражаясь за свою церковь, главой которой, сразу после Бога, они считают царя» [25, р. 1].

Крымская война в освещении английской и французской прессы была продиктована захватническими целями России. Напротив, в российском обществе она воспринималась как крестовый поход за освобождение христианских народов, находящихся под властью Османской империи. Давега отмечает: «Русские, все без исключения, действительно верят, что война, в которой они участвуют, это священная война против «неверного турка», и всякий раз, когда какие-нибудь не слишком удачливые мусульмане попадают к ним в руки, их сразу убивают – мысль о том, чтобы их пощадить, никогда не приходит в голову русскому солдату» [25, р. 1].

К французам русские относятся как к достойному противнику, напротив, отношение к англичанам крайне пренебрежительное. Давега заявляет, что не знает ни одной битвы, «в которой англичане не потерпели поражения и в которой они не были спасены от уничтожения только своими союзниками, французами. Русские солдаты это хорошо знают и, поднося пушечные ядра, шутливо говорят: «Немного хлеба для французов», явно игнорируя само существование англичан» [25, р. 1].

Из всех героев обороны Севастополя Давега упоминает лишь Э. И. Тотлебена, инженерный талант которого гремел по всему миру и личность которого вызывала наибольший интерес у иностранных читателей. Давега отмечает, что защитники связывают с деятельностью Тотлебена «небывалый успех в обороне Севастополя, и едва ли найдется в его окружении человек, который при необходимости не пожертвовал бы своей жизнью, чтобы сберечь его для «своего царя и своей страны»» [25, р. 1].

Успех действий русских войск видится Давеге в тщательном планировании операций генералами и умении держать их в секретности: «Никто заранее не знает, что они собираются делать, и все их планы обычно выполняются с точностью и быстротой, которые часто удивляли союзников и ставили

их в невыгодное положение, в то время как они думали, что пребывают в полной безопасности» [25, р. 1].

В изображении Давеги вывод русских войск из Севастополя не поражение, а тактический ход отступления на более укрепленные позиции на Северной стороне, осада и штурм которых в свете надвигающейся зимы чреваты большими потерями: «Перспективы, открывающиеся перед союзниками в этих условиях, весьма мрачны. Горчаков был честен, когда сказал, что генералы январь и февраль сделают за них все дела» [25, р. 1].

Давега отмечает героизм не только простых солдат, но и дворян, «готовых при необходимости пожертвовать состоянием ради войны, которую они считают одной из самых справедливых в истории своей страны». Крепость духа солдат поддерживают священники, воодушевляющие их и укрепляющие сознание того, что «они участвуют в крестовом походе против неверных» [25, р. 1].

В заключении своего обзора ситуации на Крымском фронте Давега констатирует, что «с армией, воодушевленной такими чувствами, с инженером, равных которому, возможно, в Европе нет, с генералами, чьи способности прошли проверку на деле, и с почти неограниченными ресурсами, находящимися в распоряжении командования, безусловная победа императора представляется лишь только вопросом времени. Остается только посмотреть, будет ли конфликт улажен дипломатическим путем или же разрешен силой оружия» [25, р. 1].

Интервью Давеги о многообещающих перспективах стратегического хода русских войск в связи с оставлением Южной части Севастополя было воспринято в американской прессе однозначно как «пророссийское», написанное «с целью укрепления доверия к России по эту сторону Атлантики» в свете возможного «русского займа» у американских «капиталистов» [7, р. 2].

Однако вряд ли сам Давега ожидал, какой эффект произведут его «откровения» в Англии. 17 ноября 1854 г. лондонская «Таймс» перепечатала интервью Давеги из «Нью-Йорк геральд». Через день редакция английской газеты опубликовала критический разбор заявлений американского врача, преуменьшившего успех союзников и давшего резко отрицательную оценку солдат британской армии [5].

Редактор газеты приводит факты, призванные показать несостоятельность рассуждений Давеги о преимуществах положения русской армии в свете предстоящей зимней кампании. Не без доли сарказма он указывает на брошенные русскими солдатами орудия и амуницию, пишет о казармах, доках и фортах Севастополя, разрушению которых русская артиллерия, расположенная на Северной стороне города, помешать никак не может, о русской армии, численность которой в Крыму явно преувеличена, о недостаточности ее экипировки и трудностях снабжения. Критические отзывы о солдатах британской армии, по его мнению, свидетельствуют об очевидной предвзятости Давеги: «Насмешки над Англией достаточно ясно показывают настрой пишущего и ту степень доверия, которая должна быть оказана его высказываниям» [5, р. 2].

Именно пренебрежительное отношение Давеги к Англии и стало причиной развернутой против него в британской прессе кампании. Редактор «Таймс» заключает свой отклик словами: «Но, хотя доктор Давега и его симпатии к своим покровителям могут лишь повеселить английских читателей, сами американцы, возможно, воспримут их всерьез. Мы бы посоветовали им с некоторым недоверием относиться к рассказам демократов, ослепленных пышностью деспотизма и усыпленных его лестью. Покойный император Николай хорошо владел подобными хитростями, и он произвел самое сильное впечатление на республиканцев с Запада. В то время как европейские гости, привыкшие к своим собственным дворам, справедливо рассматривали учтивость самодержца как нечто малозначащее, и никогда не думали, что они или их нация были предметом его внимания, американцы всех рангов приписывали их прием заслугам своим собственным или своей страны и от этого приходили в восторг. Доктор, чье мнение мы обсуждали, по-видимому, являлся одним из них, и может быть несколько сладких слов Горчакова или Липранди стали источником откровений, которыми он поделился с миром» [5, р. 2].

Как известно, лондонский «Таймс» стал первой газетой, отправившей собственного корреспондента в зону боевых действий. Им был Уильям Говард Рассел (Russell, 1821–1907). Критические статьи Рассела о состоянии британской армии в Крыму вызвали возмущение общественного мнения и оказали давление на правительство, которое было вынуждено улучшить снабжение войск, а также условия набора и жизни солдат. Рассел неоднократно указывал на просчеты британского командования и давал оценку военных действий, чем вызвал недовольство военных

властей, обвинивших корреспондента в работе на противника.

Действительно, полемичность некоторых суждений Рассела в ряде статей допускала возможность их использования в пользу России. Так, публикуя отрывки из интервью Давеги, некоторые американские газеты в качестве подтверждения истинности слов доктора приводили выдержки из одной из статей Рассела. Так, в репортаже, опубликованном в «Таймс» 29 сентября, военный корреспондент признавал, что захват Южной части Севастополя не принес желаемых результатов и русские войска не потерпели сокрушительного поражения, получив возможность восстановить свои силы в хорошо укрепленном лагере на Северной стороне. В заключении Рассел констатировал недальновидность командования союзных войск: «Проблема с овладением Северной стороной была предвидена с самого начала – предвидена, но для ее разрешения ничего не предпринималось. И в самом деле не было предпринято никаких шагов, чтобы должным образом удержать в руках плоды нашего труда. Мы не готовились к успеху, и теперь нам предстоит отважиться на новую кампанию, а у русских есть семь или восемь месяцев, в течение которых они могут укрепиться, пополнить измотанные войска, вооружиться новым оружием и оспорить наш перевес новой бойней, что делает радость победы неполной» [36, р. 2].

Комментируя перепечатанную в «Нью-Йорк геральд» статью Рассела, редактор газеты замечает, что английский корреспондент «полностью подтверждает заявление доктора Давеги <...> о том, что северная сторона города “ощетинилась пушками” (bristling with cannon), используя, кстати, те же самые слова, что и упомянутый джентльмен» [35, р. 4]. Такое совпадение слов и позиций Давеги и Рассела не случайно. Скорее всего, американский врач перед отъездом из Ливерпуля в начале октября 1855 г. познакомился со статьей Рассела в «Таймс» и по прибытии в Нью-Йорк в своем интервью частично использовал суждения Рассела и его языковые обороты (отметим, что язык репортажей Рассела выгодно отличает эмоциональность и образность).

Смело критикуя промахи своих властей, Рассел, однако, незамедлительно встает на их защиту, когда они становятся объектом нелицеприятных суждений со стороны американского доктора. Опубликованный в «Таймс» критический отклик Рассела полон саркастических выпадов на взгляды «генерала» Давеги «на прошлое и будущее войны» [31, р. 368–371]. Признавая удобное географическое расположение военных укреплений на Северной стороне, Рассел говорит, что англичане даже и не помышляют о лобовой атаке на них, чреватой большими потерями. Однако эти укрепления не в состоянии сдержать дальнейшее наступление англичан, контролирующих все морское побережье Крыма и имеющих возможность высадиться в любом месте и отрезать снабжение крымской армии со стороны материковой России.

Продуманное и заранее организованное отступление русской армии с Южной стороны Севастополя, о котором пишет Давеге, не соответствует реальности – тысячи оставленных орудий, потопленный флот, брошенные склады с припасами, забытые на Павловском мысе тяжелораненые – все это скорее свидетельствует о поспешном бегстве, чем, как иронично замечает Рассел, о «плане по перегруппировке – простой стратегической уловке для концентрации военной мощи» [31, р. 369].

Нелестное мнение Давеги об английских солдатах и его высокая оценка героизма и сплоченности русских воинов являются, по словам Рассела, «крайне нелепым» для всех тех, кто видел, как поспешно русские войска отступали под натиском англичан в битвах при Альме, Балаклаве и Инкермане: «Нет, доктор, нет, вы можете быть янки-москвитом, искренне поддерживающим деспотическую власть, но вы действительно не можете рассказывать эти нелепицы о своих дорогих товарищах и ожидать, что Европа им поверит. Русские хорошо сражаются, находясь за оборонительными валами, и обладают немалой храбростью, но они никогда не выстояли и никогда не выстоят против такого же количества французских или английских войск» [31, р. 369].

Критически отзываясь Рассел об экипировке и вооружении русской армии, о порядке, который, как ему сообщали перебежчики с русской стороны, «довольно трудно поддерживать и требуется немалое количество ударов шпирцутенами и палками, чтобы поддерживать дисциплину, особенно среди ополченцев», об «успешном» руководстве войсками русских генералов, «которое нам не легко обнаружить; до сих пор они преуспели лишь в отступлениях» [31, р. 370].

В завершение Рассел пишет: «...вряд ли стоит давать дальнейшие комментарии по доктору Давеге, наблюдения которого, скорее всего, уже позабыты, и я позволил себе прокомментировать их лишь с той целью, чтобы читатели «Нью-Йорк геральд» не приняли их все за чистую правду. Когда русские уйдут или будут выбиты из Крыма, найдется немало людей, которые будут приветствовать

эту новость как предзнаменование нового русского успеха и как доказательство дальнейшей концентрации их мощи в соответствии с доктриной, которая кажется своего рода стратегическим плагиатом теологической доктрины развития» [31, р. 371].

Вскоре статья Рассела для «Таймс», в которой оспаривалось достоверность высказываний Давеги, была опубликована и в «Нью-Йорк геральд». Очевидно, учитывая тот бурный отклик, который интервью Давеги получило в английской прессе, редактор «Нью-Йорк геральд», решил напомнить о «непартийности» газеты, «публикующей мнение м-ра Рассела, также как и д-ра Давеги, в контексте значимых актуальных новостей, не занимая при этом ничьей стороны» [16, р. 4].

Поднятая в Англии вокруг интервью Давеги газетная шумиха неизбежно должна была породить волну внимания к самой личности американского доктора. Действительно, в английских газетах стали публиковаться свидетельства, ставившие под сомнение достоверность сведений, сообщенных Давегой.

Так, газеты, со ссылкой на «Ливерпуль пост» (от 23 ноября), сообщали: «Доктор любит море и, естественно, умеет плести небылицы. Некоторое время назад он прибыл в Ливерпуль в поисках профессиональной работы; господа из компании «Гийон и Ко.» воспользовались его услугами в качестве хирурга на транспортном корабле «Юниверс», направлявшегося в Балаклаву. Как и все американцы, доктор знал свое дело, и как хирург он исполнял свои обязанности к полному удовлетворению владельцев, экипажа и пассажиров. Как он попал в Севастополь, неизвестно, что дает повод для сомнений. По возвращении в Ливерпуль он дал плачевный отчет о состоянии русской армии; но это мнение не было принято в Нью-Йорке, тогда он встал на другую сторону и представил события в ином свете, сильно сгустив краски» [15, р. 3].

В этом сообщении целый ряд нестыковок. Во-первых, корабль «Юниверс» совершал регулярные рейсы между Нью-Йорком и Ливерпулем и вряд ли когда-либо он бывал в Балаклаве. Во-вторых, Давеге действительно в начале октября 1854 г. отплыл на «Юниверсе» в Нью-Йорк из Ливерпуля. Вполне вероятно, что в этот рейс он отправился не в качестве пассажира, а судового врача, так как его материальное положение после увольнения с русской службы явно могло быть затруднительным (иностранцы врачи, поступившие на русскую службу в 1854 г., получали такое же денежное содержание, как и отечественные военные врачи). В-третьих, Давегу спутали с морским хирургом Даниэлем Джоном Дайганом (Duigan, 1821–1884), уроженцем ирландского города Килкенни. В составе морской бригады с корабля «Герцог Веллингтон» Дайган в августе 1854 г. отличился при захвате крепости Бомарсунд на Аландских островах. Затем на корабле «Принц» был отправлен в Балаклаву, где с ноября 1854 г. и до конца войны служил в госпитале морской бригады в британском лагере [27]. Дайган подготовил два сообщения о раненых во время осады и штурма Севастополя для «Медикал таймс энд газетте» [18], [19]. В частности, в одном из его отчетов, датированным 15 сентября 1855 г., содержится описание брошенных при отступлении тяжелораненых русских солдат, что свидетельствовало, по словам Дуйгана, о том, что «бегство, очевидно, носило эгоистичный характер, *saue qui peut* [спасайся, кто может]» [19, р. 494].

Позднее путаница с двумя докторами разъяснилась. В заметке о возвращении со службы доктора Дайгана в родной город упоминается о том, что он «был странным образом и абсурдно перепутан с доктором Давегой, находившемся на русской службе» [38, р. 650].

Серьезным свидетельством, заставившее публику сомневаться в правдивости сообщенных Давегой сведений, стали опубликованные в «Таймс» и «Ивнинг мейл» письма некоего мистера Ч. Ф. Кларка, находившегося в августе 1854 г. по делам службы в Бухаресте. В них утверждалось, что Давеге не мог присутствовать при падении Севастополя, так как 19 августа, т. е. за 20 дней до взятия союзниками Южной части города, американский врач находился вместе с Кларком на корабле, идущем вверх по Дунаю: «на борту австрийского парохода, я встретил двух американских джентльменов, которые служили хирургами в русской армии и теперь возвращались на родину. Вскоре я познакомился с ними; они выказали большую дружбу и симпатию к англичанам, и перед прощанием мы обменялись визитными карточками – одним из них был доктор Колумбус Давеге, Чарльстон, Южная Каролина, его товарищем был доктор Чарльз Ф. Генри, Мобил (Алабама), Соединенные Штаты Америки. Д-р Давеге был настолько проникнут симпатией к союзникам, что рассказал мне, что будучи в Симферополе он попросил разрешения лечить раненых английских плененных – что, я не сомневаюсь, он сделал очень умело и успешно, и я был благодарен ему за такое проявление симпатии. Мы расстались в Джурджево 20 августа, им предстояло возвращение на родину

через Вену, Париж и Ливерпуль, мне – в Бухарест. Я не стал бы привлекать ваше внимание к себе, если бы не заметил этой маленькой неточности в датах, которая достаточно ясно доказывает, что реальное присутствие в Севастополе 8 сентября является чистой выдумкой, и заставляет беспристрастного наблюдателя, учитывая этот маленький факт, сильно сомневаться в достоверности остальных утверждений ученого доктора медицины» [9, р. 5], [10, р. 4].

Письма Кларка, неоднократно перепечатанные и пересказанные английской прессой, действительно могут быть серьезным свидетельством в пользу того, что Давега покинул Севастополь еще до его падения. Морской путь из Ливерпуля до Нью-Йорка в то время занимал около 20 дней. В Нью-Йорк Давега прибыл 23 октября, значит из Ливерпуля он отправился не позже 3 октября. Если Симферополь Давега покинул около 15 сентября, то чисто гипотетически он мог добраться до Ливерпуля за 17 дней, но для этого он должен был все время находиться в пути (пролежавшем через Одессу, Браилов, Вену и Кельн), при этом не останавливаясь нигде надолго. Неслучайно, что стремительность перемещения Давеги вызывает иронию у журналиста «Альбиона», предположившего, что «почтенный доктор пропутешествовал какую-то часть маршрута по телеграфным проводам или пересек понт Эвксинский по подводному кабелю» [17, р. 523]. Трудно сказать, что могло бы объяснить такую спешку американского врача, скажем только, что его коллега Ч. Ф. Генри вернулся на родину около 20 ноября 1855 г. [30].

Повод для сомнения в присутствии Давеги в Севастополе в момент его падения дает и письмо парижского корреспондента «Нью-Йорк дейли трибьюн» от 6 сентября 1855 г., в котором он сообщает о прибытии в Париж двух американских хирургов, находившихся на русской службе и недавно покинувших Севастополь. Он приводит их мнение о том, что «Севастополь не может быть взят, а если это все-таки произойдет, то для этого потребуется гораздо больше сил, чем их сейчас имеется в Крыму, ибо чтобы его взять, потребуется пролить целое море человеческой крови. И вряд тогда его падение окупит ту кровь, которой оно будет стоить; эти соображения, как полагают, удержат осаждающую армию от нападения до тех пор, пока не произойдет какого-либо нового изменения в ситуации, которое значительно увеличит их шансы на успех или же устранил необходимость штурма» [23, р. 6]. Вероятно, корреспондент говорит о нахождении в Париже Давеги и Генри, что согласуется со свидетельством Кларка и позволяет утверждать, что американский хирург в своем интервью «Нью-Йорк геральд» «слегка» преувеличил свою роль очевидца.

Как уже говорилось, реакция на интервью Давеги носила в прессе Великобритании бурный и агрессивный характер. Сквозь едкий сарказм статей в «Таймс» проступала болезненная реакция на неполную победу в Крыму и обидную критику по адресу британских войск. Более того, английская пресса в борьбе за лидерство в англоязычном информационном пространстве, охватывавшем огромные колониальные территории, просто не могла игнорировать альтернативный взгляд на военные события, транслируемый американскими СМИ, и активно пыталась противоборствовать пророссийским симпатиям, нарастающим в американском общественном сознании.

Один из американских корреспондентов «Нью-Йорк геральд» в письме от 23 ноября 1855 г. писал из Лондона: «Опубликованное в «Нью-Йорк геральд» заявление доктора Давеги, касающееся отступления русских из Севастополя, было скопировано здесь и вызвало много комментариев. Англичане, естественно, раздражены тем, что русские приписывают французам заслугу в том, что они в одиночку вели войну, и тем, что русские отзываются о них с презрением. Некоторые журналы здесь отрицают, что доктор Давега вообще когда-либо был в Севастополе, в то время как другие нападают на него за то, что он оставил своих раненых. Человек, который пишет что-нибудь в пользу России в наши дни, должен быть готов к тому, чтобы выдержать резкие нападки английской прессы; но американцы здесь получают удовольствие. Им забавно видеть, как англичане, которые высмеивают нашу восприимчивость к замечаниям, приходят в ярость от покерной игры янки-эскулапа, чье перо так же остро, как и его ланцет» [28, р. 2].

Горечь от сдачи Севастополя в общественном сознании России и США была отчасти сглажена взятием русскими войсками 16 (28) ноября 1855 г. турецкой крепости Карс, имевшей важное стратегическое значение для продвижения на Кавказе. В пробританской газете «Альбион» отмечалось, что сообщение о падении Карса в некоторых американских газетах «абсурдно» названо «блестящей победой русского оружия»: «Гарнизон, который, по крайней мере, дважды побеждал своих гораздо более многочисленных противников, в конце концов вынужден сдаться под угрозой

голода; это действительно большой успех, но только люди такого калибра, как доктор Давега, могут превозносить это как триумф» [34, р. 19].

Опыт подачи информации в прессе в годы Крымской войны показал, какое воздействие на общественное мнение, на умы и чувства людей можно достичь словом «очевидца», испытывающего симпатии к одной из противоборствующих сторон. Корреспонденты не только описывали события, но и задавали читателям направление их интерпретации, навязывали полюса оценки и склоняли общественное мнение в ту или иную сторону. Именно в Крымскую войну приходит осознание того, что победа достигается не только и не столько на поле брани, сколько в сознании людей, ключ к которому – правильно поданная информация.

Отметим в заключение, что если газетная шумиха принесла Колумбусу Давега сомнительную славу американского Мюнхгаузена, то его дальнейшая медицинская деятельность протекала вполне успешно. Он занимался врачебной практикой в родном Чарльстоне и был членом медицинского общества Южной Каролины. В истории медицины его имя связывают с руководством госпиталя при «плавучей батарее», охранявшей форт Самтер в годы Гражданской войны [33], [20], [24], и изобретением «аудифона» (разновидности слухового аппарата) [8]. Идея соединить госпиталь и бронированную плавучую батарею могла быть почерпнута из опыта Давеги периода Крымской войны: во время осады Севастополя русские военные суда в бухте служили плавучими госпиталями и одновременно продолжали поддерживать артиллерийским огнем линию обороны. Изобретение «аудифона» связано с нарушением слуха у Давеги, расстройство которого произошло в Севастополе вследствие постоянной артиллерийской стрельбы и взрывов.

Список литературы

1. Жомини, А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны / А. Г. Жомини // Вестник Европы. Т. 120. – 1886. – Т. IV. – С. 204–260.
2. Пономарев, В. Н. Крымская война и русско-американские отношения / В. Н. Пономарев. – М.: ИРИ, 1993. – 232 с.
3. Ронин, В. К. Русская публицистика в Бельгии в середине XIX века / В. К. Ронин // Славяноведение. – 1993. – № 4. – С. 3–18.
4. Americans and the Eastern War // The National Era. – 1855. – May 24. – P. 82.
5. American Reports from Sebastopol – Doctor Davega's Statement Reviewed // The Times. – 1855. – Nov. 19. Перепечатано: New-York Herald. – 1855. – Dec. 7. – P. 2.
6. American Sympathies and the War in the East // New York Herald. – 1854. – Dec. 17. – P. 4.
7. A Pro-Russian Letter // The Daily Davenport Gazette. – 1855. – Oct. 31. – P. 2.
8. Audiphone. Columbus Davega // Official Gazette of the United States Patent Office. – 1881. – Mar. 8. – P. 566–567.
9. [Clark F. C. Letter to the Editor on Dr. Davega] // The Times. – 1855. – Nov. 22. – P. 5.
10. [Clark F. C. Dr. Davega] // Evening Mail. – 1855. – Dec. 12. – P. 4.
11. Cottman Tertius // The Albion. – 1855. – Oct. 27. – P. 511.
12. Davega C. A Treatise On Opium // Waring Historical Library Inaugural Theses. – URL: <http://cdm-library-v.musc.edu/cdm/compoundobject/collection/wit/id/2353/rec/10> (дата обращения: 01.10.2021).
13. Doctor Davega's Report from the Crimea – The War News of the Herald [Sebastopol (Nov. 30.), Correspondente of the London Times] // The New York Herald. – 1856. – Jan. 7. – P. 2.
14. Dowty, A. The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War / A. Dowty: Foreword by H. Morgenthau. – New York: New York University Press, 1971. – XII, 272 p.
15. Dr. Davega // Monmouthshire Merlin. – 1855. – Nov. 24. – P. 3.
16. Dr. Davega [Editor's note] // The New York Herald. – 1856. – Jan. 07. – P. 4.
17. Dr. Davega and the New York Herald // The Albion. – 1855. – Oct. 27. – P. 523.
18. Duigan, D. J. Army Medical Reports. №XXII. Some Account of the Wounded in the recent Bombardments of Sebastopol / D. J. Duigan // The Medical Times and Gazette. – 1855. – Sept. 8. – P. 234–495.
19. Duigan, D. J. Navy Medical Reports. №XXIII. Some Further Account of the Wounded in the last Bombardments of Sebastopol / D. J. Duigan // The Medical Times and Gazette. – 1855. – Nov. 17. – P. 494–495.
20. Floating Battery at Charleston // Frank Leslie's Illustrated Newspaper. – 1861. – Mar. 30. – P. 289,

292, 296.

21. From our Paris Correspondent // The Daily Union. – 1854. – Mar. 19. – P. 3.
22. Hagy, J. W. This Happy Land: The Jews of Colonial and Antebellum Charleston / J. W. Hagy. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993. – 450 p.
23. Highly Important from Europe // New-York Daily Tribune. – 1855. – Sept. 21. – P. 5–6.
24. Leland, T. M. DaVega's Floating Hospital / T. M. Leland // Journal of the South Carolina Medical Association. – 1984. – Vol. 80. – No. 11. – P. 581.
25. News direct from the Russian Camp: Highly Interesting Intelligence from the Interior of Sebastopol [An Interview with Dr. C. Davega] // The New York Herald. – 1855. – Oct. 25. – P. 1.
26. News Direct from Russia [An Interview with Colonel Tal. P. Shaffner] // The New York Herald. – 1855. – Dec. 3. – P. 1.
27. Obituary. Daniel John Duigan // The Medical Times and Gazette. – 1884. – Dec. 13. – P. 833–834.
28. Our London Correspondence // The New York Herald. – 1855. – Dec. 8. – P. 2.
29. Our Crimean Correspondence (Simpheropol, Jan. 28, 1856) // The New York Herald. – 1856. – Mar. 10. – P. 2.
30. Personal [Dr. C. F. Henry] // Daily American Organ. – 1855. – Nov. 22. – P. 2.
31. Russell, W. H. The War: From the Death of Lord Raglan to the Evacuation of the Crimea / W. H. Russel. – London, 1856. – 486 p.
32. Special Mission from Russia. Arrival of Dr. Thomas Cottman, with Important Despatches for Washington // The New York Herald. – 1854. – Aug. 03. – P. 4.
33. Surgeons Appointed for the Floating Battery // New York Times. – 1861. – Mar. 12. – P. 2.
34. The Allies Make a Move // The Albion. – 1856. – Jan. 12. – P. 19.
35. The News // The New York Herald. – 1855. – Oct. 28. – P. 4.
36. The North Side of Sebastopol – The Russian Stronger than Ever // The Daily Dispatch. – 1855. – Nov. 01. – P. 2.
37. The War between Russia and Turkey. Our interests require that the former should be successful. Our sympathy with the latter misplaced // The Daily Union. – 1854. – May 24. – P. 1.
38. The Week [Mr. Duigan, the Naval Surgeon] // The Medical Times and Gazette. – 1855. – Dec. 29. – P. 650.
39. War and Peace – Peace and War // The Irish Quarterly Review. – March, 1856. – Vol. VI. – No. XXI. – P. 110–147.
40. White, A. D. Autobiography of Andrew Dickson White: in 2 vols. Vol. 1 / A. D. White. – New York: the Century Co., 1906. – 601 p.

Статья поступила в редакцию 4.10.2021

Lobkov, A. E. A Pro-Russian Interview of the American Surgeon Columbus Davega for the New York Herald: the History of one Information Scandal during the Crimean War

During the Crimean War public opinion in the United States tended to favour Russia. Many American newspapers willingly published reportings expressing a different view of the war events than the majority of the British and French press. Americans who visited Russia and reported of what they had seen and their impressions in the American newspapers played a major role in forming public pro-Russian sympathies. The British press, that dominated the information space, reacted sharply to pro-Russian propaganda in the US, accusing the authors of the most polemical articles of inaccurate reporting. Among newspapers correspondents were also American doctors who entered the Russian service during the war. One of them was Dr. Columbus Davega, who gave a high-profile interview for the New York Herald upon his return home. He assessed the fall of the South side of Sevastopol after an eleven-month siege by Allied troops not as a defeat but as a successful manoeuvre to concentrate Russian forces, and gave an unflattering opinion of the British army. Davega's statements caused a strong rebuke in the British press, publications in which in a caustic and sarcastic manner refuted not only all the assertions of the American doctor, but also questioned his very presence at the fall of Sevastopol.

Keywords: Crimean war, Columbus Davega, American doctors in Russian service, mass media, public opinion, specifics of information presentation.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 23
2021

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 03.12.2021. Формат 60×84/8. Заказ № 27/2021.
Усл. печ. л. 4,41. Уч.-изд. л. 4,32. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7